3 1761 07275759 4

PG
34
B66V37
1904
c.1
ROBARTS

Inv. № 323.

Purchased from the

SEWERYN WINDYK LIBRARY BEQUEST

Seminarul de-s. avistică
Universitatea din Cernăuți

О. М. БОДЯНСКІЙ

и

его заслуги для изученія

МАЛОРОССІИ.

LIBRARY
MAY 17 1900
UNIVERSITY OF TORONTO

Н. П. Василенка.

Seminarul de-Slavistică
Universitatea din Cernăuți

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

Ruthenisches Seminar
an der
Universität
Czernowitz

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 22 декабря 1903 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Предисловіе	1—5
I.	Родина О. М. Бодянскаго. Его происхожденіе. Свѣдѣнія о первоначальномъ его воспитаніи. Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ. Значеніе для О. М. Бодянскаго Переяславской семинаріи	5—22
II.	Попытка О. М. Бодянскаго поступить въ Главный Педагогическій Институтъ. Окончаніе О. М. Бодянскимъ семинаріи и поступленіе въ Московскій университетъ. Московскій университетъ въ нач. 1830-хъ гг. Проф. М. Т. Каченовскій и его вліяніе на О. М. Бодянскаго. Кандидатская диссертація О. М. Бодянскаго: «О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси». Знакомство О. М. Бодянскаго съ М. А. Максимовичемъ и М. П. Погодинымъ. Значеніе Погодина въ жизни О. М. Бодянскаго	22—51
III.	Начало литературной дѣятельности О. М. Бодянскаго. «Малороссійскія вирши» О. М. Бодянскаго. Участіе его въ «Телескопѣ» Надеждина. Критическая статья О. М. Бодянскаго о «Малороссійскихъ пословицахъ и поговоркахъ собранныхъ В. Н. С.». Полемика по поводу этой статьи. Критическая статья О. М. Бодянскаго о «Малороссійскихъ повѣстяхъ Грыцька Основьяненка»	51—78
IV.	«Наськы украинськы казкы запорозьця Иська Матырынкы». Отзывы о нихъ В. Г. Бѣлинскаго и Н. И. Костомарова. Собираніе О. М. Бодянскимъ памятниковъ народнаго творчества. Занятія О. М. Бодянскаго малорусскимъ языкомъ. Статья его: «Разсмотрѣніе различныхъ мнѣній о древнемъ языкѣ сѣверныхъ и южныхъ руссовъ»	79—108

V. Основаніе кафедры славяновѣдѣнія въ Москвѣ. Приготовленіе О. М. Бодянскаго къ занятію этой кафедры. Критическая статья О. М. Бодянскаго о сборникѣ словацкихъ пѣсенъ Яна Коллара. Переводъ «Славянскихъ Древностей» Шафарика. Магистерская диссертація О. М. Бодянскаго «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Критическая статья О. М. Бодянскаго объ изданной Ѳ. Булгаринымъ книгѣ «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ» . . . . . 108—139

VI. Ученая командировка О. М. Бодянскаго заграницу. Начало профессорской дѣятельности О. М. Бодянскаго Отзывы слушателей объ О. М. Бодянскомъ, какъ профессорѣ . . . . . 140—152

VII. Первый рефератъ О. М. Бодянскаго въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Упадокъ Общества. Избраніе О. М Бодянскаго секретаремъ Общества. Заслуги Бодянскаго, какъ редактора «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ». Исторія съ изданіемъ перевода Флетчера на русскій языкъ 153—170

VIII. Научныя занятія О. М Бодянскаго послѣ прекращенія «Чтеній». Докторская диссертація О. М. Бодянскаго и отзывы о ней спеціалистовъ. Вторичное избраніе Бодянскаго секретаремъ Общества и редакторомъ «Чтеній». Забаллотированіе его въ университетѣ. «Трилогія на трилогію» . . . . . 172—187

IX. Послѣдніе годы жизни О. М. Бодянскаго. Смерть его. Некрологи. Оцѣнка личности О. М. Бодянскаго людьми, его лично знавшими. Судьба библіотеки и рукописей О. М. Бодянскаго . . . . . 187—194

X. Отношеніе Бодянскаго къ изученію Малороссіи послѣ возвращенія изъ-заграницы. Полемическая статья Бодянскаго противъ Максимовича. О. М. Бодянскій и литераторы-малороссы. Изданіе малорусскихъ матеріаловъ въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ».—Заслуги О. М. Бодянскаго для изученія Малороссіи . . . . . 195—231

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи.

6 сентября 1902 года исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго слависта І. М. Бодянскаго.

Уроженецъ полтавской губерніи, О. М. Бодянскій всю свою жизнь сохранялъ живыя симпатіи къ своей родинѣ, къ изученію ея быта, ея прошлаго. Эти симпатіи, руководили его литературной, научной и издательской дѣятельностью. Въ исторіи изученія Малороссіи онъ оставилъ крупный слѣдъ преимущественно своей издательскою дѣятельностью, какъ редакторъ «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ». За все время своего редактированія онъ выпустилъ въ свѣтъ *сто* книжекъ «Чтеній», въ которыхъ, между прочимъ, помѣщено много чрезвычайно важныхъ источниковъ для малорусской исторіи и быта малорусскаго народа.

Для интересующихся исторіей духовнаго развитія малорусскаго народа не менѣе важна и литературная дѣятельность О. М. Бодянскаго, его литературные опыты на малорусскомъ языкѣ. Съ нихъ началъ свою литературную дѣятельность Бодянскій. Они показываютъ намъ его глубокія симпатіи къ родинѣ, къ ея языку, желаніе самому содѣйствовать развитію родного языка и родной литературы

Въ связи съ этимъ стоитъ собираніе О. М. Бодянскимъ памятниковъ народнаго творчества. Къ сожалѣнію, Бодянскій дер-

жался въ этомъ отношеніи своеобразнаго, хотя врядъ-ли правильнаго взгляда—собрать сначала какъ можно больше этихъ памятниковъ, составить возможно полный сборникъ ихъ и тогда уже его напечатать. Этому принципу Бодянскій слѣдовалъ всю свою жизнь, всю свою жизнь собиралъ памятники народнаго творчества, не печаталъ ихъ, ожидая большей полноты, а когда умеръ—матеріалы исчезли: по крайней мѣрѣ, нѣтъ указанія на то, чтобы они сохранились.

Научно-критическія статьи Бодянскаго, появившіяся въ 1830-хъ годахъ до поѣздки его за границу, и его магистерская диссертація «*О народной поэзіи славянскихъ племенъ*» не мало способствовали возбужденію интереса къ изученію малорусской народности, а также интереса къ литературнымъ произведеніямъ на малорусскомъ языкѣ.

Мы не говоримъ уже о заслугахъ О. М. Бодянскаго въ области изученія славянскихъ нарѣчій, славянскихъ литературъ и исторіи славянъ вообще. Заслуги эти высоко цѣнятся спеціалистами. Благодаря этому, онѣ какъ бы поглощаютъ всего Бодянскаго. Въ публикѣ знаютъ обыкновеннаго *слависта* Бодянскаго, понимая подъ словомъ *славистъ*—спеціалиста, посвятившаго себя изученію языка и литературъ западныхъ славянъ. Заслуги О. М. Бодянскаго для изученія своего родного малорусскаго народа, заслуги при томъ чрезвычайно крупныя, остаются обыкновенно въ тѣни.

Мы не скажемъ, чтобы онѣ оставались безъ вниманія въ научной литературѣ. Довольно, напр., обстоятельную оцѣнку литературной дѣятельности О. М. Бодянскаго на малорусскомъ языкѣ далъ проф. Н. И. Петровъ въ своихъ «*Очеркахъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія*» [1]). Проф. Н. П. Дашкевичъ въ своемъ «*Отзывѣ о сочиненіи г. Петрова*» [2]), являющемся, въ сущности, самостоятельнымъ научно-критическимъ обзоромъ исторіи малорусской литературы, въ разныхъ мѣстахъ отмѣчаетъ заслуги О. М. Бодянскаго. А. Н. Пыпинъ въ

---

[1]) Кіевъ, 1884 г., стр. 177—188.

[2]) Отчетъ о 29 присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1888, стр. 37—301.

3-мъ томѣ «*Исторіи русской этнографіи*», заключающемъ въ себѣ, какъ извѣстно, этнографію малорусскую, достаточно полно выяснилъ роль и значеніе О. М. Бодянскаго въ исторіи изученія малорусской народности [1]). Но всѣ эти труды, по своему характеру и основной своей задачѣ, не могли заняться всесторонней оцѣнкой дѣятельности О. М. Бодянскаго въ исторіи изученія родного ему края. Они характеризуютъ ее только въ общихъ чертахъ въ связи съ другими однородными ей явленіями. Между тѣмъ заслуги О. М. Бодянскаго въ дѣлѣ изученія Малороссіи на столько велики, что нуждаются въ болѣе детальномъ обзорѣ.

Мы, поэтому, намѣрены нѣсколько подробнѣе остановиться на этой именно сторонѣ вопроса. Но дѣлать обзоръ заслугъ О. М. Бодянскаго для изученія Малороссіи, не коснувшись его біографіи, его литературныхъ и общественныхъ отношеній—нельзя. Наука составляла содержаніе жизни О. М. Бодянскаго и выдѣлить, поэтому, его научную дѣятельность изъ житейской и общественной обстановки, въ которой она проходила, намъ не представляется возможнымъ. Вотъ почему мы довольно долго останавливаемся на біографіи О. М. Бодянскаго. Къ этому же располагаетъ и накопившійся за послѣднее время матеріалъ, еще никѣмъ, кажется, не использованный.

Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, большая часть бумагъ О. М. Бодянскаго попала въ руки А. А. Титова и, такимъ образомъ, сохранена отъ погибели и сбережена для потомства. А. А. Титовъ многое уже напечаталъ въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Кіевской Старинѣ». Личность О. М. Бодянскаго начинаетъ мало-по-малу выясняться.

О. М. Бодянскій не игралъ, правда, въ русской жизни, такой центральной роли, какую игралъ, напр., М. П. Погодинъ. Но все же О. М. Бодянскій дѣйствовалъ на научномъ поприщѣ почти сорокъ пять лѣтъ, при чемъ 25 лѣтъ онъ былъ профессоромъ славяновѣдѣ-

---

[1]) Т. III, стр. 104—113.

нія въ московскомъ университетѣ. Онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ самыми разнообразными представителями науки какъ въ Россіи, такъ и среди славянъ, велъ съ ними по разнымъ поводамъ обширную переписку, посвящая иногда цѣлыя обширныя письма разсмотрѣнію или разрѣшенію тѣхъ или иныхъ научныхъ вопросовъ. О. М. Бодянскій, наконецъ, былъ свидѣтелемъ многихъ явленій нашей общественной жизни, принимая въ нихъ то или другое участіе, такъ или иначе на нихъ отзывался. Вотъ почему біографія О. М. Бодянскаго имѣетъ научное значеніе, имѣетъ затѣмъ общественный интересъ, и можно только самымъ искреннимъ образомъ пожелать, чтобы она поскорѣй нашла себѣ изслѣдователя.

Мы не задаемся цѣлью написать болѣе или менѣе полную біографію О. М. Бодянскаго. Задача наша болѣе скромная. Помимо обзора дѣятельности О. М. Бодянскаго для изученія родной ему Малороссіи, мы старались только сгруппировать въ извѣстной системѣ біографическіе факты, сдѣлавшіеся извѣстными въ печати. Съ этой точки зрѣнія, наша работа можетъ быть не безполезной, какъ матеріалъ, для того, кто бы захотѣлъ полно, всесторонне и вполнѣ научно изучить и освѣтить личность О. М. Бодянскаго, оцѣнить его труды для науки вообще. До сихъ поръ это не сдѣлано. Личность основателя славявѣдѣнія въ Россіи рисуется въ какомъ-то туманѣ, а его научные труды находятъ себѣ оцѣнку только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Излагая біографію О. М. Бодянскаго, мы съ особеннымъ вниманіемъ останавливаемся на его литературной дѣятельности до поѣздки его за границу. Большинство литературныхъ работъ О. М. Бодянскаго теперь забыто, такъ какъ онѣ затерялись въ старыхъ журналахъ, составляющихъ библіографическую рѣдкость, а между тѣмъ работы эти объясняютъ намъ многое въ дѣятельности О. М. Бодянскаго. Въ Кіевѣ въ разныхъ библіотекахъ (журн. «Кіев. Стар.», университета св. Владиміра, духовной академіи, коллегіи Павла Галагана, фундуклеевской гимназіи) намъ удалось разыскать всѣ тѣ журналы, въ которыхъ помѣщены были раннія статьи О. М. Бодянскаго. Въ виду ихъ рѣдкости, мы и нашли нужнымъ на-

иболѣе подробно изложить ихъ содержаніе. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, почему мы цѣликомъ перепечатываемъ малороссійскія вирши О. М. Бодянскаго, затерявшіяся въ «Молвѣ» 1833 г. и очень, очень немногимъ теперь извѣстныя.

Отыскать статьи О. М. Бодянскаго стоило не малаго труда, и мы искренно благодаримъ тѣхъ лицъ, которыя помогали намъ въ этомъ. Безъ ихъ помощи мы врядъ-ли могли бы обойтись.

I.

Родина О. М. Бодянскаго. Его происхожденіе. Свѣдѣнія о первоначальномъ его воспитаніи. Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ. Значеніе для О. М. Бодянскаго переяславской семинаріи.

Родиной Осипа Максимовича Бодянскаго было мѣстечко Варва лохвицкаго уѣзда полтавской губерніи. Отецъ его Максимъ Гавриловичъ былъ священникомъ и одно время благочиннымъ въ этомъ мѣстечкѣ [1]). Мать его, можетъ быть, происходила изъ дворянъ, такъ какъ за нею числилось нѣсколько душъ крѣпостныхъ крестьянъ [2]).

У отца Максима было нѣсколько дѣтей; изъ нихъ Осипъ Максимовичъ былъ старшимъ. Родился онъ 31 октября 1808 г. [3]).

---

[1]) Предисловіе А. А. Титова къ письмамъ О. М. Бодянскаго къ отцу. Чт. въ Общ. ист. и древн. 1893 г. кн. III.

[2]) *А. А. Кочубинскій.* Графъ С. Г. Строгановъ. Изъ исторіи нашихъ университетовъ 30-хъ годовъ. Вѣстн. Европы. августъ. 1896 г., стр. 478.

[3]) Въ оффиціальной біографіи, помѣщенной въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ московскаго университета» (М., 1855. т. I), днемъ рожденія О. М. Бодянскаго названо 3 ноября. Этому указанію слѣдуютъ и позднѣйшіе біографы. Между тѣмъ, документы, сообщенные Н. А. Поповымъ (Рус. Ст. 1879 г., кн. II, стр. 461) показываютъ, что рожденіе О. М. Бодянскаго въ метрическія книги почему-то не было записано; слѣдствіе же, произведенное чрезъ опросъ родственниковъ (отецъ въ то время былъ еще живъ) при поступленіи О. М. Бодянскаго въ университетъ, показало, что днемъ рожденія знаменитаго слависта было 31 октября; 3-го ноября онъ былъ крещенъ.

О дѣтствѣ О. М. Бодянскаго нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Одинъ изъ родственниковъ его, В. И. Константиновичъ, со словъ своего отца, въ письмѣ къ профессору А. И. Маркевичу сообщаетъ слѣдующее: «лежитъ, бывало, Осипъ ночью подъ стѣнкой, вмѣстѣ съ отцомъ, на одной постели и подъ покрываломъ все бредитъ или плачетъ, умоляя отца отвезти его учиться. Но *отецъ Максимъ*, постоянно отвлекаемый дѣлами, только послѣ продолжительныхъ настояній сына нашелъ возможнымъ отправить его въ Переяславль (южный), въ бурсу. Взрослый мальчикъ, Осипъ, въ бурсѣ, конечно, не бросилъ своей страсти къ книгамъ, учился много и, наконецъ, объявилъ о своемъ желаніи куда-то ѣхать, держать экзаменъ, чтобы поступить въ какое-то учебное заведеніе. Но куда, въ какое припомнить теперь не могу [1]). На Максыма, т. е. на отца, надежда была плоха; но мой отецъ предложилъ себя—отправилъ Осипа на свой счетъ и не скупо снабдилъ его деньгами, за что впослѣдствіи Бодянскій при всякомъ случаѣ высказывалъ свою признательность моему отцу, высылая ему всякое свое сочиненіе, изданіе, карты. Такимъ образомъ, попали въ наши амбары, а потомъ сгнили всѣ изданія Общества исторіи и древностей россійскихъ» [2]).

Въ этихъ воспоминаніяхъ, записанныхъ много лѣтъ спустя, когда О. М. Бодянскій пріобрѣлъ уже извѣстность, несомнѣнно, есть извѣстная доля преувеличенія относительно жажды учиться у мальчика. Вѣрнѣе, будемъ думать что О. М. Бодянскій попалъ сначала въ переяславское духовное училище [3]), а затѣмъ въ семинарію не потому, что онъ самъ настаивалъ на этомъ, а просто онъ былъ опредѣленъ туда, какъ обыкновенно опредѣлялись и опредѣляются сыновья священниковъ. Съ нимъ вмѣстѣ учился и младшій братъ его Федоръ Максимовичъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о намѣреніи О. М. Бодянскаго поступить въ Педагогическій Институтъ.

[2]) *А. А. Кочубинскій.* Гр. С. Г. Строгановъ. Вѣст. Евр. 1896 г. августъ, стр. 478.

[3]) Чтенія въ Общ. Ист. и древн. 1893 г., кн. III. Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 5.

Переяславская семинарія основана была въ 1738 году епископомъ переяславскимъ и борисполькимъ Арсеніемъ Берло и въ теченіе почти столѣтія сложилась въ довольно оригинальное учебное заведеніе. Культурная роль полтавской семинаріи, къ сожалѣнію, совершенно еще не выяснена. Но она на югѣ Россіи, въ особенности въ полтавской губерніи, была, несомнѣнно, очень значительна. Количество учениковъ въ переяславской семинаріи было всегда довольно велико, и въ ней получали образованіе не одни только духовные, но и свѣтскіе люди [1]). Въ числѣ преподавателей семинаріи мы находимъ лицъ, извѣстныхъ въ исторіи: Варлаама Шишацкаго, впослѣдствіи могилевскаго архіепископа, кіевскаго протоіерея и извѣстнаго проповѣдника Ивана Васильевича Леванду, затѣмъ знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сковороду [2]). Одинъ изъ воспитанниковъ семинаріи Егоръ Федоровичъ Тимковскій, учившійся тамъ въ самомъ началѣ XIX ст., говоритъ, что пребываніе въ Переяславской семинаріи въ теченіе трехъ лѣтъ не прошло для него даромъ: свѣдѣнія его расширялись все болѣе и болѣе. «Тамъ, говоритъ онъ, читалъ я съ истиннымъ благоговѣніемъ «Письма русскаго путешественника», «Аониды», «Мои бездѣлки», «II мои бездѣлки» и разныя другія произведенія славнѣйшихъ авторовъ. Постигая уже вполнѣ смыслъ всякой книги, я осмѣливался подражать, или скажу прямѣе—уносить какія-нибудь разительныя слова и счастливые обороты слога Карамзина или Дмитріева и пересаживалъ ихъ на тощую почву своихъ маленькихъ сочиненій по заданной темѣ... Учитель былъ доволенъ, и часто надписывалъ по нѣсколько строчекъ похвалы, все въ превосходной степени, на моихъ сочиненіяхъ прозаическихъ и стихотворныхъ»...). Такимъ образомъ, переяславская се-

[1]) *П. Л—ій.* Къ исторіи украинской семинаріи въ Переяславлѣ Кіев. Стар. 1888 г. т. XX. Документы, изслѣдованія и замѣтки, стр. 35—36. *Памфилъ Левицкій.* Прошлое переяславской духовной семинаріи Кіев. Ст., т. 24, стр. 427 и слѣд.

[2]) *Памфилъ Левицкій.* Прошлое переяславской духовной семинаріи. Кіев. Ст., 1889, т. 24, стр. 433.

[3]) Воспоминанія Егора Федоровича Тимковскаго, Кіев. Стар. 1894 г., т. 44, стр. 377—378.

минарія въ началѣ XIX ст. далеко не чужда была новыхъ свѣтскихъ вліяній. Правда, въ 1817 г. она была преобразована; и это преобразованіе послужило ей далеко не въ пользу [1]); но въ первое время послѣ преобразованія, когда учился О. М. Бодянскій, переяславская семинарія не могла такъ скоро порвать со старыми традиціями. О пребываніи О. М. Бодянскаго въ переяславскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ семинаріи мы, къ сожалѣнію, имѣетъ чрезвычайно скудныя свѣдѣнія. Письма его къ отцу за это время [2]) почти совсѣмъ не касаются сущности ученія въ семинаріи, можетъ быть, мало и интересовавшаго отца Максима. Гораздо позже, въ сентябрѣ 1876 года, когда О. М. Бодянскій былъ уже старикомъ, въ Москвѣ праздновался пятидесятилѣтній юбилей службы протоіерея Ивана Николаевича Рождественскаго, одного изъ учителей О. М. Бодянскаго по переяславской семинаріи. О. М. Бодянскій сказалъ на этомъ юбилеѣ рѣчь, въ которой слегка, такъ сказать, намекомъ только коснулся того, что дала ему семинарія. Два года учился О. М. Бодянскій у И. Н. Рождественскаго (1827--1829). «Вами, говорилъ онъ на юбилеѣ своему бывшему учителю, открылась для сей семинаріи новая эра ученой дѣятельности: съ предшественникомъ кончилось господство Баумейстера, столько до того времени сильное въ духовныхъ училищахъ. Я слушалъ васъ, какъ профессора философіи, уже не по немъ, но по вашему собственному изложенію, хотя и по латыни, впрочемъ, чрезвычайно чистой и понятной. Записки, выдававшіяся вами слушателямъ, берегу какъ дорогой памятникъ дорогого наставника. Благодаря вамъ, я сталъ давать отчетъ въ своемъ мышленіи, вникать въ мышленное, упоряжать и освѣщать его. Я былъ, можно сказать, однимъ изъ первымъ слушателей вашихъ по времени и, благодаря вашимъ наставленіемъ, первымъ, по успѣхамъ... Вы съ отеческимъ вниманіемъ слѣдили за мной и въ дальнѣйшемъ ученіи моемъ, и когда,

---

[1]) *Памфилъ Левицкій.* Прошлое переяслав. дух. семинаріи. Кіев. Ст., 1889 г., т. 24, стр. 443

[2]) Чтенія въ Общ. ист. и древ. 1893 г., кн. III.

по заключеніи его, пришлось бросить мнѣ жребій между академіей и университетомъ, вы благородно поддержали мое намѣреніе отправиться въ послѣдній». Кончилъ О. М. Бодянскій свою рѣчь юбиляру «безконечной благодарностью» «за все то доброе, что юбиляръ сдѣлалъ для него въ его первоначальной жизни, въ направленіи ея на *пути правы, на пути живота*, словомъ, «познати на земли путь свой» [1]).

Рѣчь О. М. Бодянскаго съ одной стороны подтверждаетъ то, что сказано нами по поводу записокъ Е. Ф. Тимковскаго, съ другой—она говоритъ и о томъ, что переяславская семинарія не прошла и для О. М. Бодянскаго безслѣдно: она по собственному его признанію, пріучила его мыслить. Она же, несомнѣнно, зародила въ немъ и любовь къ родинѣ и, извѣстный интересъ къ наукѣ. Послѣднимъ, пожалуй, можно объяснить и то обстоятельство, что О. М. Бодянскій пошелъ въ университетъ, а не въ духовную академію.

Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ за время его пребыванія въ семинаріи (1821—1831) даетъ сравнительно мало матеріала для характеристики школьныхъ лѣтъ перваго русскаго слависта и его развитія въ это время. Письма на первыхъ порахъ коротки, отрывочны и полны разныхъ мелкихъ хозяйственныхъ сообщеній, соображеній, замѣтокъ, расчетовъ, касающихся присылки провіанта изъ деревни въ Переяславъ, квартиры, содержанія, одежды и т. д. [2]). Изрѣдка въ нихъ сообщаются новости.

---

[1]) Москов. Епарх. Вѣд. 1876 г. № 38 стр. 320 *Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 424—425.

[2]) Вотъ одно изъ такихъ писемъ: «Дражайшіе родители батюшка и матушка! я пріѣхалъ благополучно въ Переяславъ 5 числа сего мѣсяца по утру и нашелъ квартиру у Іуліяны Холодной, которую уговорилъ на 18 руб. съ порядочнымъ гостинцемъ на рубль; инспекторъ же Ефимъ Ивановичъ Стеблинскій, котораго тоже уговорилъ на 16 руб. и 40 коп. О чемъ увѣдомивъ васъ, остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга Іосифъ Бодянскій Ч. 1824 г. Г. Переяславъ.

P. S. Кланяйтесь Г. Григорьев., Ив. Кириловичу и прочимъ. Матушку утѣшайте, чтобы не печалилась. Положеніе 1824 года: борошна

которыя, по мнѣнію сына, могли имѣть интересъ для его отца, деревенскаго священника. Новости эти касаются преимущественно полтавского епископа Георгія, его поѣздокъ по епархіи, архіерейскаго маршрута и пр. Мало-по-малу письма, впрочемъ, дѣлаются интереснѣе и содержательнѣе, новости любопытнѣе. Видно, что интересы семинариста Бодянскаго расширяются, наблюдательность увеличивается, онъ начинаетъ пріобрѣтать самостоятельное мнѣніе и высказывать его въ томъ или другомъ случаѣ. Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ семинаріи Бодянскій начинаетъ уже интересоваться и политическими новостями, вычитываетъ ихъ изъ газетъ и дѣлится ими съ отцомъ. Уловить въ письмахъ къ отцу какое-нибудь болѣе или менѣе опредѣленное, складывающееся міровоззрѣніе у О.М.Бодянскаго нельзя. Они слишкомъ малосодержательны для этого. Мы не знаемъ уровня умственнаго развитія и духовныхъ интересовъ отца Максима. Судя по тому впечатлѣнію, какое выносишь изъ чтенія писемъ къ нему сына Іосифа Максимовича, можно думать, что отецъ Максимъ былъ добрый, любящій отецъ, не отказывавшій дѣтямъ ни въ чемъ, на сколько позволяли его средства, не стѣснившій свободы дѣтей и въ извѣстныхъ случаяхъ позволявшій имъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. По крайней мѣрѣ, когда Іосифъ Максимовичъ рѣшилъ не оставаться въ духовномъ званіи, а идти въ свѣтское, отецъ Максимъ не противился этому, а всецѣло подчинился же-

---

ржаного 8 м., пшеничнаго 5 м., гречанаго 5 м., пшена 3 пуда или 2 мѣры, сала 20 ф., соли 20 ф., мяса 20 ф. или денегъ, олѣи 2 кв., свѣчей 3 ф., масла 8 ф., денегъ харчевыхъ 6 р. Теперь же доставлено ржанаго 5 м., гречанаго 2 м., пшеничнаго 2 м., пшена 1 м., сала 10 ф.

На риторику же инспектора еще не нанялъ, а послѣ, нанявши увѣдомлю васъ чрезъ оказію или чрезъ почту. Федоръ Бодянскій.—

Сейчасъ слышу, что архіерей выѣзжаетъ сегодня съ города, а на мѣсто его ожидаютъ Кирила, ректора Московской Академіи или Георгія, ректора С.-Петербургской Академіи; впрочемъ, нельзя утвердительно сказать; что слышу, то и пишу вамъ.

Сказываютъ, что сатана (?) уже въ Зиньковскомъ повѣтѣ, мѣсечкѣ Опошнѣ» (Переписка съ отцомъ, стр. 4—5).

ланію сына: не противился отецъ Максимъ и тогда, когда сынъ его задумалъ поступить въ педагогическій институтъ, затѣмъ въ университетъ. Одного только хотѣлось отцу Максиму, чтобы сынъ устроилъ свою судьбу наилучшимъ образомъ. Это хорошо зналъ Іосифъ Максимовичъ, а потому, задумавъ поступить въ педагогическій институтъ, онъ самыми розовыми красками рисовалъ отцу, какъ хорошо онъ устроится въ служебномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, если окончитъ педагогическій институтъ. И отецъ дѣлалъ все, что требовалъ сынъ, лишь бы ему попасть въ число избранныхъ трехъ кандидатовъ [1]). О духовныхъ интересахъ при этомъ не говорилось ни слова; а между тѣмъ это было какъ разъ то время, когда О. М. Бодянскій мечталъ о покупкѣ «Исторіи философскихъ системъ», «Опыта науки изящнаго и «французской христоматіи» и просилъ на это у отца ни болѣе ни менѣе, какъ 15 рублей денегъ. У О. М. Бодянскаго духовные интересы, значитъ, были: не говорилъ онъ только объ нихъ съ отцомъ потому, вѣроятно, что отца они занимали слишкомъ мало, а можетъ быть, и совсѣмъ не занимали. Что касается матери, то она, должно быть, была простая женщина, для которой любовь къ дѣтямъ поглощала все. О. М. Бодянскій, несомнѣнно, горячо любилъ ее. Въ письмахъ своихъ онъ заботится объ ея здоровьи, спокойствіи [2]); когда онъ рѣшается выйти изъ духовнаго званія и поступить въ педагогическій институтъ и пишетъ объ этомъ отцу, отъ матери онъ не ждетъ совѣта, а проситъ даже не говорить ей, «какъ можно это отъ нея скрывать, ибо симъ можно ихъ будетъ сильно огорчить и напугать» [3]).

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 28 и слѣд. (Чтенія 1893, III).

[2]) Въ одномъ изъ писемъ (7 окт. 1829 г.) онъ, напр., пишетъ отцу: «Матушку прошу нижайше васъ беречь и сколько можно ходить за нею исправно, ибо сего требуетъ какъ ваше, такъ и наше благосостояніе и пресѣченіе дней ея можетъ скоро и насъ свесть во гробъ» (Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 37—38).

[3]) Чтенія 1893 г. кн. III, стр. 29 (Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ).

Въ другой разъ задумалъ О. М. Бодянскій на рождественскихъ праздникахъ поѣхать въ Кіевъ, а затѣмъ къ дядѣ въ Васильковъ, и опять просилъ отца: «о сей нашей поѣздкѣ не сказывайте матушкѣ, дабы она не безпокоилась» [1]... На столько мать мало имѣла значенія въ жизни Бодянскаго, на столько она мало могла понять, оцѣнить его интересы! Подобныя отношенія между О. М. Бодянскимъ и родителями, которыхъ онъ, повторяемъ, несомнѣнно, горячо любилъ, вполнѣ опредѣляютъ намъ характеръ переписки между ними, характеръ чисто хозяйственный, дѣловой. Новости, которыя сообщаетъ О. М. Бодянскій въ своихъ письмахъ домой, это не тѣ новости, которыя могли интересовать его одного, могли быть характерными для его личности—нѣтъ, это тѣ новости, которыя такъ или иначе интересовали всѣхъ, слѣдовательно, и отца Максима: мнѣнія, которыя высказывалъ О. М. Бодянскій по тому или другому поводу, напр., по поводу польскаго возстанія, это не его собственныя, личныя мнѣнія, а обыкновенныя, ходячія въ тогдашнемъ обществѣ, которыя, на нашъ взглядъ ужъ никакимъ образомъ не могутъ быть характерными для міровоззрѣнія Бодянскаго. Вотъ почему переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ такъ скудна для біографа.

Какъ священника, отца Максима интересовали, конечно, новости изъ духовнаго міра, и сынъ сообщалъ ихъ ему, тѣмъ болѣе, что въ Переяславѣ жилъ въ то время архіерей, слѣдовательно, новостей, интересныхъ для духовенства, было изрядное количество. Однажды разнесся было слухъ, что всѣхъ лицъ духовнаго званія, не исключая и женщинъ думаютъ нарядить въ особую форму. Слухъ этотъ казался тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ 1830-хъ годахъ въ Россіи почему-то явилось стремленіе перемѣнять, измѣнять старыя, изобрѣтать новыя формы для людей разныхъ вѣдомствъ, точно въ этомъ былъ высшій государственный смыслъ жизни. «Настигаетъ уже, писалъ 20 іюня 1826 года О. М. Бодянскій своему отцу, бѣда попамъ, поповичамъ и попадьямъ. Въ Синодѣ составляется уже докладъ государю объ оде-

---

[1]) Тамъ же, стр. 38.

ждѣ священно- и церковно-служителей. Священникамъ носить шляпу круглую съ большими полями, рясы темнаго цвѣту, косы завязывать въ пучекъ, а во время служенія только распускать; женамъ ихъ тоже носить платье, большею частію, изъ темныхъ цвѣтовъ; а сыновьямъ ихъ, обучающимся въ семинаріи, семинаристамъ и богословамъ ходить съ небритыми бородами, съ нестриженіемъ волосъ, въ сюртукахъ длинныхъ. Въ случаѣ же невыполненія онаго поступается какъ съ ослушниками. Вотъ горькая участь семинаристовъ»! [1]) Въ другой разъ Бодянскій сообщаетъ отцу не менѣе важную новость о томъ, что полученъ указъ, запрещающій самымъ строгимъ образомъ не посвящать въ священники и дьяконы неученыхъ; а лица, замѣченныя въ предосудительномъ поведеніи будутъ лишены сана и годные отданы въ солдаты, а не годные разосланы по другимъ мѣстамъ [2]). Это былъ знаменитый своей суровостью указъ, вызвавшій послѣдній, такъ называемый «разборъ» духовенства, указъ, разорившій и въ конецъ исковеркавшій жизнь многихъ изъ лицъ духовнаго званія. Въ слѣдующемъ письмѣ (10 мая 1830 г.) О. М. Бодянскій сообщаетъ отцу и списокъ тѣхъ изъ священниковъ, отъ которыхъ потребованы были отвѣты «въ различныхъ ихъ проказахъ и худыхъ дѣлахъ» [3]). Больнымъ мѣстомъ для духовенства всегда являлась консисторія, гдѣ взяточничество было явленіемъ черезчуръ обыкновеннымъ; и она играетъ немалую роль въ перепискѣ Бодянскихъ отца съ сыномъ. «Нынѣшній владыко нашъ, пишетъ напр., 12 ноября 1830 года О. М. Бодянскій.—человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ безпримѣрный, единственный. Консисторскимъ же живодерамъ особеннымъ предписаніемъ далъ знать, чтобы ни одинъ изъ нихъ ни въ какомъ случаѣ не отваживался бы требовать пошлинной отъ духовныхъ и прочихъ просителей подъ опасеніемъ поступленія съ таковымъ во всей строгости по законамъ» [4]). Въ другой разъ онъ пишетъ: «Вотъ вамъ еще одна

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 13—14.

[2]) Тамъ-же, стр. 39—40.

[3]) Переписка Бодянскаго съ отцомъ, стр. 41.

[4]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 47.

занимательная и пріятная новость. 30 прошлаго мѣсяца (января 1831 г.) секретарь консисторіи волею Божіею усне для оной, ко благу всѣхъ здравомыслящихъ людей и нашего духовенства, т. е. нашелъ принужденнымъ подать прошеніе объ увольненіи себя отъ консисторіи по нездоровью брать и драть... Словомъ, большая готовится во всемъ перемѣна. Всѣ кровопійцы изженутся» [1]). То же самое сообщалъ Бодянскій и дядѣ своему Ильѣ Гавриловичу, выражая надежду, что мѣста въ консисторіи будутъ поручены инымъ людямъ, болѣе честнымъ и безкорыстнымъ [2]). Таковы «новости», которыя сообщалъ О. М. Бодянскій домой. Онѣ показываютъ, что въ семинаріи Бодянскій присматривался уже къ жизни, изучалъ, такъ сказать, ее, и она не проходила для него безслѣдно, давая ему довольно поучительные уроки.

Переяславская семинарія не была вполнѣ закрытымъ учебнымъ заведеніемъ. Не всѣ воспитанники жили въ интернатѣ, въ бурсѣ. Тотъ, кто могъ нанять себѣ квартиру, жилъ самостоятельно. Нанималъ себѣ, съ разрѣшенія инспектора квартиру и О. М. Бодянскій вмѣстѣ съ братомъ своимъ Федоромъ Максимовичемъ. Нужно вообще сказать, что съ самаго своего поступленія сначала въ духовное училище, затѣмъ въ семинарію О. М. Бодянскій жилъ вполнѣ самостоятельно и пользовался полной свободой: самъ нанималъ себѣ квартиру, репетиторовъ, самъ заказывалъ себѣ платье, покупалъ книги, ѣздилъ когда угодно и куда угодно, даже въ Кіевъ и Васильковъ, не спрашивая напередъ разрѣшенія на это отца [3]). Съ бурсой О. М. Бодянскій соприкасался, повидимому, только за обѣдомъ, все остальное время онъ жилъ на свободѣ. Обѣдали, какъ кажется, въ бурсѣ всѣ семинаристы за общимъ столомъ, при чемъ одни—на казенный счетъ, другіе обязаны были доставлять извѣстное количество провіанта деньгами и натурой, по особому расписанію. Доставлялъ провіантъ и отецъ Максимъ,

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 51.

[2]) Тамъ-же, стр. 52.

[3]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ въ разныхъ мѣстахъ

и эта такъ называемая «харчевая складка», ея уплата и доставка занимаютъ не мало мѣста въ перепискѣ отца съ сыномъ [1]).

Жизнь на свободѣ, а не въ бурсѣ должна была, думаемъ, только благотворно отражаться на душевномъ развитіи О. М. Бодянскаго. Онъ, поневолѣ, жилъ обычными житейскими интересами, сталкивался съ различными людьми, зналъ и понималъ очень многое, многимъ интересовался изъ того, что происходило кругомъ; ко многому долженъ былъ стать въ то или другое самостоятельное отношеніе. Свободу, извѣстную независимость въ жизни О. М. Бодянскій, поэтому, всегда высоко цѣнилъ. Ниже мы увидимъ, какъ онъ благодарилъ судьбу за то, что не попалъ въ педагогическій институтъ, на столько тамошнее подавленіе личности и свободы было ему чуждо, непонятно, противорѣчило всему его характеру, какъ онъ развивался въ семинаріи [2]).

Мы видѣли выше, что интересы духовнаго сословія не были чужды ему: онъ многое зналъ хорошо изъ того, что говорилось среди духовенства, и о многомъ судилъ чрезвычайно вѣрно. Но было бы ошибочно, конечно, думать, что этимъ кончалось все. Изъ отдѣльныхъ, случайно брошенныхъ замѣчаній въ письмахъ мы знаемъ, что О. М. Бодянскій читалъ газеты и, судя по всему, довольно таки исправно. Въ письмахъ своихъ онъ сообщаетъ отцу новости преимущественно политическаго характера. Онѣ, конечно, больше всего могли интересовать отца Максима: о заключеніи мира съ Турціею въ 1829-мъ году, о пожалованіи Дибичу Георгія I-й степени [3]); о покореніи французами Алжира, о смерти англійскаго короля Георга IV, о вступленіи на его мѣсто герцога Кларанскаго и т. д. [4]).

Польское возстаніе 1831 г., какъ извѣстно, сильно взволновало русское общество. Понять это явленіе, отнестись къ нему болѣе объективно и хладнокровно современники, за очень небольшими исклю-

[1]) Тоже.

[2]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 36—37.

[3]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 38.

[4]) Тамъ-же, стр. 43.

ченіями, не могли. Польша въ глазахъ большинства русскаго общества, являлась только неблагодарной измѣнницей, которая за все добро, которое сдѣлала ей Россія, отплатила черной, коварной измѣной. За это она должна понести суровую кару. Воинственные инстинкты русскаго общества были сильно возбуждены событіями 1831 года: патріотическое воодушевленіе, отчасти искусственно подогрѣваемое, выливалось въ кровожадное желаніе истребить Польшу и всѣхъ поляковъ. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ такого общественнаго настроенія явилось извѣстное стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи», нашедшее себѣ осужденіе только въ небольшомъ кругѣ современниковъ, другими же принятое чрезвычайно восторженно.

Изъ столицъ подобное настроеніе передавалось и въ провинцію, въ глухой Переяславъ. «Слыхали вы о несчастіи, вновь постигшемъ наше отечество, именно о возникшемъ бунтѣ въ вѣроломной Польшѣ?—спрашивалъ О. М. Бодянскій отца въ самомъ концѣ 1830 года и излагалъ ему, на основаніи газетныхъ извѣстій, начало и ходъ польскаго возстанія... «О! Бѣда будетъ ляхамъ! Съ русскими нечего шутить! Слышно также и о войнѣ съ австрійцами. Быть великому кровопролитію въ слѣдующемъ годѣ! Что-то вездѣ замѣчается необыкновенное движеніе. Когда бы хоть наша Малороссія осталась чуждою всякихъ переворотовъ и бѣдствій. Но намъ ли, сынамъ Россіи, страшиться войнъ и жалѣть принесть въ даръ своему отечеству все, что ни имѣемъ. Мы всегда торжествовали и будемъ торжествовать. Богъ и государь видитъ насъ и не оставитъ безъ покровительства и помощи» [1]). Сообщая затѣмъ, нѣсколько времени спустя, слухъ о наборѣ милиціи и объ объявленіи Франціею войны Пруссіи, «слѣдственно всей Германіи, Австріи и Россіи», Бодянскій приходитъ прямо таки въ кровожадное патріотическое одушевленіе: «побачимо, що зъ того пыва буде за квасъ, пишетъ онъ. Подляковъ же (sic) сильно наши колотятъ: скоро, скоро падетъ съ шумомъ Варшава и на вѣки! Самое имя *полякъ* истребится и по дѣломъ. Котузи по заслузи»! [1]).

---

[1]) Переписка Бодянскаго съ отцомъ, стр. 49—50.

Свое патріотически-воинственное настроеніе того времени Бодянскій, какъ увидимъ ниже, выразилъ даже въ особой виршѣ, напечатанной нѣсколько позже въ «Молвѣ» Надеждина за 1833 годъ [1]).

6-го мая 1831 года послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя малороссійскаго военнаго губернатора о сформированіи изъ малороссійскихъ козаковъ 8-ми кавалерійскихъ полковъ [2]). Это и дало поводъ Бодянскому написать на малорусскомъ языкѣ только что упомянутую виршу. Отцу онъ писалъ въ это время: «я думаю вы уже знаете о милости государя къ Малороссіи: козаки, по прежнему, на всегда будутъ существовать: 5 съ нашей губерніи (полтавской) и 3—съ черниговской, только служить по 8 лѣтъ. Недоимки съ козаковъ по сей годъ всѣ прощаются, а впредь подати съ нихъ по 4 рубля въ годъ, кромѣ земскихъ повинностей» [3]).

Въ это время у Бодянскаго вообще начинаетъ обнаруживаться интересъ къ его родинѣ—Малороссіи. Онъ, мы видѣли сейчасъ, пишетъ вирши на малорусскомъ языкѣ. *Наша* Малороссія, *нашъ* хохландецъ—такъ выражается онъ въ своихъ письмахъ къ отцу; ему хочется, чтобы въ Малороссіи все было спокойно, не было тамъ никакихъ бунтовъ; его интересуютъ милости, оказанныя Малороссіи сохраненіемъ въ ней козачества, и онъ этой новостью дѣлится со своимъ отцомъ. Умираетъ Дибичъ, назначается преемникомъ ему по усмиренію польскаго возстанія Паскевичъ, и Бодянскій сообщаетъ отцу, что это—«*нашъ* хохландецъ» [4]); всѣ встревожены холерой—Бодянскій спѣшитъ успокоить отца, что «въ *нашей* Малороссіи, слава Богу, совершенно благополучно» [5]).

Откуда могъ явиться въ семинаристѣ О. М. Бодянскомъ этотъ интересъ къ своей родинѣ, Малороссіи? Письма его къ отцу

[1]) Молва 1833 г. № 99 стр. 393—394.

[2]) 2-е П. С. Зак. № 1536.

[3]) Переписка Бодянскаго съ отцомъ, стр. 56.

[4]) Переписка Бодянскаго съ отцомъ, стр. 57.

[5]) Тамъ-же, стр. 18.

не говорятъ намъ объ этомъ. Другихъ свѣдѣній у насъ также нѣтъ. Но мы врядъ ли много погрѣшимъ противъ истины, если выскажемъ предположеніе, что интересъ къ Малороссіи могъ культивироваться въ переяславской семинаріи, которая въ тѣ годы, да и въ позднѣйшіе, сохраняла свой національный малорусскій отпечатокъ[1]). Несомнѣнно, что изъ переяславской семинаріи О.

---

[1]) П. И. Житецкій, учившійся въ переяславской семинаріи, лѣтъ 20 спустя послѣ О. М. Бодянскаго, который былъ товарищемъ отца П. И. Житецкаго по семинаріи и всегда поддерживалъ съ нимъ отношенія,— разсказывалъ намъ про переяславскую семинарію слѣдующее. Учились тамъ только дѣти духовныхъ; въ его время (1850-е годы) изъ свѣтскихъ никого не было. Малорусскій сельскій священникъ, первой половины XIX в. не говоря уже о дьячкахъ и пономаряхъ, былъ человѣкъ бѣдный; по происхожденію, плебей, онъ былъ въ душѣ демократъ, и близко стоялъ къ народу, съ нимъ онъ жилъ, съ нимъ водилъ знакомство, его языкомъ только и говорилъ. До поступленія въ училище дѣти духовныхъ жили и росли среди деревенскихъ дѣтей, ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ малорусскаго, они не говорили. Немудрено, поэтому, что и въ духовныхъ училищахъ, и въ переяславской семинаріи среди воспитанниковъ преобладала малорусская рѣчь. Русскій языкъ изучали по книгамъ: нѣкоторые пытались и говорить на немъ, но все-таки выходила рѣчь наполовину малорусская. Хотя преподаваніе въ семинаріи велось оффиціально на русскомъ языкѣ, но на самомъ дѣлѣ при преподаваніи употреблялось какое-то особое русско-малорусское нарѣчіе. Этому способствовало и то обстоятельство, что тогда преподаватели семинарій не назначались, какъ теперь, св. Синодомъ, и при ихъ назначеніи не преслѣдовались обрусительныя цѣли, благодаря чему преподаватели постоянно перетасовываются: малороссы назначаются, преимущественно, въ великорусскія семинаріи, а великороссы —въ малорусскія. Въ то время, когда учился въ семинаріи П. И. Житецкій, преподавателей семинаріи назначали правленія Академій. Поэтому, очень часто случалось, что семинаристъ, окончившій переяславскую семинарію, пройдя Кіевскую духовную академію, возвращался преподавателемъ въ Переяславъ. Благодаря этому переяславская семинарія не лишалась чисто малорусскаго характера. Семинаристъ сохранялъ интересъ къ малорусскому языку, какъ къ своему родному, охотно говорилъ на немъ, пѣлъ родныя малорусскія пѣсни и, возвращаясь, по окончаніи семинаріи, въ деревню въ санѣ

М. Бодянскій вынесъ первые зародыши той любви къ родинѣ, которая служила характернымъ признакомъ его личности, руководила имъ всю его жизнь, въ значительной степени направляя его литературную, научную и издательскую дѣятельность[1]). Въ переяславской семинаріи зародилась у О. М. Бодянскаго и любовь къ книгѣ.

Отецъ О. М. Бодянскаго былъ человѣкъ бѣдный. Содержаніе сыновей въ семинаріи стоило ему недешево. Онъ имъ, правда, ни въ чемъ необходимомъ, повидимому, не отказывалъ, но во всякомъ случаѣ каждая копѣйка у него была на счету и доставалась ему, вѣроятно, нелегко, а потому и расходовалась съ большой осторожностью. Изъ переписки О. М. Бодянскаго съ отцомъ мы видимъ, что невсегда аккуратно высылались деньги въ «харчевую складку» или за квартиру: костюмъ О. М. Бодянскаго, сапоги его иногда сильно изнашивались. Братья Бодянскіе хорошо, конечно, знали стѣснительное положеніе родителей, а потому въ письмахъ своихъ старались оправдать каждую копѣйку своего расхода. Денегъ у нихъ на рукахъ бывало немного, и тѣ они старались тратить на предметы самые необходимые[2]). Въ одномъ только случаѣ О. М. Бодянскій поступалъ не всегда осто-

---

священника, съ народомъ разговаривалъ не иначе, какъ на его же родномъ языкѣ. П. И. Житецкій съ особенной теплотой вспоминаетъ А. О. Козачковскаго, который въ его время былъ докторомъ при переяславской семинаріи. А. О. Козачковскій съ семинаристами иначе не говорилъ, какъ по—малорусски. Благодаря ему П. И. Житецкій и другіе семинаристы знали уже въ рукописяхъ многія стихотворенія Т. Г. Шевченка. А. О. Козачковскому, какъ извѣстно, Т. Г. Шевченко посвятилъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній (Кобзарь, изд. 1899 г. стр. 306—310).

[1]) *Проф. Н. Ф. Сумцовъ.* Біографія О. М. Бодянскаго въ Критико-біографическомъ словарѣ С. А. Венгерова, т. V, стр. 65.

[2]) 20 ноября 1825 г. О. М. Бодянскій пишетъ отцу: «Денегъ у Феди я не отбиралъ потому, что онъ и самъ ихъ ни на что лишнее не употребляетъ: и если что-либо хочетъ купить, то всегда меня спрашивается» (Переписка съ отцемъ, стр. 9).

рожно и не всегда принималъ во вниманіе скудость средствъ, это— въ отношеніи пріобрѣтенія книгъ. Онъ пріобрѣталъ не только тѣ книги, безъ которыхъ невозможно было обойтись при ученіи, но тратилъ деньги на пріобрѣтеніе книгъ, которыя не были настоятельно необходимы или вовсе не были нужны. Въ этомъ видѣнъ зародышъ будущаго коллекціонера. Еще въ первыхъ письмахъ по поступленію своемъ въ семинарію О. М. Бодянскій просилъ у отца присылки довольно значительной суммы денегъ 10 руб. 50 коп. на покупку латинско-русскаго лексикона, который, по его словамъ, могъ ему пригодиться и въ семинаріи [1]). Въ другой разъ 5 марта 1826 года онъ пишетъ отцу такого рода характерное оправдательное письмо: «послѣднихъ чиселъ прошлаго мѣсяца приноситъ ко мнѣ одинъ мой соученикъ три книги: первая—Виргилій на латинскомъ языкѣ; 2) Овидій тоже; 3) Цицеронъ на латинскомъ же языкѣ и проситъ у меня за нихъ 3 р. Я, видя ихъ и зная достоинство ихъ, съ радостью обѣщалъ ихъ купить у него, почему тотчасъ же и далъ ему въ задатокъ, сколько у меня было, 1 р. денегъ, а остальныя я вызычилъ изъ харчевой складки. Я ихъ показывалъ многимъ изъ богослововъ, прибавляетъ онъ какъ бы оправданіе, и всѣ они удивлялись мнѣ, что я столь дешево купилъ ихъ. Всѣ говорятъ, что каждая изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, стоитъ 3 рубля». Бодянскій проситъ прислать 2 рубля, чтобы заплатить въ харчевую складку, да 1 р. 50 коп. на бумагу. Оказалось, онъ всѣ деньги истратилъ на покупку книгъ, бумаги у него нѣтъ и, чтобы написать отцу письмо, онъ долженъ былъ занять у одного изъ товарищей 16 коп. [2]) И это, повидимому, не единственный случай. Лишнія книги Бодянскій отсылалъ обыкновенно домой къ отцу. 9 января 1826 года онъ послалъ, напр. 11 книгъ, изъ нихъ 5 было русскихъ. Среди нихъ мы встрѣчаемъ: 1) псалтырь; 2) о должностяхъ человѣка и гражданина; 3) способъ гаданія; 4) сокращенное описаніе гарлемскихъ капель; 5)

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ стр. 3 и 5.

[2]) Чтенія 1893, кн. III, письма Бодянскаго къ отцу, стр. 11.

сказка о Добрынѣ Никитичѣ. Латинскихъ книгъ было четыре: 1) латинская грамматика; 2) Корнелій Непотъ; 3) первоначаліе латинскаго языка и 4) лементоръ латинскій; греческая книга была одна—клависъ (ключъ) греч. языка; одна нѣмецко-русская: артикулъ воинскій. Кромѣ этихъ книгъ Бодянскій послалъ еще кой-какія бумаги и IV часть «Улья», ежемѣсячнаго изданія за 1811 годъ [1]). Если нѣкоторыя изъ этихъ книгъ были учебныя, то другія, какъ напр., о должностяхъ человѣка и гражданина, очевидно, сочиненіе Пуффендорфа, артикулъ воинскій, книжка «Улья»--были пріобрѣтены Бодянскимъ, несомнѣнно, изъ любви къ книгѣ. 27 апр. 1826 г. Бодянскій снова передаетъ отцу въ сундучкѣ 8 книгъ, на этотъ разъ, большею частью, учебниковъ: французскую старую грамматику; на латинскомъ языкѣ сочиненія Лактанція; начальныя основанія теоретической и практической геометріи; лѣчебникъ простыми средствами; чувствованія христіанина; краткую россійскую исторію; Іоанна Равизія латинскія письма и еврейскую псалтырку [2]). Въ этомъ стремленіи не сжечь, а сохранить даже учебныя книги видны несомнѣнное уваженіе и любовь къ книгѣ. Изъ другихъ писемъ О. М. Бодянскаго мы знаемъ, что онъ пріобрѣлъ три большія книги проповѣдей извѣстнаго Леванды, одинъ переплетъ которыхъ стоилъ ему 1 р. 50 коп. [3]) Въ 1828 г. онъ настойчиво просилъ отца прислать ему 15 рублей на покупку Исторіи философскихъ системъ, стоющей 7 руб., Опыта науки изящнаго—5 руб. и французской хрестоматіи—3 руб. «Онѣ весьма нужны для ученія, прибавляетъ онъ, и совершенно необходимы» [4]). Сомнѣваемся только, чтобы онѣ были обязательны, особенно въ виду высокой цѣны, недоступной для большинства семинаристовъ. Очевидно, здѣсь главную роль играло желаніе имѣть у себя подъ рукою книги, которыя, можетъ быть, рекомендовалъ именно тотъ профессоръ философіи, о преподаваніи котораго подъ старость,

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцемъ стр. 10.
[2]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцемъ, стр. 12.
[3]) Тамъ-же, стр. 9.
[4]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцемъ стр. 27.

на юбилеѣ его, съ такой благодарностью вспоминалъ О. М. Бодянскій. Какъ бы тамъ ни было, одно несомнѣнно: книгу О. М. Бодянскій полюбилъ еще въ семинаріи и, вѣроятно, благодаря семинаріи; а любовь къ книгѣ уже въ значительной степени гарантировала стремленіе къ знанію, къ наукѣ...

II.

Попытка О. М. Бодянскаго поступить въ Главный Педагогическій Институтъ. Окончаніе О. М. Бодянскимъ семинаріи и поступленіе въ московскій университетъ. Московскій университетъ въ началѣ 1830-хъ годовъ. Проф. М. Т. Каченовскій и его вліяніе на О. М. Бодянскаго. Кандидатская диссертація О. М. Бодянскаго «О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси». Знакомство О. М. Бодянскаго съ М. А. Максимовичемъ и М. П. Погодинымъ. Значеніе Погодина въ жизни О. М. Бодянскаго.

Прямой путь по окончаніи семинаріи былъ для О. М. Бодянскаго—въ ближайшую къ Переяславу кіевскую духовную академію. Но онъ предпочелъ академіи университетъ и поступилъ въ Москву.

Мысль о выходѣ изъ духовнаго званія и о поступленіи въ свѣтское учебное заведеніе зародилась у О. М. Бодянскаго, очевидно, давно и, очень можетъ быть, не безъ вліянія его тогдашнихъ семинарскихъ наставниковъ. Еще въ 1829 году въ одномъ изъ писемъ своихъ къ отцу О. М. Бодянскій говоритъ, что отцу хорошо извѣстно объ его намѣреніи уйти изъ духовнаго званія и о томъ, что онъ больше всего избѣгаетъ посылки въ кіевскую духовную академію [1]). Въ рѣчи же, сказанной на юбилеѣ протоіерея І. Н. Рождественскаго, самъ О. М. Бодянскій признается,

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ (Чтенія 1893, III), стр. 28.

что этотъ наставникъ «благородно» поддержалъ его намѣреніе поступить въ университетъ [1]).

На выборѣ университета О. М. Бодянскій остановился не сразу.

Въ 1828 году былъ основанъ или, лучше сказать, возобновленъ Главный Педагогическій Институтъ въ С.-Петербургѣ для приготовленія профессоровъ въ университеты и преподавателей въ гимназіи, пансіоны и институты. Въ связи съ этимъ было сдѣлано распоряженіе о присылкѣ въ Институтъ воспитанниковъ изъ семинарій, по нѣсколько человѣкъ отъ каждой. Изъ переяславской семинаріи было назначено три человѣка изъ средняго отдѣленія. Посовѣтовалъ ли кто О. М. Бодянскому или онъ самъ до этого додумался, но только онъ сталъ настойчиво добиваться, чтобы попасть въ число этихъ трехъ кандидатовъ. Хлопоты его по этому поводу на столько интересны для того времени и настолько характерны для самого О. М. Бодянскаго, что на нихъ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Они показываютъ намъ несомнѣнную практичность О. М. Бодянскаго, черту характерную для него, не только какъ семинариста [2]).

Прежде всего для О. М. Бодянскаго важно было расположить въ пользу своего рѣшенія отца. Онъ хорошо зналъ, на какихъ струнахъ онъ долженъ былъ играть, чтобы достигнуть своего. И вотъ О. М. Бодянскій пишетъ отцу письмо, въ которомъ рисуетъ ему самыми розовыми красками тѣ матеріальныя перспективы, которыя открываются, если онъ, О. М. Бодянскій, окончитъ Педагогическій Институтъ. «Въ семъ заведеніи—говоритъ онъ, должно обучаться будетъ 4 года; по окончаніи же курса выпускаютъ профессоромъ съ чиномъ 9 класса; если же особенно отличался, то и 8 класса. Кромѣ того, по выслугѣ положенныхъ 8 лѣтъ при профессорской

[1]) Москов. епарх. вѣдомости 1876 г. № 38. *А. Барсуковъ* Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 125. Ср. *Дм. Языкова* Іосифъ Максимовичъ Бодянскій въ Древней и Новой Россіи, 1878 г., т. I, стр. 93.

[2]) Соч. А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 443.

должности, отпустятъ навсегда по смерть большую пенсію, не менѣе 1500 руб.; при отправленіи же должности полагается жалованья по столько же». Въ духовную академію онъ давно уже рѣшилъ не поступать; да для него, человѣка больного, это и не безопасно: многіе люди съ большими дарованіями и здоровьемъ теряли свою жизнь, будучи не въ силахъ одолѣть академической премудрости; такихъ примѣровъ можно привести около ста; къ тому же окончившіе академіи часто сидятъ безъ мѣста; «по сему многіе, истощая свои силы и здоровье, остаются не при чемъ»; О. М. Бодянскій не хочетъ очутиться въ ихъ положеніи, потому и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ и поступить въ Педагогическій Институтъ [1].

Но какъ попасть въ число трехъ кандидатовъ, назначенныхъ отъ переяславской семинаріи? Все зависѣло отъ инспектора семинаріи, какъ онъ доложитъ епархіальному архіерею; послѣдній же утверждалъ кандидатовъ. Нужно было подѣйствовать, значитъ, на инспектора; а инспекторомъ въ то время былъ профессоръ семинаріи Яковъ Емельяновичъ Беккаревичъ, человѣкъ, очевидно, небезупречный и не брезгавшій «гостинцами», т. е. другими словами, бравшій взятки. На него то и обращаетъ все свое вниманіе О. М. Бодянскій. Прилагая образецъ письма къ нему, О. М. Бодянскій проситъ отца написать такое письмо Беккаревичу. Въ письмѣ заключалась просьба объ опредѣленіи О. М. Бодянскаго въ число кандидатовъ отъ переяславской семинаріи въ Педагогическій Институтъ. О. М. Бодянскій былъ увѣренъ, что письмо будетъ имѣть успѣхъ, особенно если при письмѣ будетъ посланъ инспектору и «гостинецъ». «Въ письмо, батюшка, прибавляетъ онъ, для лучшаго успѣха въ семъ дѣлѣ можете, не пожалѣвъ, приложить 15 руб. бумажками, ибо кто мажетъ, тотъ ѣдетъ скорѣе. Письмо сіе по написаніи вы не запечатывайте и не пишите, что вы ему посылаете сей гостинецъ, ибо этимъ можно его будетъ нѣсколько пристыдить. Я здѣсь его, запечатавъ и прило-

[1] Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 28.

живъ еще отъ себя нѣсколько денежекъ, поспѣшу доставить, какъ можно скорѣе, ему» [1])

Расчетъ О. М. Бодянскаго былъ вѣренъ. Отецъ не противился его намѣренію, написалъ письмо Беккаревичу и вмѣстѣ со своимъ родительскимъ благословеніемъ, 25 рублями бумажкою и 5 рублями серебромъ черезъ одного изъ козаковъ, ѣхавшихъ въ Переяславъ, переслалъ его сыну [2]). О. М. Бодянскій сталъ надѣяться, что онъ попадетъ въ число кандидатовъ. «Я надѣюсь и твердо увѣренъ, писалъ онъ отцу, въ помѣщеніи себя въ сіе число, ибо уже мнѣ нѣкоторые изъ профессоровъ говорили о семъ, и всѣ единогласно одобряютъ и хвалятъ мое намѣреніе; будущую жизнь мою расписываютъ самыми яркими, а вмѣстѣ и прелестными красками. Выгоды, говорятъ они, тамъ мною полученныя, будутъ несравненно выше выгодъ семинарскихъ профессоровъ. Жалованья втрое больше, чѣмъ они здѣсь получаютъ» [3]).

Дѣло о назначеніи О. М. Бодянскаго кандидатомъ въ Институтъ, должно было разрѣшиться скоро, а между тѣмъ оно затянулось. О. М. Бодянскій пустилъ въ ходъ какую то Параскеву Максимовну; та побывала у архіерея, и онъ обѣщалъ ей помѣстить Бодянскаго въ число кандидатовъ [4]). Но это нисколько не ускорило дѣла. Тогда снова было обращено вниманіе на Беккаревича. «Не худо было бы—пишетъ Бодянскій отцу 7 апрѣля 1829 г.,—если бы вы написали маленькое благодарственное письмецо къ Беккаревичу, а туда вложили ровное число моимъ деньгамъ. Онъ тогда болѣе бы еще приложилъ старанія за меня» [5]). Семинаристовъ, наконецъ, освидѣтельствовалъ врачъ, и О. М. Бодянскій былъ признанъ годнымъ. Опять воскресла надежда на скорое окончаніе дѣла, и для О. М. Бодянскаго не было теперь уже никакого сомнѣнія, что послѣ экзаменовъ онъ отправится въ

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 29.
[2]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 30.
[3]) Тамъ-же, стр. 30.
[4]) Тамъ-же, стр. 31.
[5]) Тамъ-же, стр. 31.

Питеръ [1]). Успѣхъ этотъ Бодянскій всецѣло приписывалъ Беккаревичу, а потому просилъ отца написать Беккаревичу благодарственное письмо и приложить еще 25 рублей [2]). Словомъ все, казалось, складывалось благопріятно, какъ вдругъ въ одно прекрасное время всѣ планы рушились. Архіерей замѣтилъ у О. М. Бодянскаго «одинъ недостатокъ, праваго глаза косость и нѣчто изволилъ объ этомъ говорить съ инспекторомъ семинаріи». Нужно было снова задобрить послѣдняго, и задобрить скоро, безотлагательно. О. М. Бодянскій опять настойчиво просилъ отца прислать 25 рублей Беккаревичу, какъ можно скорѣй, чтобы «заблаговременно еще успѣть задобрить его» [3]). «Не жалѣйте, батюшка денегъ, пишетъ онъ, на подарокъ г. Беккаревичу: за то онъ сдѣлаетъ то, что мы желаемъ и сдѣлаетъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ»[4]). Вмѣстѣ съ этимъ О. М. Бодянскій сталъ усиленно готовиться къ поѣздкѣ въ Петербургъ, на столько онъ былъ увѣренъ въ рѣшительномъ своемъ успѣхѣ [5]).

Вышло, однако наоборотъ. Несмотря на изрядное число «гостинцевъ», попавшихъ въ руки Беккаревича, дѣло О. М. Бодянскаго не выгорѣло: онъ не попалъ въ число кандидатовъ въ Педагогическій Институтъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого отецъ Максимъ прочиталъ въ письмѣ сына такого рода строки: «недавно, писалъ О. М. Бодянскій въ утѣшеніе отцу, получилъ я письмо изъ Петербурга отъ прежняго своего соученика, находящагося теперь въ Педагогическомъ Институтѣ. Онъ называетъ

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 32.

[2]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 32—33.

[3]) Тамъ-же стр. 34.

[4]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 35.

[5]) Въ одномъ изъ писемъ О. М. Бодянскій проситъ у отца 10 р. «для пошитья холстинныхъ русскихъ рубахъ на дорогу, ибо тамъ нѣтъ обыкновенія ходить въ бѣлыхъ». (Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 31). Въ другомъ же проситъ 6 сбѣлыхъ тонкихъ рубашекъ «сшить на образецъ русской или же, если не знаютъ у насъ, то на малороссійской, только чопорно». (Тамъ-же 34—35).

меня трикраты счастливымъ тѣмъ, что мнѣ не удалось быть въ семъ заведеніи. Ибо (пишетъ) строгость въ ономъ непомѣрная; нельзя никакимъ образомъ никуда пойти безъ вѣдома директора, человѣка самаго скупого и самаго строгаго, даже съ родными запрещены свиданія, исключая въ недѣлю и то въ присутствіи старшаго надзирателя, бывшаго офицера, который съ педагогиками поступаетъ, какъ съ солдатами. Кушанье составляютъ: щи, соусъ, каша, обѣдаютъ въ 3 часа пополудни; во весь же день сидятъ за столиками и учатся; прогулки вовсе запрещены, только послѣ обѣда могутъ проходиться въ залѣ. Слечь на столикъ, не встать и не поклониться, махать, идя рукою—суть величайшія преступленія; за сіе запишутъ во всѣхъ институтскихъ журналахъ и сдѣлаютъ строгій и жестокій выговоръ въ виду директора и всѣхъ присутствующихъ. Если по окончаніи двухъ годовъ кто не оказался годнымъ къ продолженію впредь ученія (курсъ положенъ 6 лѣтъ), выпускаютъ безъ чина учителемъ въ уѣздныя училища; окончившихъ курсъ ученія выпускаютъ въ 9 классѣ старшимъ учителемъ въ гимназію. Но 6 лѣтъ такой жизни. Боже сохрани! Нѣтъ еще мѣсяца, а въ больницѣ считается до 40 человѣкъ больныхъ (всѣхъ ихъ въ институтѣ положено быть 100 ч.); девятерыхъ же уже увольнили за болѣзнь. Замѣченыхъ же въ худой нравственности нигдѣ не принимаютъ, ни въ какую службу. Послѣ выпуска служить обязываютъ еще въ мин. нар. просвѣщенія 8 лѣтъ. Вотъ куда было я, несчастный, сунулся! Теперь сто кратъ благодарю Всевышняго о сохраненіи меня отъ сего заведенія. Можно гораздо лучше жить безъ онаго, лишь бы здоровье, да благословеніе Божіе. Переписка имъ, прибавляетъ въ заключеніе О. М. Бодянскій, вовсе запрещена съ кѣмъ бы то ни было. Сіе же письмо послано тайкомъ чрезъ медиковъ, приходившихъ посѣтить ихъ» [1]).

Въ изображеніи порядковъ Педагогическаго Института краски не были умышленно сгущены [2]). Отцу Максиму оставалось ско-

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 36—37.

[2]) Ср. Соч. *Добролюбова*, т. I (изд. 1885 г.) стр. 179 и слѣд.

рѣй радоваться, что сынъ его избѣжалъ такой большой опасности, чѣмъ сѣтовать на его неудачу.

Въ сентябрѣ 1831 г. О. М. Бодянскій окончилъ семинарію [1]). Курсъ нѣсколько затянулся, потому что, по случаю господствовавшей тогда холеры, занятія въ семинаріи были пріостановлены [2]). Вопросъ о поступленіи въ московскій университетъ былъ у О. М. Бодянскаго рѣшенъ теперь безповоротно, и онъ еще во время экзаменовъ сталъ подумывать о томъ, какъ бы ему переправиться въ Москву. Серпуховскій житель Иларіонъ Никитинъ, торговецъ бакалейной лавки, брался свезти О. М. Бодянскаго въ Москву за 200 рублей. Но онъ находилъ это не по карману и просилъ отца поторговаться, не возьмется ли Никитинъ свезти его за 150—160 рубл.? Если бы тотъ не согласился на эти условія, то О. М. Бодянскій просилъ подыскать кого-нибудь изъ москвичей, пріѣзжающихъ за фруктами, который могъ бы взять его съ собой. Въ противномъ случаѣ пришлось бы ѣхать на почтовыхъ. Правда, дорога стала бы дешевле, всего 83 р. 37½ коп., но за то было бы «тѣлу много работы и безпокойства» [3]). Какъ переправился О. М. Бодянскій въ Москву—мы не знаемъ, но только во всякомъ случаѣ, не пѣшкомъ [4]). Нужно думать, что при отправкѣ въ Москву у него были деньги: иначе онъ не сталъ бы избирать болѣе дорогой путь и заботиться о томъ, чтобы тѣлу его не было безпокойства и большой работы въ дорогѣ.

Какими же средствами располагалъ О. М. Бодянскій, отправляясь въ Москву? Родственникъ О. М. Бодянскаго В. И. Константиновичъ въ письмѣ своемъ къ проф. А. И. Маркевичу говоритъ, что О. М. Бодянскаго, при отправленіи въ Москву, снабдилъ «нескупо» деньгами отецъ его, В. И. Константиновича, священникъ того же мѣстечка Варвы, во второмъ приходѣ котораго

[1]) Переписка съ отцомъ, стр. 56.

[2]) Тамъ-же, стр. 54.

[3]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 57.

[4]) Рус. Филол. Вѣстникъ, 1880 г., кн. IV, стр. 152.

священствовалъ и отецъ Максимъ Бодянскій [1]). Но проф. А. А. Кочубинскій, одинъ изъ послѣднихъ учениковъ О. М. Бодянскаго, сомнѣвается въ этомъ. Въ его памяти прочно сохранился разсказъ Бодянскаго, что онъ съ большими лишеніями прибылъ изъ полтавскаго захолустья въ Москву; а это было бы невозможно, если бы у него были «обильныя средства» со стороны. О бѣдности своей Бодянскій припоминаетъ и въ письмѣ къ Погодину изъ-за границы въ 1841 г., собираясь было совсѣмъ умирать: «они (т. е. родные) дали мнѣ воспитаніе не по своему карману» говоритъ онъ [2]). Намъ думается, свидѣтельство В. П. Константиновича не противорѣчитъ воспоминаніямъ проф. А. А. Кочубинскаго. Отецъ В. П. Константиновича могъ «не скупо» снабдить О. М. Бодянскаго деньгами, и тѣмъ не менѣе онъ могъ съ большими лишеніями пріѣхать въ Москву, такъ какъ одна дорога обходилась ему до 150 рублей. Да и что значило «не скупо» на языкѣ сельскаго священника, человѣка бѣднаго? Развѣ подъ этимъ словомъ можно разумѣть большую цифру? Скорѣй наоборотъ. Деньги эти, вѣроятно, были взяты взаймы отцемъ О. М. Бодянскаго у отца В. П. Константиновича. Не можемъ же мы думать, что отецъ Константиновичъ захотѣлъ лично, отъ себя, оказать денежную помощь О. М. Бодянскому. Не таковы были между ними отношенія: впослѣдствіи отецъ Константиновичъ сдѣлался даже врагомъ отца Максима Бодянскаго и выжилъ его изъ прихода [3]). Сверхъ суммы, занятой у Константиновича, у О. М. Бодянскаго могли быть и свои небольшія сбереженія. Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ семинаріи онъ имѣлъ довольно хорошіе уроки [4]). Какъ бы тамъ ни было, а весьма вѣроятно, что О. М. Бодянскій испытывалъ немалую нужду, особенно на первыхъ по-

---

[1]) А. А. Кочубинскій. Графъ С. Г. Строгановъ. Вѣст. Евр., августъ, стр. 177—178.

[2]) Тамъ-же стр. 179.

[3]) Предисловіе А. А. Титова къ письмамъ О. М. Бодянскаго къ отцу, стр. IV.

[4]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 36.

рахъ. Чѣмъ онъ жилъ въ Москвѣ въ свои студенческіе годы, имѣлъ ли онъ какой-нибудь заработокъ или же помогалъ ему отецъ изъ своихъ скудныхъ средствъ—мы не знаемъ. Въ перепискѣ О. М. Бодянскаго съ отцомъ недостаетъ какъ разъ писемъ, относящихся къ его университетскимъ годамъ [1]).

Въ Москву О. М. Бодянскій прибылъ въ концѣ 1831 года, успѣшно выдержалъ вступительный экзаменъ, который являлся простой формальностью [2]), и 28 декабря 1831 года былъ зачисленъ студентомъ московскаго университета по отдѣленію словесныхъ наукъ [3]).

Московскій университетъ того времени былъ въ переходномъ состояніи. Старыя преданія, когда университетъ былъ похожъ болѣе на гимназію, мало-по-малу отходили въ вѣчность, уходили и старинные профессора, слабо интересовавшіеся наукой, читавшіе по тетрадкамъ, почти никогда ихъ не обновляя; новая славная эпоха въ исторіи московскаго университета еще не наступила. Ее начали молодые профессора, возвратившіеся изъ-за границы въ 1835 году. Но тогда О. М. Бодянскій и его сверстники уже окончили университетъ [4]).

Университетскій курсъ на словесномъ факультетѣ, гдѣ учился О. М. Бодянскій, продолжался три года. Первый годъ

---

[1]) Перерывъ въ письмахъ О. М. Бодянскаго къ отцу относится къ 1831—1843 г. (Предисловіе А. А. Титова въ Чтеніяхъ 1893, III). Письма, вѣроятно, затерялись.

[2]) Воспоминанія И. А. Гончарова (Пол. собраніе сочиненій, изд. Маркса, т. XII, стр. 11—12).

[3]) Рус. Старина. 1879, кн. 11, стр. 462.

[4]) Воспоминанія студенчества 1832—1835 годовъ *К. С. Аксакова*. День 1862 г. № 39 и 40; *Г. Г.* Университетскія воспоминанія—День 1863 г. № 42; *И. А. Гончаровъ*. Воспоминанія: I. Въ университетѣ. Пол. соб. сочиненій, изд. Маркса. т. XII. *А. И. Герценъ*. Былое и думы, ч. 1-я, гл. 6 и 7-ая. Въ «Сочиненіяхъ» А. И. Герцена т. VI. На основаніи этихъ матеріаловъ характеристика московскаго университета сдѣлана у *А. Н. Пыпина* «Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. 1-й, глава 2-я; у *П. А. Висковатова* въ его біографіи М. Ю. Лермонтова, гл. VII.

состоялъ изъ такъ наз. приготовительныхъ лекцій, затѣмъ студенты переходили на ординарныя лекціи, которыя продолжались два года. Первый курсъ студентовъ слушалъ лекціи отдѣльно и никогда не сходился со студентами высшихъ курсовъ; второй и третій курсы слушали лекціи вмѣстѣ.

Въ 1831 году, въ годъ поступленія въ университетъ О. М. Бодянскаго, первый курсъ былъ особенно многолюденъ, такъ какъ по случаю холеры, занятія въ университетѣ были пріостановлены, и студенты, поступившіе въ 1830 году, считались также на первомъ курсѣ.

«На первомъ курсѣ, разсказываетъ К. С. Аксаковъ, поступившій годомъ позже О. М. Бодянскаго, я засталъ еще Побѣдоносцева, преподававшаго риторику, по стариннымъ преданіямъ, довольно скучно. «Ну, что, Аксаковъ, когда же ты мнѣ хрійку напишешь».—говорилъ, бывало, Побѣдоносцевъ. Студенты, нечего дѣлать, подавали ему хрійки. Кромѣ Побѣдоносцева, были у насъ профессорами: богословія—Терновскій, латинскаго языка—Кубаревъ, греческаго – Оболенскій, нѣмецкаго—Герингъ, французскаго—Куртенеръ, географіи—Коркуновъ; Гастевъ читалъ какую-то смѣсь статистики, исторіи, геральдики и еще чего-то. Лекціи богословія читались самымъ схоластическимъ образомъ. Отъ времени до времени поднимался какой-нибудь студентъ, обыкновенно духовнаго званія, и, по обычаю семинаріи, начиналъ съ Терновскимъ діалектическій споръ, который Терновскій поддерживалъ иногда съ досадою—но обычай продолжался. Обыкновенно Терновскій заставлялъ кого-нибудь изъ студентовъ повторить содержаніе прошедшей лекціи.—Кубаревъ, съ кругленькой головкой и вообще весь кругленькій, переводилъ съ нами медленно и внятно, выговаривая слова тихенькимъ голоскомъ своимъ. Тита Ливія—и только.—Гастевъ, Коркуновъ были люди молодые тогда, но совершенно безцвѣтные. Куртенеръ толковалъ о participe présent, Герингъ переводилъ хрестоматію, въ которую входили и стихотворенія Шиллера, Гёте и другихъ. Оболенскій переводилъ съ нами Гомера. Оболенскій былъ очень забавенъ: онъ былъ небольшого роста и съ весьма важными пріемами; голосъ его, иногда низкій переходилъ въ

очень тонкія ноты. Онъ переводилъ съ нами Гомерову Одиссею. Трехтысячелѣтняя рѣчь божественнаго Гомера раздавалась въ Москвѣ, на Моховой, въ аудиторіи московскаго университета предъ русскими юношами, обращавшими больше вниманія на смѣшную фигуру профессора, чѣмъ на дивныя слова Одиссея. Обыкновенно профессора наши переводили сами, и переводящему студенту оставалось только искусно повторять слова профессора, чтобы не обратиться въ совершеннаго слушателя» [1]).

Такъ было на первомъ курсѣ. На двухъ послѣднихъ было немного лучше. Правда, латинская и греческая словесность и тамъ хромали. Латинскую словесность преподавалъ И. М. Снегиревъ, не внушавшій къ себѣ довѣрія, какъ знатокъ своего предмета, и преподававшій его съ чисто-лингвистической стороны, мало знакомя своихъ слушателей съ духомъ и исторіею древнихъ [2]). Греческую словесность преподавалъ С. М. Ивашковскій. Это былъ добродушный старикъ, глубокій знатокъ своего предмета, но никуда негодный преподаватель. У него была старинная привычка за каждымъ почти словомъ прибавлять безъ всякой надобности глаголъ «будетъ». Это затрудняло пониманіе его рѣчи, дѣлало ее сначала забавной, а подъ конецъ, когда постоянное употребленіе *будетъ* надоѣдало—чрезвычайно скучной. Ивашковскій читалъ, впрочемъ, не болѣе получаса. Когда онъ входилъ въ аудиторію, къ нему подходилъ какой-нибудь студентъ, преимущественно изъ семинаристовъ, знавшихъ греческій языкъ, задавалъ какой-нибудь вопросъ, и Ивашковскій начиналъ съ этимъ студентомъ ходить по аудиторіи, остальные же студенты тихо бесѣдовали между собой. Иногда такое хожденіе Ивашковскаго по аудиторіи продолжалось болѣе получаса: затѣмъ только онъ усаживался на каѳедру и начиналъ лекцію. Лекція состояла въ переводѣ греческихъ писателей. Какъ и Снегиревъ, Ивашковскій никогда не знакомилъ своихъ слушателей съ исторіею древнихъ, а ограничивался одними только переводами [3]).

[1]) День 1862 г. № 39, стр. 3.

[2]) Воспоминанія И. А. Гончарова. Сочиненія т. XII. стр. 35.

[3]) См. воспоминанія К. С. Аксакова, Г. Г. и И. А. Гончарова.

Больше всѣхъ изъ профессоровъ студенты любили, цѣнили и боялись М. Т. Каченовскаго. Онъ былъ, какъ извѣстно, основателемъ скептической школы въ русской исторіографіи и старался подорвать у своихъ слушателей довѣріе къ преданіямъ первоначальной лѣтописи. Баснословный періодъ русской исторіи, говоритъ Г. Г., продолжался у него собственно до Ивана III, хотя онъ и не рѣшался прямо, открыто это высказывать. Любимыми его предметами были: происхожденіе руссовъ, которыхъ онъ выводилъ изъ-за Чернаго моря и причислялъ къ турецкому племени, объясненіе древнихъ монетъ и Русской правды. О чемъ бы онъ ни начиналъ читать, разъ онъ попадалъ на одну ихъ своихъ излюбленныхъ темъ, вся лекція его состояла или изъ ироническихъ намековъ на слѣповѣрящихъ въ правдивость свидѣтельствъ первоначальной русской лѣтописи или въ объясненіи, что такое куны, гривны и т. д. Лекціи Каченовскій читалъ сухо, скучно и довольно утомительно для слушателей, тѣмъ не менѣе, лекціи его, несомнѣнно, возбуждали въ слушателяхъ живой интересъ къ занятію наукой [1]). «Молодость, говоритъ по этому поводу К. С. Аксаковъ, охотно вѣритъ, но и сомнѣвается охотно, охотно любитъ новое, самобытное мнѣніе,—и историческій скептицизмъ Каченовскаго нашелъ сильное сочувствіе среди насъ. Строевъ, Бодянскій съ жаромъ развивали его мысли. Станкевичъ, хотя не занимался русской исторіей, но также думалъ. Я тоже былъ увлеченъ» [2]).

Кромѣ русской исторіи, Каченовскій читалъ также и всеобщую по Пелитцу, но это не была его спеціальность, а потому ко всеобщей исторіи онъ относился чисто формально и, какъ только появился въ университетѣ М. П. Погодинъ, Каченовскій поспѣшилъ уступить всеобщую исторію ему. Погодинъ читалъ по Геерену самый общій курсъ всеобщей исторіи, годный скорѣй для гимназіи, а не для университета, хотя чтенія эти не были безполезны, потому что поступавшіе въ университетъ обыкновенно ничего не знали по всеобщей исторіи. На политическомъ отдѣленіи

[1]) Тамъ-же.
[2]) День, 1862 г., № 10.

Погодинъ читалъ русскую исторію, при чемъ держался взглядовъ, противоположныхъ Каченовскому, такъ что профессора въ разныхъ аудиторіяхъ часто препирались другъ съ другомъ. Одну изъ своихъ лекцій Погодинъ назвалъ даже «перчатка Каченовскому и Строеву старшему». Студентамъ нравились эти препирательства, и словесники, поэтому, ходили на лекціи Погодина. Но преподаваніе Погодина на словесномъ факультетѣ не имѣло особаго значенія. Спеціальностью его была русская исторія, всеобщей исторіей онъ самъ не занимался; къ тому же и студенты, съ которыми онъ обращался грубо, относились къ нему довольно враждебно [1]).

Эстетику читалъ Н. И. Надеждинъ [2]). Человѣкъ талантливый, онъ совершенно случайно избралъ для себя профессорскую карьеру. Глубокой учености у него не было, и студенты «скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серьезныхъ занятій», такъ что въ концѣ концовъ Надеждинъ не удовлетворилъ серьезнымъ требованіямъ молодежи. Но на первыхъ порахъ молодёжь увлекалась его лекціями, «почуявъ въ нихъ, какъ выражается К. С. Аксаковъ, воздухъ мысли». Его лекціи не прошли безъ пользы для слушателей, хотя они и и разочаровались въ немъ. Студенты слушали его все-таки охотно. Однажды, напр., увлекшись, Надеждинъ прочиталъ два часа безъ перерыва и слушатели не напомнили ему, что лекція его давно уже окончилась [3]). Отъ Надеждина студенты впервые познакомились съ именами Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля [4]).

Былъ еще на словесномъ факультетѣ профессоръ исторіи русской литературы И. И. Давыдовъ, но студенты его не любили и всегда относились къ нему очень скептически [5]).

---

[1]) Воспоминанія К. С. Аксакова и Г. Г.

[2]) Чрезвычайно рѣзкую характеристику Надеждина дѣлаетъ *С. А. Венгеровъ* въ I томѣ Полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго, стр. 399 и слѣд. Существенныя возраженія противъ такой характеристики см. у *П. Н. Милюкова* «Изъ исторіи русской интеллигенціи». Спб. 1902, стр. 188 и слѣд.

[3]) Воспоминаніе К. С. Аксакова въ Днѣ 1862, № 39.

[4]) Воспоминанія Г. Г. въ Днѣ. 1863 г., № 43.

[5]) Воспоминанія К. С. Аксакова, Г. Г. и И. А. Гончарова.

Составъ студентовъ на словесномъ факультетѣ въ началѣ 1830-хъ годовъ, по возрасту, былъ самый разнообразный. Здѣсь были юноши въ 16 лѣтъ, какъ К. С. Аксаковъ, или даже моложе, какъ авторъ «Университетскихъ воспоминаній» въ «Днѣ» за 1863-й годъ, скрывшій свое имя подъ инициалами Г. Г. Онъ четырнадцати даже лѣтъ сдѣлался студентомъ университета. Но за то были люди гораздо старше, особенно изъ семинаристовъ. О. М. Бодянскому было, напр., 23 года, когда онъ поступилъ въ университетъ, а были еще и постарше его, лѣтъ за тридцать.

Составъ аудиторіи, въ которой немало было лицъ, едва перешедшихъ въ юношескій возрастъ, на первыхъ порахъ не могъ располагать къ серьезнымъ занятіямъ наукой. Аудиторія была, поэтому, нерѣдко мѣстомъ шалостей и дѣтскихъ проказъ со стороны студентовъ, хотя, по существу своему, и безобидныхъ, но все-таки трудно совмѣстимыхъ съ понятіемъ университета и со званіемъ студента. Правда, шалости эти къ тому времени, когда учился О. М. Бодянскій, стали мало-по-малу отходить уже въ область преданій, но все же отголоски ихъ слышались и въ это время. Характеръ студенчества не могъ измѣниться сразу. «Разсказывали, говоритъ К. С. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что незадолго предъ моимъ вступленіемъ, однажды, когда профессоръ Побѣдоносцевъ, который читалъ лекціи по вечерамъ, долженъ былъ придти въ аудиторію [1]), студенты закутались въ шинели, забились по угламъ аудиторіи, слабо освѣщаемой лампою, и—только показался Побѣдоносцевъ—грянули: «се женихъ грядетъ во полунощи». Въ другой разъ на лекцію того же Побѣдоносцева принесли и выпустили воробья, а когда воробей сталъ летать, студенты какъ бы въ негодованіи на нарушеніе порядка начали ловить его, произвели страшный шумъ, и стоило немало усилій, чтобы ихъ успокоить [2]). Лекціи Побѣдоносцева были, ка-

[1]) Разсказъ этотъ нѣкоторыми относится къ проф. Гаврилову *А. Н. Пыпинъ*, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, стр. 62—63. *Примѣчаніе.*

[2]) День 1862 г. № 39, стр. 3.

жется, излюбленнымъ мѣстомъ для всевозможныхъ студенческихъ шалостей. На нихъ часто разыгривалась, напримѣръ, такого рода сцена: «обычный шумъ, господствовавшій въ его аудиторіи, на минуту прекращался и водворялась глубокая тишина, преподаватель, обрадованный необыкновеннымъ безмолвіемъ, громко начиналъ читать что-нибудь о Ломоносовѣ (при чемъ онъ говорилъ всегда, что и на солнцѣ есть пятна, и у Ломоносова есть недостатки), или о хріи простой и извращенной; но тишина эта была самая коварная, раздавался тихій, мелодическій свистъ, обыкновенно мазурка или какой-нибудь другой танецъ; Побѣдоносцевъ останавливался въ недоумѣніи; музыка умолкала, и за ней слѣдовалъ взрывъ рукоплесканій и неистовый топотъ» [1]).

Если подобныя шалости стали исчезать изъ студенческой среды, то другія чисто дѣтскія выходки все же имѣли мѣсто и въ то время, когда учился въ университетѣ О. М. Бодянскій. Они показываютъ, какъ много еще ребячества было среди тогдашней молодежи. Студенты однажды, напр., спрятались въ шинельной отъ преподавателя французскаго языка Декампа и хотѣли уйти съ его лекціи; когда же Декампъ открылъ ихъ мѣстопребываніе, они воротились въ аудиторію, разсѣлись по лавкамъ и спокойно прослушали его лекцію [2]). Преподавателю нѣмецкаго языка Кистнеру были назначены однажды для лекцій вечерніе часы. Студенты стали устраивать ему иллюминацію: каждый приносилъ съ собой по нѣсколько свѣчей и зажигалъ на скамьѣ. Начальство испугалось возможности пожара и перенесло лекціи на утренніе часы [3]).

Любопытно, что подобныя шалости имѣли мѣсто въ московскомъ университетѣ какъ разъ въ то время, когда тамъ слушали лекціи замѣчательно талантливые люди, оставившіе впослѣдствіи крупный слѣдъ на разныхъ поприщахъ общественной, литературной и научной дѣятельности. Въ началѣ 1830-хъ годовъ

[1]) Г. Г. Университетскія воспоминанія. День 1863 г., № 42.

[2]) День. 1862 г., № 39.

[3]) День 1863 г., № 42.

въ московскомъ университетѣ учились: на естественномъ факультетѣ—Герценъ, Огаревъ; на словесномъ—Лермонтовъ, Бѣлинскій, Гончаровъ, Станкевичъ, К. С. Аксаковъ, Ключниковъ, С. М. Строевъ. Всѣ послѣдніе были университетскими товарищами О. М. Бодянскаго. Лермонтовъ держался, правда, особнякомъ, вскорѣ ушелъ изъ университета и переѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ лейбъ-гвардію [1]). Мало съ кѣмъ изъ студентовъ сходился и И. А. Гончаровъ [2]). За то остальные, въ числѣ ихъ и О. М. Бодянскій, жили, повидимому, дружно, чисто товарищескою жизнью [3]).

Тогдашній московскій университетъ давалъ юношеству мало умственной пищи. «Очень тускло и холодно освѣщало наши умы солнце истины»—говоритъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ К. С. Аксаковъ. Профессора преподавали плохо; многіе изъ нихъ не пользовались уваженіемъ, не могли или просто не умѣли заинтересовать своихъ слушателей. Нечего удивляться, поэтому, что университетъ въ общемъ мало привлекалъ студентовъ. Лермонтовъ, напримѣръ, посѣщая университетъ, почти не слушалъ лекцій, а все время сидѣлъ, и, углубившись, читалъ книги [4]). Пересталъ въ концѣ концовъ посѣщать университетъ или на лекціяхъ читалъ книги и извѣстный впослѣдствіи санскритологъ К. А. Косовичъ [5]); за непосѣщеніе лекцій былъ уволенъ, между прочимъ, изъ университета и Бѣлинскій [6]).

Въ одномъ изъ томовъ «Былого и думъ» Герценъ, вспоминая свои университетскіе годы и о томъ, какъ плохо преподавали въ университетѣ, спрашиваетъ, могли ли студенты научиться чему-нибудь въ университетѣ, и отвѣчаетъ: «да». «Университетъ, говоритъ онъ, не долженъ оканчивать научное воспитаніе: его дѣло-

---

[1]) *П. А. Висковатовъ.* М. Ю. Лермонтовъ (біографія) стр. 113 и слѣд.

[2]) *Гончаровъ.* Полное собраніе сочиненій, т. XII, стр. 41—42.

[3]) День 1862, № 39 и 40 и 1863 № 42.

[4]) *П. А. Висковатовъ* М. Ю. Лермонтовъ, стр. 113 и слѣд.

[5]) День, 1862 г., № 40, стр. 1.

[6]) *А. Н. Пыпинъ,* Бѣлинскій, стр. 70—71.

поставить человѣка à même продолжать на своихъ ногахъ: его дѣло—возбудить вопросы, научить спрашивать. Именно это то и дѣлали такіе профессора, какъ М. Г. Павловъ, а съ другой стороны, и такіе, какъ Каченовскій... Московскій университетъ свое дѣло дѣлалъ: профессора, способствовавшіе своими лекціями развитію Лермонтова, Бѣлинскаго, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова могутъ спокойно играть въ бостонъ или еще спокойнѣе лежать подъ землей». Профессора, научившіе работать и любить науку С. М. Строева, О. М. Бодянскаго и другихъ, прибавимъ съ своей стороны, заслуживаютъ также полной признательности со стороны потомства.

Если университетъ въ общемъ мало давалъ умственной пищи, если онъ не могъ заинтересовать своихъ питомцевъ, то все же не проходилъ для нихъ безслѣдно. «Въ эпоху студенчества, о которой я говорю—замѣчаетъ К. С. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—первое, что обхватывало молодыхъ людей, это общее веселіе молодой жизни, это чувство общей связи товарищества: конечно, это-то и было первымъ мотивомъ студенческой жизни; но въ то же время слышалось, хотя не сознательно, и то, что молодыя эти силы собраны все же во имя науки, во имя высшаго интереса истины... Не всѣ мои товарищи способны были понимать истину и даже цѣнить ее; но всѣ были *точно* молоды, не по одному числу лѣтъ; всѣ были постоянно шумны и веселы, ни одного не было ни истощеннаго, ни вытертаго; не было ни свѣтскаго тона, ни житейскаго благоразумія. Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только слышна *молодость человѣка*, и этотъ человѣкъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣдный, а просто человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человѣческаго имени, давалось университетомъ и званіемъ студента... Мы, продолжаетъ К. С. Аксаковъ, мало почерпнули изъ университетскихъ лекцій, и много вынесли изъ университетской жизни. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, обновлявшаяся каждый день, много двигали впередъ здоровую молодость, и хотя собственно товарищи мои ничѣмъ не сдѣлались замѣчательны—кто знаетъ даже, къ какому опошляющему

состоянію нравственному могли довести обстоятельства потерянныхъ мною изъ виду,—но живое это время, думаю я, залегло въ ихъ душу освѣжительнымъ, поддерживающимъ *основаніемъ* [1]).

Въ университетѣ завязались между товарищами отношенія, общія бесѣды сближали ихъ въ отдѣльныя группы, кружки, зарождали общіе интересы, будили вопросы, разрѣшенія которыхъ требовалъ пытливый молодой умъ. Изъ университета товарищеская жизнь переходила на частныя квартиры, и здѣсь въ болѣе тѣсномъ кружкѣ, вдали отъ всякой оффиціальной обстановки, сошедшіеся товарищи стремились собственными силами пополнить то, что не могъ дать имъ оффиціальный университетъ.

Однимъ изъ такихъ кружковъ, пріобрѣвшихъ историческую извѣстность, былъ студенческій кружокъ Н. В. Станкевича [2]). Въ составъ его входили университетскіе товарищи Н. В. Станкевича, а также нѣкоторыя лица, уже окончившія университетъ или почему-нибудь изъ него вышедшія. Къ кружку принадлежали: Бѣлинскій, К. С. Аксаковъ, извѣстный впослѣдствіи писатель Ключниковъ, санскритологъ Петровъ, поэтъ Красовъ, бывшій потомъ профессоромъ кіевскаго университета и другіе. Къ этому же кружку принадлежалъ въ университетѣ и О. М. Бодянскій. Кружокъ былъ трезвый, не любилъ ни вина, ни пирушекъ: собирался онъ обыкновенно по вечерамъ у Станкевича, при чемъ единственнымъ напиткомъ бывалъ чай, котораго выпивалось несмѣтное количество, а угощеніемъ—хлѣбъ, котораго истребляли также не мало. Кружокъ отличался самостоятельностью мнѣнія, свободнаго отъ всякаго авторитета. Онъ желалъ и искалъ правды, серьезнаго дѣла, искренности и истины. Политическіе вопросы занимали его мало, зато въ этомъ кружкѣ, по словамъ К. С. Аксакова, «выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ—воззрѣніе большею частью отрицательное. Искусственность

[1]) День, 1862 г., № 39.

[2]) Ср. *А. Н. Пыпинъ*, Бѣлинскій его жизнь и переписка гл. 2 и 3. Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова т. I и III. примѣчанія.

россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усиливавшаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма, все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ; и то, и другое высказывалось въ кружкѣ Станкевича, быть можетъ, впервые, какъ мнѣніе цѣлаго общества людей» [1]).

Въ кружкѣ Станкевича устраивались иногда совмѣстныя чтенія. Здѣсь были прочитаны, напр., повѣсти Гоголя, «*Коляска*» даже въ рукописи, раньше напечатанія, и вызвали неописанный восторгъ; чтеніе обыкновенно смѣнялось спорами, споры—пѣніемъ хоромъ. Любимою пѣснью были стихи Хомякова «За туманною горою» изъ оперы «Ермакъ». Не обходилось и безъ дурачествъ. Станкевичъ—по словамъ К. С. Аксакова, былъ большой мастеръ передразнивать. Однажды какъ-то, днемъ, на своей квартирѣ передразнивалъ онъ Каченовскаго, и въ это время Каченовскій проѣхалъ мимо по улицѣ.—Вотъ тебѣ разъ, сказалъ Станкевичъ, не видалъ ли онъ?—Ничего, братецъ, сказалъ Бодянскій, онъ подумалъ, что зеркало стояло [2]).

Какую роль игралъ Бодянскій въ кружкѣ Станкевича—мы не знаемъ, но само собой разумѣется, принадлежность его къ этому кружку не могла пройти для О. М. Бодянскаго безслѣдно; кружокъ долженъ былъ оказать на него свое вліяніе.

О. М. Бодянскій, по словамъ К. С. Аксакова, всегда былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ студентовъ и уже въ университетѣ серьезно занимался исторіей [3]). Мы имѣемъ кромѣ того свѣдѣнія, что въ университетѣ О. М. Бодянскій принялся также дѣятельно изучать языки и, шатаясь по Никольской въ Москвѣ, покупалъ у букинистовъ разные лексиконы Гейма, Кронеберга и другихъ, а дома затѣмъ зудилъ ихъ отъ слова до слова. Хуже всего да-

[1]) День, 1862 г., № 40.

[2]) День 1862 г. № 40.

[3]) Тамъ-же

вался ему нѣмецкій языкъ[1]). О. М. Бодянскій, нужно сказать, отличался удивительной памятью. К. С. Аксаковъ разсказываетъ, напр., про него такой анекдотъ, имѣвшій мѣсто на лекціи у профессора Надеждина. Надеждинъ, какъ то, вздумалъ сдѣлать репетицію и сталъ спрашивать студентовъ, спросилъ и Бодянскаго, сидѣвшаго на задней скамьѣ. Бодянскій поднялся и сталъ отвѣчать, точно по книгѣ, при чемъ постоянно опускалъ глаза на столъ. Студенты засмѣялись, и всѣ были увѣрены, что Бодянскій читаетъ по книгѣ. «Замѣтивъ книжный слогъ отвѣта, Надеждинъ, сказалъ, несмотря на свою деликатность: «извините, г. Бодянскій, мнѣ кажется, вы по книгѣ читаете.—Нѣтъ, отвѣчалъ Бодянскій, и спокойно продолжалъ отвѣтъ. Надеждинъ, смотря на его опускающіеся глаза и слыша постоянно ровный книжный языкъ, сказалъ: извините меня, г. Бодянскій, пожалуйте къ каѳедрѣ. Бодянскій замолчалъ, послышался стукъ и топотъ: это Бодянскій приближался къ каѳедрѣ, сталъ передъ нею и съ невозмутимымъ спокойствіемъ продолжалъ свой отвѣтъ, точь въ точь, какъ на задней лавкѣ. Сдѣлайте милость, извините меня, сказалъ Надеждинъ, прекрасно, прекрасно» [1])!

Выдающуюся память О. М. Бодянскій сохранилъ до самой смерти. Онъ зналъ массу всякаго рода пословицъ, поговорокъ, цитатъ, изреченій на всемозможныхъ языкахъ, преимущественно по-латыни, и любилъ пересыпать ими свою и безъ того нѣсколько тяжеловатую рѣчь и свои письма.

Результатомъ занятій О. М. Бодянскаго русской исторіей, подъ руководствомъ Каченовскаго, явилась кандидатская диссертація О. М. Бодянскаго, написанная еще въ университетѣ, но обработанная къ печати и напечатанная въ 1835 г. въ «Сынѣ Отечества» и «Сѣверномъ Архивѣ», издававшемся Гречемъ и Булгаринымъ [1]).

Диссертація озаглавлена «*О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси*» и носитъ на себѣ всѣ слѣды скептицизма М. Т. Каченовскаго.

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1896 г., августъ, стр. 180.

[2]) День 1862 г. № 40.

[3]) Томъ 51, стр. 61—86, 117—141, 173—199.

Нѣтъ народа, происхожденіе котораго было бы удовлетворительно объяснено—говоритъ О. М. Бодянскій. Строится обыкновенно много гипотезъ, но умъ нашъ не можетъ удовольствоваться ни одною изъ нихъ. Русская исторія въ этомъ отношеніи не отличается отъ другихъ. Въ гипотезахъ о происхожденіи русскаго государства недостатка нѣтъ, а между тѣмъ загадка остается, по прежнему, загадкой. Главнѣйшихъ гипотезъ о происхожденіи русскаго государства двѣ: одна изъ нихъ предложена еще Байеромъ, продолжена Миллеромъ, Тунманомъ, Стриттеромъ, вновь разработана Шлецеромъ, имѣетъ много приверженцевъ среди русскихъ историковъ до Карамзина включительно; другая ведетъ начало отъ Эверса; она принята извѣстнѣйшими оріенталистами Фатеромъ, Гаммеромъ и др. учеными мужами, которыхъ О. М. Бодянскій, по скромности, не называетъ, но среди которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ, конечно разумѣть его учителя М. Т. Каченовскаго. Обѣ гипотезы e diametro противоположны одна другой. Первая имя руссовъ выводитъ съ сѣвера, отъ варяго-руссовъ, забалтійскихъ выходцевъ; вторая—отъ руссовъ, народа, когда-то господствовавшаго на югѣ Россіи. Байеристы до сихъ поръ, говоритъ О. М. Бодянскій, имѣли перевѣсъ: за ними была давность, авторитетъ многихъ ученыхъ, ставшихъ безъ дальнихъ разсужденій подъ ихъ знамена, наконецъ, диктаторскій голосъ Шлецера, который всѣ возникавшія новыя гипотезы уничтожилъ своею сатирическою и ѣдкою критикою. На самомъ же дѣлѣ гипотеза Байера была «основана на слѣпой дѣтской вѣрѣ въ древность и каноническую важность нашихъ лѣтописей». Поэтому, рано или поздно она должна была вызвать противъ себя оппозицію. Это и случилось. Основываясь на строжайшемъ пересмотрѣ и оцѣнкѣ историческихъ матеріаловъ и на соображеніи хода жизни народа съ жизнью всего человѣчества, новая гипотеза имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ прежней и рано или поздно должна завоевать себѣ повсемѣстное господство[1]).

---

[1]) Сынъ Отеч., стр. 63—64.

Такъ думалъ О. М. Бодянскій. Всякій человѣкъ, который хочетъ такъ или иначе принимать участіе въ разработкѣ русской исторіи обязанъ, по неволѣ, примкнуть къ одной изъ изложенныхъ гипотезъ. Но въ выборѣ своемъ онъ не долженъ руководствоваться однимъ только своимъ довѣріемъ авторитету того или другого лица. Человѣкъ, уважающій не авторитетъ, а истину, долженъ самъ изучить, разобрать, сравнить гипотезы, долженъ самъ опредѣлить, какая изъ нихъ истинная, а какая ложная, и только послѣ этого онъ можетъ принять одну изъ нихъ.

Разсматривая свидѣтельства, приводимыя въ пользу варяго-русской теоріи, О. М. Бодянскій приходитъ къ заключенію, что никакого народа варяго-руссовъ не было: что историки произвольно соединили два слова въ одно: лѣтопись, напротивъ, всегда раздѣляетъ варяговъ и русь, при чемъ послѣдніе относятся къ первымъ, какъ господа къ рабамъ: варяги были просто наемники. Но если бы даже лѣтопись и упоминала о варяго-руссахъ, то и тогда прежде всего слѣдуетъ доказать древность этой лѣтописи, доказать то, что она, несомнѣнно, написана кіевскимъ монахомъ XII столѣтія. Разъ это не доказано, «какъ можно толковать съ такою свободою и самоувѣренностію о событіяхъ за нѣсколько вѣковъ предъ симъ единственно по сказанію лѣтописцевъ позднѣйшаго времени? Но допустимъ, что Несторъ сочинилъ лѣтопись. У кого могъ онъ заимствовать свѣдѣніе о происшествіяхъ VII, VIII, IX, X и ½ XI столѣтія? У византійцевъ? Но чего нѣтъ у нихъ о народахъ, обитавшихъ при Балтійскомъ морѣ, о нашемъ сѣверѣ и т. п., то откуда? Изъ народныхъ преданій? Изъ преданій чрезъ сотни лѣтъ!!! Пусть такъ: скажите же, можно ли положиться на этотъ мутный источникъ, съ каждою минутой перемѣняющій свой цвѣтъ, засоряемый вымысломъ и баснями, придаваемыми ему каждымъ разсказчикомъ? Могутъ ли преданія эти въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ сохраниться во всей своей чистотѣ? Много ли можно составить теперь свѣдѣній о Петрѣ I-мъ по народнымъ преданіямъ? Жилъ когда-то, да умеръ. Между тѣмъ въ извѣстіяхъ, почерпнутыхъ Несторомъ изъ преданій, разсказывается все въ строго систематическомъ порядкѣ,

ничего не опущено, все на своемъ мѣстѣ. Скорѣе можно согласиться на существованіе домашнихъ письменныхъ источниковъ для нихъ, если бы только могли таковые до него быть. Изъ нихъ вѣрно были церковныя записки, въ которыхъ все-таки нельзя предположить, чтобы говорилось о земляхъ сѣверныхъ съ такою географическою точностью. Однако, если бы и это возможно было, то опять спрашивается, какъ Несторъ узналъ о томъ, что уже случилось послѣ него? Какъ могъ онъ самъ себѣ противорѣчить, описывая одно и тоже событіе? «Все это испорчено переписчиками, сказанія Нестора должно очистить отъ сихъ наростовъ». Но что же останется ему послѣ сего? Два-три извѣстія, относящіяся до обители, въ которой онъ жилъ? Лучше же и оставить сіи и подобныя имъ сказанія за нимъ; а болѣе ему ничего не приписывать. Все прочее должно отнесть къ позднѣйшему времени, на которое оно своимъ содержаніемъ указываетъ; поискать, изъ какихъ источниковъ все это заимствовано, кѣмъ, когда и какъ? Тогда только темныя, несогласныя съ здравымъ смысломъ сказанія нашихъ лѣтописей, сдѣлаются для насъ ясными; тогда мы узнаемъ, въ силу какихъ причинъ появились на сѣверѣ варяго-руссы, русь, варяги; узнаемъ, могли ли новгородцы въ IX ст. призвать трехъ братьевъ, отъ коихъ имя Россія пошло; гдѣ, когда и отъ кого русскій народъ получилъ нынѣшнее названіе; какъ должно смотрѣть на тѣ мѣста, коими усиливаются доказать намъ, что Русь давнымъ давно, еще за нѣсколько столѣтій до Нестора, жила на Балтійскомъ морѣ или гдѣ-то по близости онаго» [1]).

Когда же могла появиться лѣтопись, приписываемая Нестору; кто могъ быть ея составителемъ и гдѣ, на сѣверѣ или на югѣ?

Несторъ не могъ составить лѣтопись. Отъ него и его современниковъ могли остаться только записки о дѣлахъ церкви, о чудесахъ святыхъ, да развѣ еще о небесныхъ явленіяхъ, о засухѣ и т. д. Все это согласно съ духомъ того времени и встрѣ-

---

[1]) Сынъ Отеч., стр. 73—74.

чается у другихъ народовъ. Книги тогда нужны были только богослужебныя, о нихъ только и заботились: въ другихъ книгахъ не было потребности—поэтому, врядъ ли у кого-нибудь и могла явиться охота составлять дневникъ политическимъ событіямъ. Самый языкъ для этого былъ не приспособленъ. Онъ былъ «необразованъ, неповоротливъ, составленъ по греческой формѣ, и то въ чуждой землѣ, у славянъ задунайскихъ, откуда всѣ священныя книги перенесены къ намъ и откуда мы долго, долго и прочія сочиненія, касающіяся церкви, заимствовали, подновляя оныя, замѣняя многія тамошнія слова собственными, наконецъ, постановленія и правила того края приноравливая къ своей землѣ» [1]). Начало временника Нестора до XI ст., несомнѣнно, происхожденія византійскаго. Оно составлено не Несторомъ, а кѣмъ-нибудь изъ духовныхъ конца XII или начала XIII и непремѣнно на югѣ, въ Кіевѣ. Начать могъ Кириллъ, продолжать Кипріанъ, хорошо знакомый съ греческимъ языкомъ. На сѣверѣ лѣтопись появляется довольно поздно. Самый древній изъ сѣверныхъ списковъ Лаврентьевскій оканчивается 1377 годомъ. Слѣдовательно, до этого времени сѣверъ не имѣлъ лѣтописей.

Кіевскій лѣтописецъ, составляя лѣтопись, заимствовалъ нѣкоторыя сказанія изъ греческихъ хронографовъ и изъ народныхъ преданій и повѣрій. Впослѣдствіи продолжатели и составители лѣтописей на сѣверѣ стали передавать эти преданія такъ, какъ будто бы они, дѣйствительно, имѣли мѣсто на Руси. Въ этой поддѣлкѣ О. М. Бодянскій обвиняетъ больше всего новгородцевъ. Вопреки установившемуся мнѣнію, Бодянскій думаетъ, что Новгородъ вовсе не такой древній городъ, какъ полагаютъ. Онъ не могъ существовать раньше XI в. и не могъ быть заселенъ славянами, пришедшими съ береговъ Дуная. Новгородъ составляетъ позднѣйшую колонію народа, уже достигшаго нѣкоторой степени гражданственности, народа торговаго, а не воинственнаго. Такимъ народомъ были прибалтійскіе славяне, переселившіеся на сѣверъ вслѣдствіе переворотовъ, происшедшихъ между ними. Эти посе-

---

[1]) Сынъ Отеч., стр. 75—76.

ленцы и основали Новгородъ. Заведя торговыя сношенія съ южною Русью, новгородцы стали выбирать одного изъ южно-русскихъ князей себѣ въ покровители. Этимъ они облегчали себѣ торговыя сношенія. Желая придать своему городу больше значенія, они постарались выставить на видъ древность его происхожденія. «Чтобы пособить этому горю—говоритъ О. М. Бодянскій, очень могло статься, что какой-нибудь смѣтливый новгородецъ тотчасъ принялся за родословную и всѣ замѣчательнѣйшія, важнѣйшія происшествія въ исторіи своихъ соотечественниковъ, когда они жили въ прежней своей землѣ, смѣлою рукою перенесъ изъ нее въ лѣтопись кіевлянина, добытую посредствомъ связей съ югомъ; другія вымыслилъ; въ нѣкоторыхъ подражалъ своему предшественнику, и все это съ знаніемъ припаровилъ къ своей отчизнѣ». Никто противъ этого не протестовалъ, а потому и «ничто не препятствовало сѣверному компилятору управляться, какъ его душѣ хотѣлось съ южною лѣтописью». Вслѣдъ за этимъ О. М. Бодянскій указываетъ цѣлый рядъ мѣстъ изъ лѣтописи, которыя могли быть передѣланы сѣверяниномъ-лѣтописцемъ, и затѣмъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на выясненіи вопроса о томъ, кто были руссы?

Они не были ни варяги, ни норманы. Разбирая свидѣтельства, приводимыя обыкновенно въ пользу тожества варяговъ и нормановъ, О. М. Бодянскій приходитъ къ заключенію, «что и здравая логика, и историческія соображенія, и свидѣтельство писателей, все это говоритъ о томъ, что подъ варягами должно разумѣть не варяго-руссовъ, народъ будто бы норманскій, сообщившій впослѣдствіи имя нашему отечеству, но варяго-славянъ, колоніею коихъ былъ самый Новгородъ» [1]). Откуда же взялись все-таки руссы, если ихъ не было на сѣверѣ. Цѣлый рядъ извѣстій арабскихъ, византійскихъ писателей, отечественныя, наконецъ, извѣстія приводятъ О. М. Бодянскаго къ тому заключенію, что всѣ они знаютъ одну только Русь, именно Русь на югѣ. Здѣсь же сохранился этотъ корень въ цѣломъ рядѣ названій рѣчекъ, селъ

[1]) Сынъ Отеч., стр. 128.

и т. д. Очень вѣроятно, что руссы прежде скрывались въ роксоланахъ, имя которыхъ составлено изъ Роксъ, Россъ и Аланъ [1]). Это былъ народъ турецкаго племени. Славяне были сначала ихъ подданными, затѣмъ вслѣдствіе многочисленности и большей образованности взяли надъ ними перевѣсъ, слились съ ними и получили названіе Руси. Русью первоначально называлась преимущественно кіевская область, и литовскіе князья, называя себя князьями русскими, разумѣли подъ этимъ и всю южную Русь. Теперешняя великая Россія носила названіе Московіи, а жителями ея назывались москалями. Съ переходомъ центра политической жизни съ юга на сѣверъ, стало мало-по-малу переходить туда же и названіе Руси. Когда это случилось, сказать точно нельзя. Въ первый разъ названіе сѣвера Русью встрѣчается въ 1340 году въ договорной грамотѣ Семена Гордаго со своими братьями. Это названіе осталось за сѣверомъ и тогда, когда сѣверъ отдѣлился отъ юга. Чѣмъ дольше шло время, тѣмъ все больше и больше появлялось отличій между сѣверомъ и югомъ. Первый сталъ называться Великой Русью, такъ какъ размѣры его постепенно увеличивались, югъ, съ потерей Бѣлоруссіи, Черной Россіи и Галиціи, принялъ названіе Малой Руси. Эти названія были первоначально народными и оффиціальнаго значенія не имѣли. Впервые они появляются оффиціально при Ѳедорѣ Ивановичѣ, а Алексѣй Михайловичъ включаетъ уже ихъ и въ свой царскій титулъ. Бѣлоруссія издревле была заселена племенемъ славянскимъ, русинами, впрочемъ, гораздо болѣе близкими къ великоруссамъ, чѣмъ къ малоруссамъ. Названіе она получила отъ того, что не была покорена татарами и оставалась свободной. Такія земли назывались бѣлыми въ противоположность чернымъ, потерявшимъ свою свободу.

Таково содержаніе кандидатской диссертаціи О. М. Бодянскаго. Ни руссовъ, ни варяго-руссовъ на балтійскомъ морѣ не было: варяги—это славяне—выходцы изъ Германіи; руссы—народъ турецкаго племени, жившій на югѣ теперешней Россіи и

[1]) Сынъ Отеч., стр. 186.

передавшій свое имя славянамъ. Многія изъ этихъ положеній въ настоящее время опровергнуты наукой, другія продолжаютъ быть спорными. У О. М. Бодянскаго они не являются самостоятельными; оттого и диссертація его забыта и прошла почти безслѣдно для науки. Основныя положенія этой диссертаціи заимствованы О. М. Бодянскимъ у своего учителя М. Т. Каченовскаго, который излагалъ ихъ то въ отдѣльныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ журналахъ, то въ своихъ лекціяхъ. Таковы были мнѣнія относительно источниковъ, времени составленія, и достовѣрности первоначальной лѣтописи, о томъ, что Новгородъ былъ промышленной колоніей, вышедшей отъ балтійскихъ славянъ и вышедшей притомъ въ довольно позднее время, что имя Руси нужно искать на югѣ и т. д. [1]) О. М. Бодянскій изложилъ только и обосновалъ ихъ подробнѣе [2]). Самый методъ разсужденія, система доказательствъ заимствованы О. М. Бодянскимъ также у Каченовскаго. Все это свидѣтельствуетъ только о томъ, что лекціи Каченовскаго оказали на О. М. Бодянскаго большое вліяніе и что университетъ не прошелъ, значитъ, для него даромъ.

Критическій методъ Каченовскаго вполнѣ соотвѣтствовалъ умственному складу О. М. Бодянскаго. Умъ его былъ аналитическимъ, по преимуществу. Онъ мало былъ склоненъ къ синтезу, къ обобщенію. Отъ природы ли онъ былъ такой или, быть можетъ, школа, которую О. М. Бодянскій прошелъ въ университетѣ у Каченовскаго, наложила на него свою печать и сдѣлала его такимъ—трудно сказать. «Первый ученый трудъ его на степень кандидата—говоритъ проф. А. А. Кочубинскій—переборъ мнѣній, прибавимъ, что и послѣдній оффиціальный трудъ, на степень доктора, вышедшій чрезъ двадцать лѣтъ, конечно, весьма разнящійся отъ перваго, все же только тотъ же переборъ мнѣній («О времени происхожденія слав. письменъ»)» [3]).

[1]) *В. С. Иконниковъ.* Скептическая школа въ русской исторіографіи и ея противники. Кіевъ. 1871. Стр. 1—57.

[2]) *М. А. Максимовичъ.* Сочиненія, т. I. стр. 43. Примѣчаніе.

[3]) Вѣстникъ Европы, 1896 г., августъ, стр. 181.

Въ университетѣ О. М. Бодянскій познакомился съ М. А. Максимовичемъ, который былъ тогда въ Москвѣ профессоромъ ботаники. Какимъ образомъ состоялось это знакомство, мы не знаемъ. Есть основаніе думать, что одно время О. М. Бодянскій жилъ даже вмѣстѣ съ М. А. Максимовичемъ [1]). Въ домѣ Максимовича О. М. Бодянскій познакомился съ Гоголемъ. Чрезъ Максимовича же, должно быть, началось сближеніе О. М. Бодянскаго и съ Погодинымъ [2]). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что условія студенческой жизни О. М. Бодянскаго сами по себѣ мало располагали къ такому сближенію. Погодина студенты не любили за его дерзкое и грубое съ ними обращеніе [3]). Кромѣ того О. М. Бодянскій былъ ученикомъ Каченовскаго и являлся, такимъ образомъ, ученымъ противникомъ Погодина. Въ своей кандидатской диссертаціи онъ, дѣйствительно, дѣлаетъ цѣлый рядъ возраженій противъ мнѣній Погодина.

Въ жизни О. М. Бодянскаго М. П. Погодинъ имѣлъ огромное значеніе. Значеніе это такими словами опредѣлялъ въ концѣ своей жизни самъ О. М. Бодянскій: «съ самыхъ первыхъ дней студенчества моего онъ (т. е. М. П. Погодинъ) уже намѣтилъ меня и съ той поры никогда не выпускалъ изъ виду. Подмѣтивъ во мнѣ стремленіе не къ одной лишь русской старинѣ, но и къ славянской вообще, чего не дѣлалъ онъ, чтобы поддержать это стремленіе! При тогдашней скудости въ средствахъ углубленія въ нее, съ какою теплою готовностью отдалъ онъ мнѣ всѣ книги на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, привезенныя имъ въ нашу Бѣлокаменную въ первое свое путешествіе за родной рубежъ, преимущественно же къ нашимъ соплеменникамъ. Скажу отъ чистаго сердца, не сдѣлай онъ того, долго бы пришлось мнѣ бороться съ этой скудостью, можетъ быть, и не одолѣть, какъ то часто случается и съ другими въ подобномъ случаѣ. А рука, помогаю-

[1]) Тамъ же, стр. 479.
[2]) Тамъ же, стр. 479.
[3]) День, 1862 г. № 40.

щая во время—то же спасительное судно, отъ видимой, неминучей гибели возводящее къ новой жизни, къ новому пришествію въ міръ. Затѣмъ, съ какимъ участіемъ слѣдилъ онъ за дальнѣйшими моими шагами на твердо избранномъ теченіи моемъ къ предположенной цѣли, всѣми мѣрами облегчая, ободряя, знакомя съ могущимъ угладить путь-дорогу, болѣе и болѣе, далѣе и далѣе! Никогда не забуду той торжественной для него и меня минуты, когда онъ увидѣлъ меня въ первый разъ на учительскомъ сѣдалищѣ. «Слава Богу! слава Богу! Цѣль наша достигнута—славяновѣдѣніе водворено въ первопрестольной, а чрезъ нее и въ цѣлой, дастъ Богъ, Россіи»—сказалъ онъ во всеуслышаніе, обнимая и цѣлуя меня при всѣхъ въ моей аудиторіи. Почти полвѣка съ тѣхъ поръ прошло уже, и разумѣется, на такомъ широкомъ пространствѣ не обошлось безъ недоразумѣній. Были они въ памятный 48-й годъ, когда онъ считалъ меня причастнымъ случившемуся въ ту пору крушенію нашего общества исторіи и древностей россійскихъ, косвенно направленному якобы и противъ него; по необыкновенной впечатлительности своей, принялъ онъ эту мнимую обиду горячо къ сердцу, и, поэтому, далъ волю и перу своему карать непризнательнаго, какъ выражался онъ. Но время мало-по-малу разсѣяло его заблужденіе, разубѣдило въ недовѣріи, и онъ съ прежнею, можно сказать, удвоенною расположенностью обратился къ мнимому обидчику. Знаменательнѣе всего это объявилось, когда я, привѣтствуя его отъ имени Общества исторіи и древностей россійскихъ, съ 50-лѣтіемъ его литературной и общественной дѣятельности, столь славно пройденной имъ, выражалъ ему на письмѣ чувства сочленовъ и свои... Прошло нѣсколько времени потомъ, и онъ, явившись ко мнѣ и приподнявъ 1-й томъ своей только что вышедшей въ свѣтъ «Древней русской исторіи до монгольскаго ига, громко прочелъ, стоя предо мною, написанное на ономъ: «многоуважаемому О. М. Бодянскому въ знакъ благодарности за доброе расположеніе и привѣтливое слово (а что пробѣгала черная кошка во время оно, сгинь ея голова!) отъ неизмѣннаго автора». Многіе ли, спрошу, способны къ такому по-

ступку на его мѣстѣ? Не большая ли часть изъ насъ коснѣетъ, разъ отдавшись составленному о братѣ и ближнемъ своемъ мнѣнію и готовы съ нимъ лечь и во гробъ, не взирая ни на какія разубѣжденія въ неосновательности онаго? Однѣ только глубоко благодарныя личности отваживаются на такую побѣду надъ собою: bis vincit, qui se vincit in victoria» [1]).

Начало литературной дѣятельности О. М. Бодянскаго. «Малороссійскія вирши» О. М. Бодянскаго. Участіе его въ «Телескопѣ» Надеждина. Критическая статья О. М. Бодянскаго о «Малороссійскихъ пословицахъ и поговоркахъ, собранныхъ В. Н. С.» Полемика по поводу этой статьи. Критическая статья О. М. Бодянскаго о «Малороссійскихъ повѣстяхъ Грыцька Основьяненка».

Въ 1834 году О. М. Бодянскій окончилъ университетъ [2]) и былъ опредѣленъ учителемъ одной изъ московскихъ гимназій [3]).

Литературная дѣятельность его началась еще въ семинаріи [4]). Покойный проф. А. А. Котляревскій говоритъ по этому поводу: «по свидѣтельству одного школьнаго товарища своего, еще тогда Бодянскій отличался особенною любовью къ упражненіямъ по

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей рос. 1877 г., кн. III. Памяти Погодина, стр. 1—3.

[2]) Кандидатскій дипломъ Бодянскому былъ присужденъ 30 іюня 1834 г. (Рус. Ст. 1879 г. кн. II, стр. 462).

[3]) Сочиненія А. А. Котляревскаго. Т. II, стр. 134.

[4]) Въ студенты О. М. Бодянскій былъ зачисленъ 28 декабря 1831 года.

словесности, играть—въ «комедійныхъ дѣйствіяхъ»—роль Наполеона.' «Малороссійскія пѣсни» Максимовича (М. 1827), въ особенности одушевленное «введеніе» къ нимъ возбудили въ немъ благородную охоту къ занятіямъ языкомъ, исторіей и поэзіей его родины» [4]). Откуда почерпнулъ эти свѣдѣнія А. А. Котляревскій—мы не знаемъ. Но онъ близко стоялъ къ О. М. Бодянскому, и, очень можетъ быть, что свѣдѣнія эти сообщены ему самимъ же Бодянскимъ. Дѣйствительно, мы имѣемъ указаніе на то, что уже съ 1830 года Бодянскій собиралъ въ полтавской губерніи произведенія малорусскаго народнаго творчества [2]). Въ этомъ могло, конечно, сказаться вліяніе изданныхъ М. А. Максимовичемъ «Малороссійскихъ пѣсенъ». Но объяснять исключительно ими охоту Бодянскаго «къ занятіямъ языкомъ, исторіей и поэзіей своей родины» было бы, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ точно. Есть полное основаніе думать, что и воспитаніе О. М. Бодянскаго въ переяславской семинаріи не мало способствовало этому. Мы, по крайней мѣрѣ, видѣли уже и растущій у О. М. Бодянскаго интересъ къ книгѣ и къ своей родинѣ Малороссіи. Почва создавалась постепенно, но чрезвычайно прочно. «Бодянскій, какъ малороссъ, говоритъ проф. Н. Ф. Сумцовъ, сохранилъ украинскія симпатіи въ теченіе всей своей жизни въ сферѣ научнаго изученія украинской старины и народной поэзіи. Для Бодянскаго эти симпатіи были творческой живительной силой» [3]).

Въ семинаріи у О. М. Бодянскаго явилось влеченіе къ творчеству на родномъ языкѣ [4]). Свои литературные опыты началъ онъ со стиховъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Рѣдкій человѣкъ въ то время не писалъ стиховъ, да и въ наше время

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 132.

[2]) *І. М. Бодянскій*. О народной поэзіи славянскихъ племенъ, стр. 136 Примѣчаніе.

[3]) *С. А. Венгеровъ*. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V стр. 65.

[4]) Вирши О. М. Бодянскаго, напечатанныя въ «Молвѣ» 1833 г., помѣчены 1831 г. Подъ «Козацкой пѣсней» стоитъ болѣе точная помѣта «20 мая 1831 г. Переяславль».

литературные опыты начинаются обыкновенно со стихотворений. Въ своихъ «виршахъ» Бодянскій старался выразить мысли и чувства, которыя волновали его на семинарской скамьѣ. Мы увидимъ, что онѣ—тѣ же, съ которыми мы встрѣчались уже отчасти въ письмахъ О. М. Бодянскаго къ отцу.

На сколько намъ извѣстно, первыя литературныя произведенія Бодянскаго появились въ печати въ 1833 году въ 99-мъ номерѣ «Молвы», газеты, издававшей при «Телескопѣ» Надеждина. Указаній на болѣе раннія печатныя произведенія О. М. Бодянскаго у насъ нѣтъ. Первымъ печатнымъ произведеніемъ О. М. Бодянскаго были, такимъ образомъ, «*Малороссійскія вирши*». Ихъ—четыре. Одна изъ нихъ «*До пана здателя Слухивъ*», т. е. до издателя «Молвы» написана, очевидно, въ 1833 году, когда Бодянскій рѣшилъ напечатать свои вирши; три другія носятъ помѣту 1831-мъ годомъ и сочинены О. М. Бодянскимъ еще на семинарской скамьѣ. Это—«*Козацкая пѣсня: Епитафія Богдану Хмельницкому и Сухая ложка (апологъ)*. Въ моментъ ихъ печатанія Бодянскій былъ уже студентомъ московскаго университета. Свое настоящее имя онъ скрылъ подъ псевдонимомъ «*А. Бода-Варвынець*», при чемъ *Бода*, по всей вѣроятности сокращено изъ фамиліи Бодянскій, а *Варвынець* означало жителя мѣстечка Варвы, лохвицкаго уѣзда, полтавской губерніи, откуда, какъ извѣстно, О. М. Бодянскій былъ родомъ.

Литературныя достоинства «Малороссійскихъ виршей» О. М. Бодянскаго—не велики. Стихъ въ нихъ тяжелъ и неуклюжъ: видно, не легко онъ давался автору. Вирши имѣютъ, поэтому, только біографическій интересъ, да еще, пожалуй, со стороны малорусскаго языка, которымъ онѣ написаны. Бодянскій былъ большимъ знатокомъ своего родного языка и, по отзыву спеціалистовъ, писалъ на немъ такъ, какъ писали только немногіе [1]).

Мы перепечатываемъ вирши цѣликомъ. Такъ будетъ виднѣй характеръ поэтическаго творчества О. М. Бодянскаго. Газета «Молва», въ которой вирши напечатаны, составляетъ теперь би-

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 134.

бліографическую рѣдкость, доступную для немногихъ. Даже проф. Н. И. Петровъ въ своихъ «Очеркахъ украинской литературы XIX ст.» не приводитъ ни одной изъ виршей Бодянскаго, напечатанныхъ въ «Молвѣ», а для образца ограничивается только перепечаткой изъ «Молодика» за 1843-ій годъ вирши «Кирилови Розуму» [1]).

Въ 99-мъ номерѣ «Молвы» за 1833-й годъ напечатаны слѣдующія четыре «Малороссійскія вирши» О. М. Бодянскаго:

До пана здателя Слухивъ [2]).

Колы такъ дуже люблятъ Ваши Слухы,
Такъ къ имъ летятъ, якъ отъ до меду мухы:
Мій Батечку! Не пожалѣй папиру—
Пусты си Вирши съ Слухамы по міру:
А ось людьци найдуцьця,
Що, геть, зъ ихъ посмѣюцьця...

А. Бода-Варвынецъ.

Козацкая пѣсня.

(По случаю возстановленія Малороссійскихъ Казацкихъ полковъ, 6 мая 1631 (1831?) года).

Ой нуте, Брацьця! Гей Братынца!
Якъ мога лусомъ за сысынца!
Сѣдлайте коней вороныхъ,
Якъ змінвъ отъ лыхыхъ!
Швыдчій одгострюйте шаблюкы!
По пари пистолетивъ въ рукы!
Козацькы шапкы на бакыръ:
Вже годи кажный буть мутыръ!

---

[1]) *Н. И. Петровъ.* Очерки, стр. 186.

[2]) «Молва» 1833 г., № 99, стр. 393—394. Мы самымъ точнымъ образомъ сохраняемъ правописаніе въ томъ видѣ, какъ вирши напечатаны.

Нумъ бороныты Украйну.
Якъ матирь подобае сыну!
Скорѣй ходимо на Ляхивъ,
Да станемъ быть зусѣхъ шляхивъ!
Ще не забулы мы Богдана,
Козацкого свого Гетьмана,
Якъ зъ військомъ винъ ихъ тормошывъ.
Якъ ихъ, де ни піймавъ, душывъ...
Дамося знать свою уроду:
Всѣхъ къ чорту зъ мосту прямо въ воду!...

20 мая. 1831. Переяславль.

Епитафія Богдану Хмельницкому.

Богдане! Батьку нашъ! ось де ты спать уклався!..
Спы, Тату!... Бо свое ты вже опрацёвавъ...
Спасытель Бигъ! Насъ, дѣтей своихъ ты не цурався!
Да тилькы жаль, що ты не довго пановавъ!..

1831.

Сухая ложка.

(Апологъ).

— «А що, Корнѣю, якъ? Чія бере?
Що Панъ Судьдя тобѣ сокоче»?
«А вже-жъ не що: бачъ вырвы хоче»!
— «Э, дать: сухая ложка ротъ дере»!

1831.

А. Бода-Варвынець.

Первая изъ приведенныхъ выше виршей адресована къ издателю «Молвы» и сопровождала, очевидно, посылку трехъ остальныхъ стихотвореній. Авторъ проситъ у издателя не пожалѣть бумаги, пустить вирши по бѣлому свѣту: авось, можетъ быть, найдутся люди, которые и посмѣются надъ ними.

Вторая вирша написана подъ впечатлѣніемъ указа императора Николая I отъ 6 мая 1831 г. о сформированіи изъ малороссійскихъ козаковъ восьми кавалерійскихъ полковъ [1]). Изъ переписки съ отцомъ мы знаемъ, что указъ этотъ обрадовалъ О. М. Бодянскаго. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на «милость» императора Николая I къ Малороссіи. Объ этой милости онъ немедленно же поспѣшилъ сообщить своему отцу [2]), а чувства свои выразилъ въ виршѣ. Конецъ вирши тоже вполнѣ соотвѣтствовалъ тогдашнему патріотически-воинственному настроенію Бодянскаго, вызванному польскимъ возстаніемъ 1831 года. Въ своемъ патріотическомъ ожесточеніи Бодянскій доходилъ въ это время до того, что въ одномъ изъ писемъ къ отцу, какъ мы уже знаемъ, поляковъ называлъ *подляками* и не безъ удовольствія предсказывалъ истребленіе самого имени поляковъ, находя, что это будетъ «котузи по заслузи» [3]). Такимъ же кровожаднымъ характеромъ отличается и конецъ вирши. Припоминая, что Богданъ Хмельницкій вездѣ, гдѣ только ни ловилъ поляковъ, «душилъ» ихъ, Бодянскій и теперь рекомендуетъ поступить такъ же: «всѣхъ къ чорту зъ мосту прямо въ воду»!

Третья вирша содержитъ эпитафію Хмельницкаго. По какому поводу написана она, мы не знаемъ. Конечно, Бодянскій не видѣлъ могилы Богдана. Вѣроятно, эпитафія явилась слѣдствіемъ знакомства съ личностью гетмана, съ тѣмъ временемъ.

Четвертая вирша чисто-житейскаго характера. Она имѣетъ въ виду, конечно, взяточничество. Мы знаемъ, что Бодянскій, хорошо испыталъ при своихъ хлопотахъ о поступленіи въ Педагогическій институтъ, всю силу взятки. Можетъ быть, это обстоятельство не осталось, между прочимъ, безъ вліянія и на появленіе вирши изъ подъ его пера. «Кто мажетъ, тотъ ѣдетъ скорѣе»

[1]) 2-е П. С. Зак. № 1536.

[2]) Чтенія въ Общ. истор. и древ. 1893 г. кн. III. стр. 56. Переписка Бодянскаго съ отцемъ.

[3]) Переписка Бодянскаго съ отцомъ. Чтенія 1893 г. кн. III. стр. 54.

писалъ онъ въ письмѣ къ отцу, уговаривая его дать взятку инспектору семинаріи [1]): «сухая ложка ротъ дере»—заканчиваетъ онъ свою виршу.

Въ 1832 году О. М. Бодянскимъ написано четверостишіе «Кирилови Розуму», т. е. Кириллу Разумовскому, который, какъ извѣстно, былъ послѣднимъ гетманомъ Малороссіи. Вирша эта выражаетъ собой думы автора на могилѣ послѣдняго гетмана:

«Постій, козаче, не бійки!
Ось глянь на хрестъ! читай, чія могила!
Остатьнёго се гетьмана Кирила!
Присядь же, брате, потужи»!

Стихотвореніе подписано именемъ І. Бодянскаго и помѣчено Москвой 24 апрѣля 1832 года, когда авторъ былъ, значитъ, студентомъ московскаго университета. Оно долго валялось въ рукописи и напечатано было только десятъ лѣтъ спустя, во 2-й части «Молодика» П. Бецкаго за 1843-й годъ [1]).

Мы не думаемъ, чтобы стихотворенія, появившіяся въ печати, составляли единственные стихотворные опыты О. М. Бодянскаго. Скорѣй всего слѣдуетъ предположить, что часть ихъ, можетъ быть, и значительная, такъ и осталась въ рукописи, и затѣмъ затерялась [2]). Примѣръ приведеннаго нами стихотворенія «Кирилови Розуму» показываетъ, что оно находилось у Бодянскаго въ запасѣ, и что онъ не всѣ написанныя стихотворенія сразу же и печаталъ.

Появленіе съ свѣтъ «Малороссійскихъ виршей», равно какъ и критическіе очерки О. М. Бодянскаго объ изданіи малорусскихъ

[1]) Чтенія 1893 г., кн. III. стр. 29.

[2]) Молодикъ на 1843 годъ, украинскій литературный сборникъ, издаваемый П. Бецкимъ, Харьковъ, 1843, ч. II. стр. 128. *Н. И. Петровъ*. Очерки, стр. 186.

[3]) Въ «Охранномъ Каталогѣ» А. А. Титова, М. 1888, вып. 3, на стр. 56 подъ № 2150 указана рукопись, въ четверку, на 62 листахъ подъ названіемъ: „*Стихотворенія* и разныя замѣтки О. М. Бодянскаго“.

пословицъ и о повѣстяхъ Грыцька Основьяненка не были простой случайностью. Они стояли въ тѣсной связи съ тѣмъ возбужденіемъ интереса къ Малороссіи и малорусской литературѣ, которымъ характеризуется начало, да и вообще всѣ 1830-е годы [1]). Самое изданіе «виршей» именно въ «Молвѣ» Надеждина, а статей О. М. Бодянскаго въ «Телескопѣ» не было также случайностью. Надеждинъ былъ однимъ изъ профессоровъ О. М. Бодянскаго, ст большимъ сочувствіемъ относился къ «появленію счастливыхъ опытовъ литературной обработки малороссійскаго нарѣчія» и всегда охотно давалъ мѣсто въ своихъ изданіяхъ статьямъ, писаннымъ въ интересахъ малорусской литературы. «Инымъ, писалъ онъ, напримѣръ, эти опыты кажутся пустою, безполезною забавою. Но я думаю противное. Малороссійское нарѣчіе можетъ также служить къ обогащенію нашего языка. Пусть украинцы знакомятъ насъ съ нимъ въ своихъ поэтическихъ думахъ, въ своихъ добродушныхъ «казькахъ»! Мы имъ должны быть душевно благодарны»! [2]) Такое жъ сочувствіе къ развитію малорусской лит литературы высказывалъ и другой профессоръ О. М. Бодянскаго М. Т. Каченовскій [3]). Мы не говоримъ уже о М. А. Максимовичъ, у котораго, говорятъ, О. М. Бодянскій одно время жилъ, и который всегда съ большимъ вниманіемъ относился къ трудамъ О. М. Бодянскаго по изученію Малороссіи [4]).

Въ «Телескопѣ» Надеждина и въ издававшейся при немъ газеткѣ «Молвѣ» отмѣчались обыкновенно всѣ выдающіяся явленія въ

---

[1]) Объ этомъ см. у *Н. И. Петрова*, Очерки украинской литературы XIX ст. стр. 170 и слѣд. *Проф. Н. П. Дашкевича*. Отзывъ о сочиненіи проф. Петрова въ XXIX присужд. премій Уварова стр. 13 и слѣд., и у *А. Н. Пыпина*. Исторія русской этнографіи. т. I стр. 372 и слѣд. и т. III.

[2]) *А. Н. Пыпинъ*. Исторія рус. этногр. т. I. стр. 260.

[3]) *Н. П. Дашкевичъ* Отзывъ о соч. Н. И. Петрова (Отчетъ о 29 присуж. наградъ Уварова), стр. 43.

[4]) Вѣст. Евр. 1896 г. августъ, стр. 179. См. Письма М. А. Максимовича къ О. М. Бодянскому въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» 1887 г., кн. I.

малорусской литературѣ. Посылая въ «Телескопъ» первую свою критическую статью о малороссійскихъ пословицахъ и поговоркахъ, собранныхъ В. Н. С., Бодянскій писалъ издателю: «поставивъ себѣ долгомъ знакомить, по возможности, читателей Телескопа со всѣмъ, что только есть замѣчательнаго *въ современномъ мірѣ просвѣщенія*, вы, конечно, удѣлите мѣсто въ немъ извѣстіямъ и разборамъ книгъ, относящихся до Украйны, будутъ ли то писаны на туземномъ языкѣ, или на русскомъ. Ближайшее знакомство съ сею Славяно-Русскою Италіею, ея языкомъ и литературою, по многимъ важнымъ причинамъ, для сѣверо-руссовъ теперь совершенно необходимо» [1]). Мы уже знаемъ, что мысль, высказанная здѣсь О. М. Бодянскимъ, вполнѣ совпадала со взглядами самаго же издателя «Телескопа».

Бодянскій очень дѣятельно слѣдилъ за всѣми явленіями малорусской литературы. Въ этомъ отношеніи онъ могъ быть очень полезнымъ сотрудникомъ журнала Надеждина въ качествѣ литературнаго критика малорусскихъ произведеній. Но спеціальныя занятія О. М. Бодянскаго славянскими языками и подготовленіе его къ профессорскому званію, къ которому онъ сталъ стремиться сейчасъ же по окончаніи университета, не позволили ему сдѣлаться журнальнымъ работникомъ. Возвратившись однажды на короткое время въ Москву изъ поѣздки на родину, Бодянскій писалъ издателю Телескопа: «въ Москвѣ узналъ я о выходѣ въ свѣтъ пріятныхъ явленій для украинской литературы: разумѣю: *Первую часть Украинскихъ пѣсенъ, голоса* нѣкоторыхъ изъ нихъ и *Утреннюю Зарю*. Мнѣ сказывали также, что въ одной изъ здѣшнихъ типографій печатаются и *Малороссійскія повѣсти Гр. Основьяненка*. Разборъ третьей изъ сихъ книгъ я уже обѣщалъ вамъ, что и поспѣшу выполнить, какъ скоро возвращусь восвояси: быть можетъ сообщу разборъ и пѣсенъ, если кто другой не предупредитъ меня» [2]). Критическая статья о повѣстяхъ

---

[1]) Телескопъ 1834 г., ч. XXI. Критика, стр. 338.

[2]) Молва, 1834 г. № 33 (Приложеніе къ 22 т. Телескопа), стр. 86—87.

Грыцька Основьяненка была напечатана, но больше статей О. М. Бодянскаго о произведеніяхъ малорусской литературы не появлялось.

Мы переходимъ теперь къ изложенію этихъ статей. На нихъ, равно какъ и на «Паськихъ украинськихъ казкахъ» О. М. Бодянскаго, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Запорозьця Иська Матырынкы, отразился характеръ и направленіе малорусской литературы 1830-хъ годовъ. Любовь къ народности, особый интересъ къ изученію украинской народной словесности, преобладаніе чисто этнографическаго элемента въ произведеніяхъ и, наконецъ, нѣкоторая идеализація украинской старины и народности [1])—все это наложило яркій отпечатокъ на литературную дѣятельность О. М. Бодянскаго въ тѣ годы.

Въ 1834 году въ Харьковѣ была издана небольшая книжечка въ 34 страницы, подъ такимъ заглавіемъ: «Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. Н. С.» [2]) Инициалы, подъ которыми скрылъ свое имя издатель, были скоро, впрочемъ, объяснены И. И. Срезневскимъ. Издателемъ пословицъ и поговорокъ оказался одинъ изъ харьковскихъ обывателей В. Н. Смирницкій [3]). На 34 страницахъ пословицъ и поговорокъ помѣстилось, конечно, немного: расположены онѣ были въ алфавитномъ порядкѣ по начальнымъ буквамъ каждой пословицы, причемъ поговорки не были отдѣлены отъ пословицъ, а помѣщены въ изданіи наряду съ послѣдними. Коротенькое предисловіе издателя гласило слѣдующее: «Желая сохранить отъ забвенія малороссійскія пословицы и по-

[1]) Объ этомъ см. у *Н. П. Дашкевича* цит. сочиненіе въ особенности гл. IV; у *Н. И. Петрова*. Очерки, гл. III и IV и у *А. Н. Пыпина*. Исторія рус. этногр., т. III, введеніе, гл. I и III.

[2]) Малороссійскія пословицы и поговорки. Собранныя *В. Н. С.* Харьковъ. Въ университетской типографіи 1834 года. Предисловіе (ненумерованное, на отдѣльномъ листкѣ)+34 стр.

[3]) Ученыя записки московскаго университета 1834 г. № 4. IV. Смѣсь. Ученыя извѣстія. Взглядъ на памятники украинской народной словесности. Письмо къ профессору И. М. Снегиреву *Измаила Срезневскаго*, стр. 149.

говорки, такъ сильно выражающія характеръ сей націи, я старался собрать и издать ихъ для удовольствія любителей всего отечественнаго. Ежели сей трудъ мой благосклонно будетъ принятъ, то и обязанъ буду издать и продолженіе оныхъ, дополнивъ собраніемъ малороссійскихъ загадокъ и употребляемыхъ при свадьбахъ въ Малороссіи пѣсенъ».

Изданіе это вызвало чрезвычайно рѣзкую статью О. М. Бодянскаго, и дальнѣйшихъ выпусковъ его не появлялось.

Статья Бодянскаго была помѣщена въ 21 части «Телескопа», за 1834 годъ [1]). Она носитъ названіе «письма къ издателю», помѣчена Миргородомъ 3 мая 1834 года и подписана фамиліей *І. Мастака* Этимъ псевдонимомъ О. М. Бодянскій пользовался для нѣкоторыхъ изъ своихъ статей, напечатанныхъ имъ до поѣздки заграницу.

Появленіе «Малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, собранныхъ В. Н. С.» О. М. Бодянскій не считаетъ случайнымъ. «Съ нѣкотораго времени, говоритъ онъ, на нашемъ Русскомъ Югѣ замѣтна особенная литературная дѣятельность». Еще раньше изданія пословицъ вышла въ свѣтъ «Запорожская Старина» Срезневскаго [2]): готовится къ изданію альманахъ «Утренняя Заря», раздѣленный на двѣ книжки, изъ которыхъ одна посвящена словесности великорусской, другая—малорусской [3]): намѣренъ издать свои малороссійскія повѣсти Грыцько Основьяненко [4]). «Далѣе—продолжаетъ О. М. Бодянскій,—слышали мы о скоромъ поступленіи въ печать Украинськыхъ Казокъ какого-то *Запорозьця Изська Матерынкы* [5]). *Г. Гоголь* приступаетъ къ сочиненію Исторіи Малороссійскихъ козаковъ (половина которой, по словамъ его, уже готова) [6]), а г. Максимовичъ къ новому, весьма богатому

---

[1]) Телескопъ, ч. XXI. Отд. IV. Критика, стр. 336—348.

[2]) Запорожская Старина 2 части. Харьковъ 1833—1838.

[3]) Изданъ въ 1834 мъ году.

[4]) Были изданы въ томъ же 1834 году.

[5]) Изсько Матерынка псевдонимъ О. М. Бодянскаго.

[6]) Намѣреніе Гоголя, какъ извѣстно, не было приведено въ исполненіе.

изданію Украинскихъ пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ особенному изданію ихъ голосовъ[1]). Въ заключеніе слышно еще, что одинъ изъ малороссіянъ трудится надъ составленіемъ сравнительной грамматики своего языка съ прочими славянскими языками и такого же словаря[2]). Кто же теперь скажетъ, что Южная Русь коснѣетъ на пути просвѣщенія, небрежетъ о своей національной словесности»?

Отмѣтивъ главнѣйшія явленія въ малорусской литературѣ послѣдняго времени, О. М. Бодянскій особенно подчеркиваетъ въ нихъ отсутствіе подражанія и стремленіе къ разработкѣ «богатыхъ самородныхъ, своеземныхъ рудниковъ *національнаго*». «Поучителенъ ходъ сей юной словесности, говоритъ онъ: она начинаетъ съ того, къ чему другіе, израсходовавъ попапрасно нѣсколько десятковъ лѣтъ на безполезное, вредное подражаніе, теперь лишь только обращаются: она начинаетъ разработкою богатыхъ самородныхъ, своеземныхъ рудниковъ *національнаго*. Одна часть ея зиждителей посвящаетъ свои труды собранію, объясненію и изданію всего *народнаго*, заботясь сколько можно сдѣлать оное доступнымъ всѣмъ и каждому; другая посвящаетъ свое время на знакомство съ прочими славянскими языками и ихъ литературою, изучаетъ оные и, такимъ образомъ, старается уяснить для себя то отношеніе, въ какомъ должна находиться ихъ собственная словесность и языкъ къ прочимъ, родственнымъ съ нимъ, языкамъ славянскимъ». Подъ послѣдними дѣятелями, или, какъ онъ выражается, зиждителями малорусской литературы Бодянскій, очевидно, разумѣетъ, главнымъ образомъ, самого себя. Въ 1834 году онъ окончилъ университетъ и тогда же началъ заниматься изученіемъ славянскихъ нарѣчій.

Бодянскій не сразу переходитъ къ разбору пословицъ, изданныхъ Смирницкимъ, а дѣлаетъ предварительно нѣсколько за-

[1]) Вышли въ свѣтъ 1834 году подъ заглавіемъ «Украинскія народныя пѣсни, изданныя Михаиломъ Максимовичемъ».

[2]) А. Н. Пыпинъ, судя по тогдашнему составу малорусскихъ литературныхъ силъ, полагаетъ, что этимъ «однимъ изъ малороссіянъ» могъ быть самъ О. М. Бодянскій. Изданіе малороссійской грамматики не осуществилось (Исторія рус. этнографіи т. III. стр. 109).

мѣчаній по поводу «Запорожской Старины» Срезневскаго: упрекаетъ издателя въ недостаткѣ отчетливости и въ небрежности при изданіи памятниковъ народнаго творчества, указываетъ на невѣрность его взглядовъ и сужденій. Обо всемъ этомъ Бодянскій, впрочемъ, говоритъ вкратцѣ, не приводя доказательствъ. Болѣе интересны здѣсь замѣчанія Бодянскаго относительно малорусскаго правописанія. О. М. Бодянскій не соглашался ни съ способомъ правописанія малорусскихъ словъ, предложеннымъ М. А. Максимовичемъ при первомъ изданіи его «Малороссійскихъ пѣсенъ»[1], ни съ правописаніемъ Срезневскаго[2]. Послѣднее не

[1]) Предисловіе это перепечатано въ «Собраніи сочиненій М. А. Максимовича», т. II, стр. 439—452. О правописаніи см. стр. 447—452.

[2]) Срезневскій (Запорожская Старина. Ч. 1-я, стр. 22—24) такимъ образомъ объяснялъ свое правописаніе:

1. Согласныя буквы я пишу, всегда слѣдуя выговору народному, исключая буквъ ф и хв. Украинцы выговариваютъ *ф*, какъ *хв*, а *хв*, какъ *ф*.

2. Полугласныя буквы также пишутся по выговору, исключая одинъ случай, когда должно показать корень, напр. въ словѣ вiйсько (войско) *й* не выговаривается, но его должно писать, ибо не видно будетъ происхожденія слова; *ъ* въ семъ словѣ хотя и не нуженъ по происхожденію, но его требуетъ выговоръ.

3. Гласныя буквы. Между ними различить должно твердыя отъ мягкихъ:

Твердыя: *а*, *е*, *и*, *ы*, *о*, *у*.
Мягкія *я*, *є*, *і*, *ї*, *й*, *ї*, *ю*.

Твердыя: *а*, *о*, *у*—выговариваются и употребляются какъ и въ русскомъ языкѣ; *е*, употребляясь такъ же, какъ и въ русскомъ языкѣ, выговаривается твердо, какъ русское *э*, или французское *è*; *и*, *ы*—употребляются тамъ же, гдѣ и по-русски, но выговариваются иначе, обѣ какъ польское или богемское *y*, т. е. немного мягче русскаго *ы*, имѣя срединный звукъ между русскимъ *ы* и *э*.

Мягкія вообще выговариваются, какъ и по русски, съ тою разницею, что предъ каждою изъ нихъ слышится полугласная *ь*, напр. люди, какъ льюди; ѣхать по укр. *й*хати, выговор. ьихати. Буквы: *я*, *є*, *ю*—употрябляются тамъ-же, гдѣ по-русски; буквы: *є*, *й*—тамъ-же,

только не лучше правописанія Максимовича, но «по сбивчивости, запутанности и недомолвкамъ въ правилахъ, далеко ниже онаго». «Мое мнѣніе, говоритъ Бодянскій: писать какъ говорятъ, съ малыми, впрочемъ, исключеніями, ибо безъ исключеній нельзя обойтись ни въ какой системѣ. Таковымъ я считаю употребленіе буквы *ѣ:* ее не слѣдуетъ исключать изъ письма малороссійскаго: она всегда занимала въ немъ свое мѣсто, выговариваясь и прежде и теперь совсѣмъ иначе, нежели какъ произносятъ ее великороссіяне: именно малороссіяне въ разговорѣ, въ свѣтскихъ, духовныхъ сочиненіяхъ и книгахъ св. писанія произносили и произносятъ оную какъ *и*. Къ сему придайте еще два-три исключенія: и вотъ вамъ вся система правописанія естественнаго, простаго, всѣмъ доступнаго и потому самаго удобнаго!»... [1])

Послѣ этихъ замѣчаній Бодянскій обращается уже къ обзору малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, собранныхъ и изданныхъ В. Н. Смирницкимъ.

«Всякому извѣстна важность и достоинство пословицъ—говоритъ онъ. Это вѣчно-юная, живая, *ходячая*, такъ сказать, философія народа; зеркало его жизни; заповѣдь старца, посѣдѣвшаго въ школѣ опыта; результатъ замѣчаній человѣческаго рода, сдѣланныхъ имъ въ продолженіе всего своего существованія. Нѣтъ народа, который бы не имѣлъ у себя своихъ пословицъ. Онѣ суть единственный памятникъ, единственная лѣтопись тѣхъ изъ народовъ, кои почему-либо не оставили о себѣ никакихъ другихъ свидѣтельствъ. По нимъ очень возможно составить намъ приблизительно вѣрное понятіе о такомъ народѣ. Стоитъ только позаботиться собрать эту краткую, но истинную исторію его—и онъ уже не навсегда потерянъ для насъ. Тоже слѣдуетъ сказать и о языкѣ такого народа: сохраните, по крайней мѣрѣ, для по-

гдѣ твердыя *с, н* выговариваются мягко: *с, н* гдѣ коренная буква измѣнилась въ звукъ мягкаго *и*.

Изъ твердыхъ гласныхъ буквъ слѣдующія: *е, і, а, ы* выговариваются мягко, если предъ ними стоитъ другая гласная буква».

[1]) Телескопъ кн. XXI. Критика, стр. 340—341.

томства пословицы: онѣ, по своей краткости, самыя удобныя для того. Пѣсни, сказки, легенды и другія преданія, гораздо больше хлопотъ представляютъ собою»...

Всѣ славянскіе народы богаты пословицами, и у всѣхъ уже имѣются болѣе или менѣе значительныя ихъ собранія. Только малороссы составляли въ этомъ отношеніи исключеніе, если не считать небольшого количества пословицъ, приложенныхъ при грамматикѣ Павловскаго и при книгѣ Снегирева «Русскіе въ своихъ пословицахъ». Нельзя не одобрить, поэтому, намѣренія В. Н. С. издать пословицы. Выполнено только это изданіе неудачно. «Это ли трудъ?—спрашиваетъ Бодянскій. Такъ ли слѣдуетъ приниматься за пословицы? Въ такомъ ли видѣ нужно представлять оныя публикѣ?.. Зайдите въ любую *хату* малороссіянина, скажите ему о своемъ желаніи собрать пословицы: увѣряю васъ, что вы отъ него выйдете несравненно съ большимъ запасомъ оныхъ. Что же, если бы обойти, такимъ образомъ, нѣсколько *хатъ*, цѣлое селеніе?»... Для кого изданы эти пословицы? Ни малороссовъ, ни русскихъ онъ удовлетворить не могутъ. Каждый малороссъ знаетъ пословицъ больше, чѣмъ содержится въ собраніи В. Н. С.; кромѣ того издатель часто погрѣшаетъ противъ языка, передаетъ пословицы не въ томъ видѣ, какъ онѣ обыкновенно употребляются. Не могутъ изданныя В. Н. С. пословицы быть интересными и для русскихъ: для послѣднихъ необходимъ переводъ, поясненія, словарь къ пословицамъ; между тѣмъ ничего этого нѣтъ. Къ этому нужно прибавить еще, что въ изданіи В. Н. С. пословицы не отдѣлены отъ поговорокъ.

«По нашему мнѣнію—прибавляетъ О. М. Бодянскій,—пословицы теперь слѣдуетъ разсматривать не въ азбучномъ порядкѣ, довольствоваться не просто однимъ только сборомъ ихъ: напротивъ, должно разбирать и объяснять оныя критически: расположить или по матеріи, или по времени появленія (хронологически), или, наконецъ, по отношенію къ исторіи народа и его быта; сверхъ того, гдѣ нужно будетъ, указать сходство, подобіе, переводъ, заимствованіе у другихъ; особенно же показать, въ какомъ отношеніи находятся разсматриваемыя пословицы къ пословицамъ

народовъ, происшедшихъ отъ одного и того же корня: напр., какъ относятся малороссійскія пословицы къ пословицамъ великороссіянъ, полякоянъ, богемцевъ, сербовъ и др.? Тутъ могутъ встрѣтиться весьма любопытные, важные результаты, какъ вообще для исторіи народа, такъ и въ частности для его языка и филологіи».

Статья О. М. Бодянскаго повела къ очень любопытной полемикѣ его съ издателемъ малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ. Въ № 29 газеты «Молва» за 1834 годъ, издававшейся при томъ же «Телескопѣ» Надеждина, въ отдѣлѣ корреспонденцій было помѣщено «Письмо отъ издателя малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ» [1]), въ которомъ В. Н. С. дѣлалъ цѣлый рядъ возраженій и объясненій по поводу статьи О. М. Бодянскаго. Послѣдній отвѣчалъ своему оппоненту довольно длинной статьей, помѣщенной въ 33-мъ номерѣ той же «Молвы» и носившей заглавіе «Отвѣтъ г. В. Н. С. (письмо къ издателю)» [2]). Мы постараемся изложить сущность этой полемики, такъ какъ въ ней ярко обрисовываются взгляды Бодянскаго на собираніе, изученіе и изданіе памятниковъ народнаго творчества. Нужно имѣть при этомъ въ виду, что есть свѣдѣніе, идущее отъ самого же Бодянскаго, будто ему возражалъ не столько Смирницкій, сколько И. И. Срезневскій [3]), который, по всей вѣроятности, и побудилъ Смирницкаго издать свои пословицы и одобрилъ изданіе въ томъ видѣ, какъ оно увидѣло свѣтъ.

Возражая на статью Бодянскаго, Смирницкій отмѣчалъ ея рѣзкость и подчеркивалъ, что цѣль изданія имъ пословицъ была

---

[1]) Молва 1834 г. № 29 (Приложеніе къ 22 книгѣ «Телескопа») стр. 28—36.

[2]) Молва 1834 г. № 33 (Приложеніе къ 22 кн. «Телескопа») стр. 88—99.

[3]) Въ письмѣ къ А. М. Лазаревскому (Кіев. Ст., т. 27, стр. 448) О. М. Бодянскій говоритъ, что свѣдѣнія о Смирницкомъ можетъ сообщить ему (А. М. Лазаревскому) Измаилъ Ивановичъ (Срезневскій), «вступавшійся за него въ перебранкѣ со мной, по поводу разбора, написаннаго тогда мною въ Телескопѣ. Такъ, по крайности, говорилъ мнѣ въ ту пору издатель Телескопа».

одна только—сохранить ихъ отъ забвенія. Его собраніе пословицъ, дѣйствительно, бѣдно; но собирать пословицы вовсе не такъ легко, какъ думаетъ Мастакъ-Бодянскій. Трудно побѣдить народную гордость, трудно увѣрить малороссовъ въ томъ, что пословицы собираются не для того, чтобы посмѣяться надъ ними. «Я слышалъ, говоритъ Смирницкій, объ одномъ собирателѣ пѣсенъ и пословицъ малороссійскихъ Р. Р. Ш., вѣка Екатерины: онъ всю жизнь свою посвятилъ на свой трудъ, пренебрегая всѣмъ, лишь бы достигнуть желаемаго; передѣвался въ мужицкое платье; бродилъ по сельскимъ ярмаркамъ; игралъ роль чумака, пилъ и буянилъ въ шинкахъ; гулялъ на вечерницахъ,—и только такимъ образомъ могъ побѣдить самолюбіе народа, только при такихъ условіяхъ могъ подвинуться къ цѣли своей. А намъ говорятъ: только попроси—и будетъ!» [1])

Бодянскій защищалъ рѣзкость своей статьи. «Когда—писалъ онъ—литература какого-нибудь народа или приведеніе въ извѣстность и разработка ея памятниковъ начинаетъ свое поприще, то, по моему мнѣнію, должно какъ можно быть построже, повзыскательнѣе къ произведеніямъ, являющимся въ этомъ періодѣ ея жизни. Мы видѣли и видимъ на опытѣ, что снисхожденіе въ такомъ положеніи вещей гораздо убійственнѣе. Такъ, много ли выиграла русская словесность отъ фиміама, такъ нещадно, *во время оно,* воскурявшагося Сумарокову, Петрову, Княжнину, Хераскову, или въ наши дни такъ называемымъ псевдо-романтикамъ и др.? Злое слѣдуетъ искоренять въ началѣ, не давая ему усиливаться, или говоря нашею же пословицею: «*Бый по головѣ гадыну, щобъ не гадыла*» [2])...

Продолжая называть собраніе пословицъ, изданное Смирницкимъ, бѣднымъ, Бодянскій снова повторяетъ, что издатель мало затратилъ труда. Пословицы собирать куда легче, чѣмъ пѣсни и сказки. «Послѣднія требуютъ особеннаго, нарочитаго на то времени; нужно выждать его, улучить случай, расположеніе къ пѣ-

---

[1]) Молва 1894 г., № 29, стр. 30—32.

[2]) Молва 1834 г., № 33, стр. 88.

нію или разсказу, быть при обрядахъ или празднествахъ, на коихъ поются приличныя имъ пѣсни, и то *любыя:* много, много потребуется, чтобы скопить сколько нибудь пѣсенъ... Не такъ въ отношеніи къ собиранію пословицъ. Одно названіе ихъ показываетъ уже ихъ назначеніе, время и мѣсто употребленія: стóитъ только прислушиваться, быть внимательнымъ къ разговору народа, не упускать ни одного случая даромъ: ибо простолюдинъ весьма часто, безъ всякаго другаго намѣренія, отнюдь не думая *щеголять*, выражается пословицами, но именно потому, что онъ иначе какъ бы не въ силахъ выразиться, что они отъ частаго, долгаго употребленія, сдѣлались обыкновенными обиходными его мѣстами, составляютъ, такъ сказать, *насущный* его *хлѣбъ*. Очень многіе сами не знаютъ, что они въ томъ или иномъ случаѣ выразились пословицею, а не обычнымъ разговорнымъ терминомъ.— Что же касается до намѣреннаго выспрашиванія малороссіянъ о пословицахъ, конечно, вы встрѣтите, на первый разъ, со стороны ихъ нѣкотораго рода нерасположенность къ услугѣ, недовѣрчивость, происходящія болѣе всего изъ опасенія подвергнуться осмѣянію, ибо малороссіянинъ отъ природы очень щекотливъ на счетъ этого, не любитъ и не хочетъ быть чьею быто ни было игрушкою: все это правда: но и то правда, что такое расположеніе духа не навсегда отстается въ немъ. Одинъ только незнакомый съ характеромъ и нравами украинцевъ можетъ не имѣть успѣха въ своемъ предпріятіи. Ибо многіе ли изъ насъ и въ обыкновенной жизни рѣшаются по первому вызову разсказать то или другое? Тѣмъ болѣе слѣдуетъ сказать это о простолюдинѣ, и при томъ украинцѣ. Тутъ необходимо ваше вспоможеніе: напр., пуститесь съ нимъ въ разговоръ о его бытѣ, жизни, занятіяхъ, сельскихъ работахъ и под.: далѣе, заведите съ нимъ рѣчь о *прошедшихъ дняхъ*, лучше всего, о *старинѣ*, преданіяхъ праотцевъ и дѣдовъ, о томъ,

Якъ вѣчной памяти бувало
У насъ въ Гетьманьщынѣ колы-сь—

заговорите объ этомъ предметѣ, самомъ интересномъ, самомъ занимательномъ для него, къ коему всегда вы найдете въ сердцѣ его живое сочувствіе, вѣрный отзывъ: тогда-то вы увидите, что

этотъ тяжелый, молчаливый, этотъ несловоохотливый украинецъ въ мигъ преобразится, мало-по-малу станетъ открывать вамъ свои думы, свои мысли и надежды: онъ *разбалакается*: остается вамъ слушать, да *подбирать*... Не знаю, кто-то весьма справедливо замѣтилъ слѣдующее: «какъ русскій весь для настоящаго, такъ малороссіянинъ есть человѣкъ *прошедшаго времени*. Хотите ли его ласки, его дружбы: не испугайте его излишнею навязчивостью— онъ недовѣрчивъ; польстите его козачеству--онъ гордъ *бывалымъ*»... Тогда вы не услышите отъ него этихъ, во всякомъ другомъ обстоятельствѣ, могущихъ словъ: «*не можно, не скажу* (не знаю)»! Вотъ что я разумѣлъ, совѣтуя посѣтить любую хату малороссіянина для собиранія пословицъ... Говорю по собственному опыту [1])—прибавляетъ въ заключеніе Бодянскій.

Смирницкій возражалъ далѣе Бодянскому по поводу указанныхъ послѣднимъ ошибокъ противъ малорусскаго языка. «Не довѣряя самъ себѣ, говоритъ онъ, я просилъ знатоковъ малороссійскаго языка [2]), пересмотрѣть и исправить всѣ погрѣшности. Да и какія же погрѣшности отыскалъ Мастакъ (Бодянскій) въ моей тетрадкѣ?—*Баче*, *наваре*, *ходе*, *хвале*, *блуде*, *ступе*—вѣроятно, вмѣсто: бачить, наварить, ходить, хвалить, блудить, ступить.— Ужели г. Мастаку неизвѣстно, что почти всѣ малороссійскіе глаголы имѣютъ двойственное окончаніе на *е* и *ить*, что это обнаруживаетъ этнологическое богатство языка, что эта двойственность окончанія чрезвычайно важна для историческаго изслѣдованія при сравненіи его съ богемскимъ, польскимъ и вообще со всею западною отраслью славянскихъ языковъ, что постояннаго правила сихъ окончаній нѣтъ и быть не можетъ, пока литераторъ не установитъ сіе употребленіе образцовыми сочиненіями, если только суждено языку украинскому процвѣсти на поприщѣ литературы, этому языку—замѣчу мимоходомъ—богатѣйшему изъ всѣхъ славянскихъ языковъ» [3]).

[1]) Молва 1834 г., № 33, стр. 89—91.

[2]) Въ числѣ ихъ былъ, вѣроятно, и И. И. Срезневскій.

[3]) Молва 1834 г., № 29, стр. 33.

На это Мастакъ-Бодянскій отвѣчалъ слѣдующее: «Да, м. г., это мнѣ, по крайней мѣрѣ, столько же извѣстно, сколько и вамъ: но не знаю, однимъ ли вамъ съ вашими знатоками малор. яз. неизвѣстно то правило, наблюдаемое всѣми украинцами, твердо владѣющими своимъ языкомъ, по которому глаголы, кончающіеся въ 3-мъ лицѣ един. числа наст. врем. на *еть* оканчиваютъ оное лице другимъ еще образомъ на *е*, а тѣ, въ коихъ предъ *е* стоитъ гласная *а* или *я* имѣютъ окончаніе третьимъ образомъ на сіи гласныя? Ни одинъ изъ настоящихъ украинцевъ не скажетъ *баче, ходе, ступе* и пр. потому же, почему онъ не говоритъ: *шуме, дуре, свьте, мурме, човгане* и т. п.; напротивъ, какъ тѣ, такъ и другіе всегда оканчиваетъ на *ить—бачыть, ходыть, ступыть, хвалыть, блудыть, шумыть, дурыть, човганыть* и пр. Отсюда исключаются только весьма немногіе глаголы, допускающіе это двоякое окончаніе, и то съ такимъ притомъ изъятіемъ, что когда они показываютъ дѣйствіе учащательно—*скорое*, то 3-е лицо имѣютъ на *ить*, а когда означаютъ учащательно—*протяжное*—на *еть, е*, напр., *буркочу, реючу, мурмочу, торючу, свыщу* и нѣк. друг. *реючыть*, (скоро хохочетъ), *реюче, реючеть* (протяжно, продолжительно хохочетъ), *свыстыть*, (скоро, шибко свиститъ), *свыще, свыщеть* (протяжно свиститъ) и т. д. Вникните, м. г., въ это: знатоки же ваши вѣрно съ намѣреніями подшутили надъ вами; не то—*однымъ мыромъ мазаны*.—Далѣе: неужели намъ должно выжидать того времени, пока литераторы укажутъ своими образцовыми сочиненіями, какъ и гдѣ оканчивать тотъ или другой глаголъ? Развѣ они смѣютъ измѣнять окончаніе языка по произволу? Развѣ они не обязаны въ этомъ случаѣ слѣдовать народу, если хотятъ, чтобы онъ понималъ и цѣнилъ ихъ? Да и что такое грамматическія правила, какъ не результатъ наблюденій и замѣчаній, сдѣланныхъ надъ какимъ-нибудь языкомъ? Еще: развѣ намъ нужно для того, чтобы исторически изслѣдовать, сравнить малоросс. яз. съ западными славянскими языками, развѣ непремѣнно нужно сиаровлять его съ ними во всемъ, насильно уродовать, подпимать на этимоло-

гическія дыбы? Мало ли и безъ того имѣетъ онъ точекъ соприкосновенія съ тѣми языками» [1]).

Въ дальнѣйшихъ своихъ возраженіяхъ Бодянскій настаиваетъ все-таки на томъ, что издатель не долженъ былъ ограничиваться азбучнымъ порядкомъ при распредѣленіи пословицъ, но долженъ былъ, по своему разумѣнію, отдѣлить пословицы отъ поговорокъ и загадокъ; разсмотрѣть ихъ съ исторической точки зрѣнія. Смирницкій допускалъ возможность филологическаго и этнографическаго объясненія, но рѣшительно отрицалъ возможность историческаго объясненія, считая его невозможнымъ «въ настоящемъ положеніи украинскихъ народностей». «Назначить каждой пословицѣ и поговоркѣ время ея появленія,—писалъ онъ—есть дѣло мечты и шарлатанства, а не истинной любви къ народностямъ» [2]). Бодянскій не соглашался съ нимъ. Объяснить происхожденіе каждой пословицы, конечно, невозможно. Этого никто и не требуетъ. «Сдѣлайте возможное: поясните, по крайности, тѣ изъ нихъ, которыя, такъ сказать, подвертывается подъ руку; поясните ихъ для малознакомыхъ съ Малороссіей и ея исторіею»... Хронологическое разсмотрѣніе пословицъ Бодянскій не только не считаетъ «дѣломъ мечты и шарлатанства», но видитъ въ немъ существенную пользу; въ отрицаніи же его видитъ «жалкое невѣжество въ исторіи и древностяхъ украинскихъ» [3]). Онъ признаетъ необходимость сообщать при пословицахъ варіанты, но зато не видитъ особаго проку въ обозначеніи мѣстъ, гдѣ каждая пословица употребляется. Для этого пришлось бы переписать всѣ поселенія Украины. «Поясните только тѣ пословицы, поговорки и загадки, говоритъ онъ, кои исключительно принадлежатъ какой-нибудь части или частицѣ Малороссіи, составляютъ ея особенность, или только тамъ въ употребленіи [4])»... Бодянскій, наконецъ, продолжалъ настаивать на необходимости словаря и объ-

[1]) Молва 1834 г., № 33, стр. 92—93.
[2]) Молва 1834 г., № 29, стр. 34.
[3]) Молва 1834 г. № 33 стр. 97.
[4]) Молва 1834 № 33 стр. 98—99.

ясненій къ пословицамъ, а также на необходимости сопоставлять малорусскія пословицы съ русскими. По его мнѣнію, это «совсѣмъ не вредъ или шарлатанство: напротивъ, чрезъ это открывается, какъ два народа, происшедшіе отъ одного и того же корня, выражаютъ одну и ту же идею, какъ они смотрятъ на одинъ и тотъ же предметъ, на одно и тоже событіе: въ чемъ разница, въ чемъ сходство»? [1])

Полемика съ Смирницкимъ, если дѣйствительно, правда, что за нимъ стоялъ Срезневскій, пріобрѣтаетъ для насъ особый интересъ, если принять во вниманіе, что оба будущіе знаменитые слависты въ то время дѣятельно занимались изученіемъ и собираніемъ памятниковъ народнаго творчества. Боролись, такимъ образомъ, два взгляда на это дѣло. Положенія, которыя защищалъ Бодянскій въ этой полемикѣ были слѣдующія: нужно какъ можно больше собирать памятниковъ, собирать ихъ очень осторожно и выпускать въ свѣтъ не иначе, какъ съ научными объясненіями, научной группировкой и изученіемъ. Бодянскій находилъ необходимымъ также сравнительное изученіе памятниковъ народнаго творчества. Путь, который онъ рекомендовалъ при изданіи памятниковъ, требовалъ предварительно большой кропотливой работы. Въ смыслѣ научной обработки ихъ онъ, конечно, былъ единственно-возможнымъ; что же касается собиранія матеріаловъ и ихъ изданія, то путь этотъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, имѣлъ одинъ существенный недостатокъ—страшно тормозилъ дѣло. Если бы собиратели памятниковъ народнаго творчества слѣдовали указаніямъ въ этомъ случаѣ О. М. Бодянскаго, то смѣло можно сказать, что большинство памятниковъ успѣло бы погибнуть, прежде чѣмъ труды собирателей ихъ увидѣли бы свѣтъ. Наука отъ этого только бы потеряла. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить самъ же О. М. Бодянскій. Въ концѣ 1850-хъ годовъ у него было больше 1500 пословицъ, совсѣмъ готовыхъ къ печати, но онъ все перѣшался выпустить ихъ въ свѣтъ, пополнялъ новыми. «Лучше поздно, чѣмъ плохо и скоро»—гово-

[1]) Молва 1834 г. № 33 стр. 96—97.

рилъ онъ. Наука такъ и не дождалась отъ него этихъ пословицъ; а когда Бодянскій умеръ, они погибли вмѣстѣ съ другими его бумагами. Мало того: когда А. М. Лазаревскій, тогда еще студентъ петербурскаго университета, задумалъ издать собранныя имъ пословицы, Бодянскій своими замѣчаніями остановилъ его намѣреніе. «Возможная полнота и вѣрность подобнаго рода вещей, писалъ онъ А. М. Лазаревскому, первое достоинство изданія ихъ, а это достигается исподволь, временемъ да временемъ. Знайте, что народныя произведенія никогда не теряютъ своего вѣса. Я не раскаиваюсь, что по сю пору не выдалъ еще ни пѣсенъ, ни пословицъ: когда подумаю, въ какомъ бы видѣ явилось и то и другое 10-ть лѣтъ тому назадъ, и въ какомъ теперь—слава тѣ, Христе! Конечно, жизнь человѣческая, яко цвѣтъ польный; но жывый жыве й гадае» [1]). А. М. Лазаревскій такъ и не издалъ своихъ пословицъ.

Мы видѣли выше, что О. М. Бодянскій съ большимъ интересомъ относился къ литературному движенію, происходившему въ его время въ Малороссіи. Онъ слѣдилъ внимательно за всѣми явленіями малорусской литературы и имѣлъ свѣдѣнія о замышлявшихся литературныхъ предпріятіяхъ. Въ началѣ 1834 года онъ зналъ, напримѣръ, что Грыцько Основьяненко намѣренъ «издать *незабаромъ своеи роботы* Малороссійскія Повѣсти» [2]). И съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода ихъ въ свѣтъ [3]). Нѣтъ ничего, поэтому, удивительнаго, что появленіе въ печати «Малорусскихъ повѣстей, разсказываемыхъ Грыцькомъ Основъяненкомъ» [4]) дало О. М. Бодянскому поводъ написать въ «Ученыхъ Запискахъ московскаго университета» критическую статью [5]), въ которой

---

[1]) Кіев. Стар. 1889 г., т. 27, стр. 447—448.

[2]) Телескопъ 1834 г., т. XXI, стр. 337.

[3]) Ученые Записки Москов. универс. 1834 г. № 5 стр. 290.

[4]) «Малороссійскія повѣсти, разсказываемыя Грыцькомъ Основьяненкомъ. Книжка первая. Москва, въ тип. Лазаревыхъ Института Восточн. языковъ. 1834 г. 380 стр.

[5]) Ученыя Записки москов. университ. 1834 г. № 5. Критика, стр. 287—313.

онъ высказалъ нѣсколько интересныхъ соображеній и мнѣній по поводу развитія малорусской литературы. Статья снова подписана фамиліей І. Мастака, а эпиграфомъ поставлена характерная нѣмецкая пословица: «eigner Heerd ist Goldes Werth»—«своя хата лучше чужихъ палатъ». Этой пословицей опредѣлялся основной смыслъ статьи О. М. Бодянскаго, который придавалъ большое значеніе литературѣ на родномъ языкѣ.

Малороссы, говорилъ онъ, богаты по части поэзіи, но до появленія повѣстей Грыцька Основьяненка, т. е., значитъ, до 1834 года, они не имѣли ни одного почти произведенія, чисто литературнаго, писаннаго прозою на малорусскомъ языкѣ. «Самое старшее, по времени, изъ прозаическихъ произведеній ихъ, это: *Кроныка* зъ лѣтописцовъ стародавныхъ Ѳеодосія Софоновича, игумена михайловскаго златоверхаго монастыря въ Кіевѣ 1672—1681 года. Далѣе слѣдуютъ нѣкоторыя актовыя и п. с. бумаги: уцѣлѣло также нѣсколько писемъ Мазепы къ несчастной дочери Кочубея: языкъ въ нихъ перемѣшанъ съ полонизмами. Въ наше время нѣкоторые изъ малороссіянъ пытали слегка свои силы въ прозѣ. Успѣшнѣе всѣхъ былъ опытъ ветерана малороссійскихъ поэтовъ И. П. Котляревскаго, автора перелицёванной Энеиды: жаль только, что до сихъ поръ его прекрасная опера: Наталка Полтавка еще не издана [1]). Языкъ въ ней чистый, настоящій украинскій, такой, какимъ говорятъ въ губерніи полтавской, центрѣ Малороссіи: его можно поставить въ образецъ puritatis legitimae. Г. Павловскій, написавшій въ 1818 г. грамматику малороссійскаго нарѣчія (весьма поверхностно), приложилъ къ ней нѣсколько коротенькихъ примѣровъ на малороссійское сочиненіе, и въ томъ числѣ небольшой отрывокъ изъ исторіи нѣкотораго малороссіянина (стр. 90—93), довольно правильно написанный. Еще имѣется маленькое посланіе (писулька) г. Гулака-Артемовскаго (автора Твердовського) до того, который що Божого мѣсяця украинського гоньця по всѣхъ усюдахъ розсылае (къ г. Филомоонтскому, ре-

---

[1]) Впервые «Наталка Полтавка» напечатана въ 1838 г. въ «Украинскомъ Сборникѣ» И. И. Срезневскаго.

дактору бывшаго Украинскаго Вѣстника), служащее предисловіемъ къ его сказкѣ: «Солопій та Хивря, або горохъ при дорозѣ». Сочинитель комедій: «Дворянскіе выборы и Шельменко» показалъ большую ловкость въ языкѣ малороссійскомъ: въ нихъ цѣлыя явленія писаны симъ языкомъ. Вотъ вся извѣстная намъ проза малороссіянъ по текущій (1834 г.) годъ»—говоритъ О. М. Бодянскій. Онъ, впрочемъ, совершенно игнорируетъ при этомъ оперу-водевиль Шаховскаго: «Козакъ-Стихотворецъ», какъ написанную изуродованнымъ малороссійскимъ языкомъ, равно и пьесу, помѣщенную въ Московскомъ Телеграфѣ за 1831-й годъ, о которой, по его мнѣнію, и говорить не стоитъ [1]).

Отмѣчая всеобщее направленіе и стремленіе къ народности, Бодянскій указываетъ на то, что и малороссы очень дѣятельно принялись за собираніе и приведеніе въ извѣстность своихъ сказаній, какъ то показываютъ труды Максимовича, Срезневскаго и другихъ—въ Россіи, Вацлава зъ Олеська, Левицкаго и Лозинскаго—въ Галиціи. Все это, говоритъ онъ, пробуждаетъ пріятную надежду, что «Украина, эта колыбель Руси, со временемъ, мало-по-малу сдѣлается извѣстнѣе ученому свѣту: ея языкъ и богатая народная поэзія займутъ надлежащее мѣсто въ системѣ славянскихъ народовъ. Въ разсужденіи поэтическихъ произведеній, конечно, ее ожидаетъ теплый уголокъ, принимая слово поэзія въ истинномъ его значеніи—за полное проявленіе духа народнаго въ области изящнаго, выраженнаго языкомъ боговъ, какъ говорили древніе. Но относительно прозы Украина весьма бѣдна, какъ мы видѣли. Нельзя думать, чтобы языкъ ея не годился для прозы: не доставало только удачной, счастливой, блистательной попытки для возбужденія общаго вниманія къ себѣ своихъ соотечественниковъ и увлеченія другихъ за собою». Недостатокъ этотъ теперь, съ появленіемъ повѣстей Грыцька Основьяненка восполняется. Примѣръ Основьяненка показываетъ, что, «малороссіяне, при надлежащемъ стараніи и образованномъ вкусѣ, могутъ, по времени, и въ семъ отношеніи, отстоять себѣ ученое

---

[1]) Ученыя Записки Москов. универ. 1834 г. № 5, стр. 287—289.

мѣстцо, могутъ, если захотятъ, не ударить лицемъ въ грязь, могутъ создать свою прозу. Матеріаловъ бездна; была бы только охота, да умѣнье; за потребителями также не ходить въ лѣсъ» [1]).

Мы не будемъ останавливаться на разборѣ собственно повѣстей Основьяненка, содержаніе которыхъ Бодянскій излагаетъ очень обстоятельно, [2]) при чемъ указываетъ цѣлый рядъ погрѣшностей противъ малорусскаго языка [3]) и правописанія [4]). Основьяненко старался вездѣ писать слова такъ, какъ они произносятся, и Бодянскій находилъ это «и проще, и естественнѣе, и удобнѣе» [5]). Общее заключеніе О. М. Бодянскаго о повѣстяхъ Основьяненка чрезвычайно благопріятно: «хвала пану Грыцьку, говоритъ онъ, первому такъ смѣло и такъ живописно ворвавшемуся на лихомъ украинскомъ конѣ въ область нынѣ всѣми любимаго повѣствовательнаго рода, первому рѣшившемуся разсказать на родномъ языкѣ, oratione soluta, нѣсколько былей изъ народнаго быта». Бодянскій надѣется, что Основьяненко будетъ имѣть послѣдователей и боится только одного, чтобы у него не было подражателей [6]).

Основьяненко, какъ извѣстно, вводитъ въ свои повѣсти описаніе обычаевъ малороссовъ. Обычаи эти, замѣчаетъ Бодянскій, нѣкоторымъ могутъ показаться странными, какъ и вообще всѣ обычаи малороссовъ: «но это ихъ differentia specifica, ручательство, что украинцы жили и живутъ жизнью самобытною, своенародною... що жъ робыть, колы такъ наша личь пече—характеризують сами себя малороссіяне». Описывать обычаи—хорошо, не нужно только утрировать эти описанія—таково мнѣніе Бодянскаго [7]).

[1]) Ученыя Записки москов. унив. 1834, № 5, стр. 289—290,
[2]) Тамъ-же стр. 291—307.
[3]) Тамъ-же стр. 309—310.
[4]) Тамъ-же стр. 310.
[5]) Тамъ-же, стр. 310.
[6]) Тамъ-же, стр. 307—308.
[7]) Тамъ-же, стр. 311—312.

Дѣлая свои замѣчанія по поводу перваго тома повѣстей Основьяненка, Бодянскій надѣялся, что во второмъ томѣ не встрѣтится уже неровностей: «все, говоритъ онъ, будетъ стройно, гладко, естественно, *изящно*, какъ изящна природа Украйны, гдѣ «небо весьма тихо есть и лихаго повѣтрія не слыхать, не видать,—ея народность, сама Украйна въ *цѣломъ* и *особенностяхъ*, гдѣ нѣтъ шагу безъ памятника, времени безъ событія, мѣста безъ картины, живого существа безъ рѣзко проведенной черты на его обликѣ, характеристическаго отличія въ своихъ помыслахъ, желаніяхъ и поступкахъ; гдѣ вы утонете въ мірѣ музыкальныхъ звуковъ, національныхъ напѣвовъ, національной поэзіи на языкѣ благозвучномъ, мелодическомъ, которая очаруетъ, заколдуетъ васъ, наполнитъ сладкимъ забвеніемъ ваше сердце, пробудитъ въ головѣ вашей свѣтлыя думы, быстро перенесетъ въ завѣтное *прошедшее* съ его живо говорящими образами, и напослѣдокъ остановитъ васъ надъ *настоящимъ*, не менѣе занимательнымъ, *интереснымъ*, хоть и своими развалинами, остановитъ—и заставитъ *призадуматься*»... [1])

Въ такой поэтической тирадѣ О. М. Бодянскій выражалъ свое тогдашнее увлеченіе родиной своей—Малороссіей. Въ этомъ увлеченіи была, конечно, значительная доля идеализаціи. Малороссія рисовалась Бодянскому въ слишкомъ розовыхъ, поэтическихъ краскахъ. Всѣмъ она была, по его мнѣнію, интересна: своей природой, языкомъ, поэзіей, своимъ прошедшимъ и настоящимъ. Все въ ней было свое, самобытное, особенное... Эта идеализація Малороссіи, какъ уже замѣчено выше, была характерна для того времени. Приведенныя выше заключительныя слова О. М. Бодянскаго въ его статьѣ о повѣстяхъ Основьяненка напоминаютъ собой лирическія, напр., отступленія Гоголя въ его малороссійскихъ повѣстяхъ и статьяхъ о Малороссіи...

Но не въ этомъ, конечно, значеніе критическихъ статей О. М. Бодянскаго. Въ нихъ онъ выдвигалъ рядъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ и такъ или иначе высказывался по нимъ. Мало-

---

[1]) Ученыя Зап. Москов. Унив. 1834. № 5. стр. 312—313.

русскій языкъ и богатая народная поэзія малороссовъ должны занять по мнѣнію его, надлежащее мѣсто въ системѣ славянскихъ народовъ [1]). Въ отношеніи поэзіи Малороссію ожидаетъ теплый уголокъ, но нельзя думать, чтобы языкъ ея не годился и для прозы: малороссы, при надлежащемъ стараніи, могутъ отстоять себѣ «ученое мѣстце» и создать свою прозу [2]). Что касается правописанія малорусскаго языка, то Бодянскій думалъ, что нужно писать такъ, какъ говорятъ [3]). Отъ литературы онъ требовалъ, чтобы она была не подражательной, а самобытной, народной и особенно поддерживалъ новое направленіе въ малорусской литературѣ, которая «начинаетъ разработкою богатыхъ самородныхъ, своеземныхъ рудниковъ *національныхъ*» [4]). Этнографическій элементъ въ литературныхъ произведеніяхъ, т. е. описаніе напр., нравовъ, обычаевъ, О. М. Бодянскій допускалъ, съ тѣмъ только, чтобы въ этомъ отношеніи не было злоупотребленій. Описанія должны быть художественны, безъ утрировокъ и не должны занимать особенно много мѣста въ литературныхъ произведеніяхъ [5]).

Таковы были требованія, которыя предъявлялъ О. М. Бодянскій къ малорусской художественной литературѣ.

Вѣрный духу времени, когда многіе брались за художественныя произведенія, вскорѣ онъ и самъ попробовалъ свои силы на этомъ поприщѣ...

---

[1]) Ученыя Зап. Москов. у-та 1834, № 5, стр. 290.

[2]) Тамъ же.

[3]) Телескопъ 1834 г. т. XXI. стр. 341.

[4]) Телескопъ 1834 г., т. XXI. Критика, стр. 337

[5]) Ученыя Зап. Москов. у-та 1834 г., № 5. Критика, стр. 311—312.

IV.

Наськы украинськы казкы запорозьця Иська Матырынкы. Отзывы о нихъ В. Г. Бѣлинскаго и Н. И. Костомарова. Собираніе О. М. Бодянскимъ памятниковъ народнаго творчества. Занятія О. М. Бодянскаго малорусскимъ языкомъ. Статья его: «Разсмотрѣніе различныхъ мнѣній о древнемъ языкѣ сѣверныхъ и южныхъ руссовъ».

Въ 1835 году въ Москвѣ, въ университетской типографіи, была напечатана небольшая, въ 16-ю долю листа и въ 47 страницъ, книжечка, подъ такимъ заглавіемъ: «*Наськы украинськы казкы запорозьця Иська Матырынкы*». О предстоявшемъ выходѣ ея въ свѣтъ, какъ мы уже знаемъ, говорилъ въ одной изъ своихъ статей О. М. Бодянскій [1]). Появленіе этой книги не было, значитъ, неожиданностью.

Эпиграфомъ къ *казкамъ* избрано двустишіе:

«Якъ у насъ, якъ у насъ—пѣсьни да казкы:
Послухайте, добры люде, зъ вашои ласкы»...

Книжечка посвящена «Матери моій ридненькій, неньцѣ старенькій, коханій, любій Украинѣ». Написанное по-малорусски предисловіе носитъ подпись иниціалами *І. Б.* и помѣчено: «М. Варва 1834 г.». Къ предисловію сдѣланы *примѣчанія корректора*, но уже на языкѣ русскомъ.

Авторомъ этой книжечки былъ О. М. Бодянскій [2]).

---

[1]) Телескопъ 1834 г. часть XXI. Критика, стр. 337.

[2]) *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской этнографіи, т. III, стр. 108. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 546, прим. 179.

Предисловіе къ *казкамъ* составлено такимъ образомъ, какъ будто бы оно выражаетъ собой мысли варвинскаго головы Леська Таранухи, высказанныя имъ въ бесѣдѣ съ кумомъ своимъ—выборнымъ по поводу прочитанныхъ головою казокъ Иська Матырынкы. Горячей любовью къ родинѣ проникнуты всѣ мысли Леська Таранухи. Вспоминая вольное, безпечное запорожское житье, варвинскій голова спрашиваетъ:... «А мы-жъ, мы? Що робымо мы теперъ, дома й на господѣ? Що мовять про насъ наши внучята? «Дѣды наши,—скажуть воны,—сыдѣлы собѣ, да тилькы гавы ловылы»!.. «Оттакъ! За всѣ головы!.. Хыба жъ, оце, наша неня Украина такъ зъ глузду зсунулась, що вже ни метельыци не потаньцюе, ни козачька зъ парубкомъ не прогарцюе? Ой ни, пане куме, вона хоча й старенька, да все такы ще геть-то моторненька... А дѣты іи? Хыба й воны зледащилы? Хыба воны забулы, якъ колы-сь весело бурлаковалы, хвацько козаковалы, въ Крыму й на Дону чумаковалы? Хыба мы й доси ще не згадуемо свого Батька Богдана.

Якъ Польщу винъ, колы-сь, трощывъ,
Де ни піймавъ Ляхивъ—душывъ?

Якъ наши козаченькы всюды залицялысь: въ Волощынѣ, Турещынѣ, Нѣмещынѣ, Крыму, на Сынимъ морѣ и по тимъ боцѣ моря, якъ тіи свѣтлыи соколонькы просвѣщалысь?—Або й теперъ, хыба вжебъ то мы перевчылыся воёваты? Дарма, що въ тій пѣсынѣ спѣвають:

Да вже шабли заржавѣлы,
Мушкеты—безъ куркивъ...

Слухай, що далѣ?

«А ще серце козацькее
Не боицьця Туркивъ»!..

Бачь? Не боицьця Туркивъ! Да не тилькы Туркивъ, й самого найстаршого чорта. Пане-брате!.. Або, хыба такы мы не хороше

жывемо? А де, лышень, знайдешъ, ты такіи розмаитьни пѣсьни, що тилькы зачуешъ, такъ серце тобѣ ходоромъ й заходыть затлѣе, замлѣе, серденька просыть... Такую хлѣбъ-силь, такыхъ дѣвонёкъ й парубятъ? Де, на свѣтѣ, такъ балакають? Нибы въ ротъ тобѣ кожне слово кладуть. Де стилькы казокъ, прыказокъ, загадокъ и всякои всячыны?.. Я вже мовчу про нашу землю, про наши поля, сады, лугы, степы, рѣчкы, про наше збѣжьжя... Що й доси нихто не схаменецьця, не гляне да не подывыцьця на сее? Мій Боже, Боже! Чымъ же мы прошкодылысь? Хыба-жъ-то вже у насъ душа зъ лопуцька, не хоче того, чого й людьська?.. Ни! ни! Въ гостяхъ добре, якъ то кажуть, а дома—ще лучьче... Чы може, хочете дождацьця, щобъ якый врагъ нетруженый нашою батькивщыною пожывывся? Насъ же да нашымъ же добромъ почастовавъ? Улизъ у солому да ще й шелыстыть? А, здаецьця, незабаромъ тее буде. Бо, що-сь, не передъ добромъ, якъ я бачу, сякы-такы, немазаны хвертыкы шляюцьця частесенько уже промижъ намы. Глядить лышень, щобъ воны зъ нашого жъ хворосту да не загнулы намъ якои чуденнои карлючкы! Отъ-то-то буде сорому-сорому, за всѣ головы сорому [1])»!.. Къ этому мѣсту предисловія «корректоръ» сдѣлалъ такого рода примѣчаніе: «Сими словами панъ Голова намѣкаетъ на нерадѣніе своихъ соотечественниковъ къ собранію и изданію Украинскихъ народностей (sic). Сѣтованіе его, конечно, не безъ основанія; ибо легко можетъ случиться, что и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ земляхъ, кто-нибудь изъ постороннихъ предупредитъ ихъ на семъ поприщѣ [2])»...

Наськы украинськы казкы не записаны прямо изъ устъ народа, а являются только стихотворной передѣлкой народныхъ сюжетовъ. На нихъ мы должны смотрѣть, поэтому, какъ на произведеніе литературно-художественное, не больше. Хотя въ предисловіи къ нимъ и говорится о собираніи памятниковъ народнаго творчества и выражается опасеніе, что кто-нибудь изъ иноземцевъ, а не малороссовъ займется этимъ, но это не даетъ еще

---

[1]) Наськы украинськы казкы, стр. IX—XIII.

[2]) Тамъ-же, стр. XIII—XIV.

намъ права считать, какъ дѣлаетъ это Н. И. Петровъ [1]), *казки* своеобразной записью произведеній народнаго творчества, при которой допускалось исправленіе, передѣлка народной рѣчи, вставки въ народный разсказъ и переработка его сообразно вкусамъ лица, его записавшаго. Это противорѣчило бы взглядамъ и требованіямъ О. М. Бодянскаго, предъявлявшимся имъ къ собирателямъ памятниковъ народнаго творчества. Мы знакомы уже съ его требованіями въ этомъ отношеніи и знаемъ, какъ сурово онъ отнесся къ Смирницкому, когда тотъ допустилъ нѣкоторыя неточности и неполноту при изданіи малорусскихъ пословицъ.

Литературно-художественное достоинство *казокъ* очень невелико. Поэтическаго дарованія у О. М. Бодянскаго, очевидно, не было никакого: стихъ часто у него вымученъ, рифма уродлива, образы искусственны и порой неуклюжи. Творческая фантазія, видимо, работала туго и съ большимъ трудомъ. Чтобы не быть голословными, возьмемъ для примѣра такой отрывокъ изъ *«казки про дурня да ёго коня»*. Отрывокъ этотъ выбранъ нами прямо-таки наудачу.

Давно день къ вечору звернувъ.
Отъ ничь покрыла всѣ дорогы:
На небѣ мѣсяць, отъ, ныршувъ...
Отъ выставывъ зъ-за хмары рогы...
Зиркы, те й дѣло, що юлять:
Покажуцьця, та въ хмары впять:
Не мовъ бы вамъ у самимъ дѣлѣ,
Дразнылы тѣхъ, що на весильлѣ:
Якъ мѣсяць—тежъ и молоды—
Сюды-туды воны заглянуть;
Якъ зиронькы,—тежъ й дѣвонькы—
То защебечуть, перестануть,
То впять почнуть, то впять мовчять [2]).

---

[1]) *Н. И. Петровъ.* Очерки исторіи украинской литературы XIX стол., стр. 186.

[2]) Наськы казкы, стр. 25—26.

Если художественная сторона *казокъ* слаба: если стихотворная передѣлка народныхъ сюжетовъ лишила ихъ чисто народнаго колорита, то все же *казки* имѣютъ свое достоинство и значеніе. Онѣ написаны безукоризненнымъ малорусскимъ языкомъ, какимъ, по отзыву покойнаго А. А. Котляревскаго, писали только немногіе [1]), и притомъ написаны авторомъ, который хорошо былъ знакомъ съ малорусскимъ бытомъ. По крайней мѣрѣ, Н. И. Костомаровъ въ «Молодикѣ» 1844 года признавалъ за Иськомъ Матырынкомъ не только знатока малороссійскаго языка, но и «знатока малороссійской народности [2])».

Сюжетъ, даже самая фабула *казокъ* заимствованы О. М. Бодянскимъ у народа. Это было довольно обыкновеннымъ явленіемъ въ тогдашней литературѣ. «Малороссійскія повѣсти» Гоголя тоже, вѣдь, цѣликомъ построены на народныхъ преданіяхъ и разсказахъ. Хотя Бодянскій довольно близко придерживается въ своемъ изложеніи народныхъ сказокъ [3]), но было бы ошибочно думать, что въ *Казкахъ Иськи Матырынкы* мы имѣемъ дѣло съ простымъ пересказомъ ихъ въ стихотворной формѣ. Авторъ внесъ туда немалую долю и своихъ наблюденій надъ жизнью народною. Описаніе сада въ первой *казкѣ*, съ перечисленіемъ цѣлаго ряда обычныхъ и любимыхъ въ Малороссіи ра-

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 134.

[2]) Молодикъ на 1844-й годъ, украинскій литературный сборникъ, издаваемый И. Бецкимъ. Харьковъ 1834 г. Науки и матеріалы, стр. 184.

[3]) Н. И. Петровъ говоритъ по этому поводу: «Сказки Бодянскаго (числомъ три) всѣ заимствованы изъ народныхъ устъ, и основное содержаніе ихъ воспроизводится въ записанныхъ въ позднѣйшее время народныхъ малорусскихъ сказкахъ въ изданіяхъ Рудченка, Драгоманова и др. Такъ напр. «Казка про царивъ садъ, да живую супилочку» напечатана у Рудченка (Южно-русскія народныя сказки» вып. I, стр. 150—151); «Казка про дурня, да его коня срибна шерстынка, золота шерстынка» и «Казка про малесенького Ивася, змію, дочку іи Олесю та заднихъ гусенятъ»—въ сборникѣ «Малорускихъ народныхъ преданій и разсказовъ» Драгоманова, 1876 г. (Стр. 262—267 и 353—355). —Очерки, стр. 186.

стеній: времяпрепровожденіе царя въ саду; описаніе затѣмъ во второй *казкѣ* деревенскаго лѣтняго вечера и ночи; дѣтскихъ игръ и забавъ въ третьей *казкѣ*; описаніе, наконецъ, свадьбы съ чисто-народными свадебными пѣснями—все это вполнѣ можетъ служить оправданіемъ словъ Костомарова о Бодянскомъ, какъ знатокѣ малорусской народности. *Казки* Бодянскаго являются произведеніемъ малорусской литературы не по одному только тому, что онѣ написаны на чистомъ малорусскомъ языкѣ, но и еще потому, что онѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ воспроизводятъ малорусскую жизнь съ ея особенностями. Съ этой точки зрѣнія они вполнѣ народны.

Для характеристики литературной дѣятельности О. М. Бодянскаго это послѣднее обстоятельство имѣетъ особое значеніе.

Мы уже знаемъ, что Бодянскій съ особымъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдилъ и говорилъ о современномъ ему «всеобщемъ направленіи и стремленіи къ народности» [1]) и указывалъ на то преимущество, въ которомъ, по его мнѣнію, находилась малорусская литература сравнительно съ другими: она избѣгла безполезнаго и вреднаго подражанія и начинала «разработкою богатыхъ самородныхъ своеземныхъ рудниковъ *національнаго*» [2]). *Наськы украинськы казкы* являлись, такимъ образомъ, какъ бы практическимъ осуществленіемъ тѣхъ требованій, которыя Бодянскій предъявлялъ къ малорусской литературѣ. Но допуская въ литературѣ описаніе нравовъ, обычаевъ, образа жизни народнаго, Бодянскій требовалъ, чтобы авторъ не загромождалъ ими своего произведенія. Въ этомъ отношеніи онъ дѣлалъ, напримѣръ, упрекъ Грыцьку Основьяненку за его повѣсть «Маруся», гдѣ авторъ часто отвлекается въ сторону и говоритъ «со всею подробностью о всемъ томъ, что только малѣйшее имѣетъ отношеніе къ его предмету» [3]). *Казки* не страдаютъ этимъ недостаткомъ. Вставки съ этнографическимъ характеромъ не загромождаютъ ихъ, не от-

[1]) Ученыя Зап. москов. у-та. 1834 г., № 5, стр. 289.

[2]) Телескопъ 1834 г. кн. XXI, стр. 337.

[3]) Ученыя Записки москов. у-та 1834 г. № 5, стр. 301.

личаются случайностью, а вполнѣ на своемъ мѣстѣ. По своему характеру, онѣ нѣсколько напоминаютъ намъ подобныя же вставки въ «Энеидѣ» Котляревскаго. Послѣдняя высоко цѣнилась Бодянскимъ [1]), и, конечно, не осталась безъ вліянія на его литературное развитіе.

Имѣли ли *Казкы Иська Матырынкы* значеніе въ исторіи развитія малорусской литературы [2])?

Думаемъ, нѣтъ. Слишкомъ незначительны онѣ по содержанію, слишкомъ онѣ нехудожественны для того, чтобы произвести впечатлѣніе и служить толчкомъ къ разработкѣ литературныхъ сюжетовъ въ томъ направленіи, какому слѣдовалъ О. М. Бодянскій въ своихъ *казкахъ*. Новаго, оригинальнаго онѣ изъ себя ничего не представляли. Послѣ выхода ихъ въ свѣтъ въ № 27—30 «Молвы» за 1835 г. появилась небольшая замѣтка объ нихъ В. Г. Бѣлинскаго. Послѣдній былъ университетскимъ товарищемъ Бодянскаго и товарищемъ по сотрудничеству въ «Телескопѣ». Замѣтка Бѣлинскаго о *казкахъ*—въ нѣсколько строкъ и чрезвычайно сдержана. *Казкы*, говоритъ онъ, отличаются «самымъ чистымъ малороссійскимъ языкомъ, который совершенно недоступенъ для насъ, москалей, и потому лишаетъ насъ возможности оцѣнить его по достоинству. Мы слышали, что это произведеніе есть плодъ отдыха человѣка, посвятившаго себя занятію науками, и напи-

[1]) Тамъ-же стр. 288. Кіев. Ст. 1903 г. январь, стр. 56.

[2]) *Наськы украинськы казкы* въ Россіи были изданы одинъ разъ въ 1835-мъ году. Правда, въ своихъ «Очеркахъ» (стр. 186) Н. И. Петровъ «по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ» заявлялъ о приготовленіи второго изданія казокъ; но оно не выходило въ свѣтъ. Недавно, ко дню 25-лѣтія со дня смерти Бодянскаго, *казки* вышли новымъ изданіемъ въ Галиціи, подъ редакціей д-ра Франка. Въ Галиціи они составляютъ ч. 49—50 «Литературно-науковой библіотеки», издаваемой подъ редакціей В. Гнатюка. Полное заглавіе ихъ такое: «Тексти й поясненя вибраних творів Української й иньших літератур.—II Осип Бодянский.—Наські Українські казки запорожця Іська Матиринки. Видав і пояснив Др. Іван Франко. У Львові, 1903». Стр. 88, въ 16 д.

сано безъ всякихъ авторскихъ претензій, какъ-то доказываетъ приложенный къ нему эпиграфъ:

«Якъ у насъ, якъ у насъ—пѣсьни да казкы:
Послухайте, добры люде, зъ вашои ласкы»...

Есть, наконецъ, усердное и посильное приношеніе своей родинѣ, какъ-то свидѣтельствуетъ простое, но поэтическое посвященіе: «Матери моій рідненькій, неньцѣ старенькій, коханій, любій Украинѣ» [1]. Еще неопредѣленнѣе и безцвѣтнѣе былъ отзывъ о *Казкахъ Иська Матырынкы* Іереміи Галки, т. е. Н. И. Костомарова, въ «Молодикѣ» на 1844-й годъ. «Въ 1833-мъ году, читаемъ мы въ этомъ отзывѣ, напечатаны были *Наськй Украинськй казки Запорожия Иська Материнки*, маленькая книжечка, гдѣ помѣщены три малороссійскія сказки въ стихахъ: первая *Сопілка*, замѣчательная по своему поэтическому содержанію; вторая-*про дурня та єго коня*, общая всѣмъ славянскимъ племенамъ; третья-*про Ивася та змію, та дочку іи Олесю*, одна изъ любимыхъ малороссіянами. Всѣ эти сказки достойны вниманія и показываютъ въ авторѣ знатока малороссійской народности и языка» [2]. Вотъ и весь отзывъ. «Теперь намъ нечего дѣлать, писалъ въ 1857 году П. А. Кулишъ—съ сочиненіями Иська Материнки. (Бодянскаго). Іереміи Галки. Амвросія Могилы (Метлинскаго), хотя въ нихъ и можно, порывшись, найти 5—6 стиховъ, близкихъ къ поэзіи, а иногда вѣрную черту народныхъ нравовъ или преданіе отжившей старины» [3]. Кулишъ, думаемъ, рѣзче только высказывалъ то, чего не договаривали или не желали договаривать Бѣлинскій и Костомаровъ...

[1] Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ редакціей *С. А. Венгерова*, т. II, стр. 160.

[2] Молодикъ на 1844 г. Украинскій литературный сборникъ, издаваемый П. Бецкимъ. Харьковъ 1843 г. Наука и матеріалы стр. 184.

[3] Рус. Вѣст. 1857 г. кн. XII, «Взглядъ на малороссійскую словесность по случаю выхода въ свѣтъ книги «Народни Оповидання Марка Вовчка» (Цитата взята у Н. П. Петрова. Очерки. стр. 7).

Несмотря на все это, историкъ малороссійской литературы не можетъ обойти молчаніемъ «*Наськихъ украинськихъ казокъ*», и правъ, кажется намъ, проф. Н. И. Петровъ, говоря что *казки* Бодянскаго «имѣютъ немаловажное историческое значеніе, какъ для уразумѣнія и оцѣнки нравственнаго характера О. М. Бодянскаго и его учено-исторической дѣятельности, такъ и для уясненія исторической связи между явленіями украинской литературы» [1]. Пусть это неудачная попытка переработки народныхъ сюжетовъ въ художественно-литературную форму; все-же она чрезвычайно интересна и характерна для своего времени. Она — не случайное явленіе, разсчитанное на спекуляцію. Она — результатъ извѣстныхъ воззрѣній ея автора. Въ появленіи въ печати *Казокъ* сказалась и любовь къ родинѣ, и вѣра въ ея духовное развитіе, и желаніе, по мѣрѣ силъ, способствовать этому развитію. Не нужно забывать, что въ то время, когда появились *Казки*, малорусская литература только что зарождалась, искала для себя путей, прокладывала ихъ. Въ этомъ смыслѣ *Казки* тоже имѣютъ свое значеніе, какъ характерный образчикъ того начальнаго періода малорусской литературѣ, когда идея народности стала завоевывать себѣ все большее и большее мѣсто. Мы уже знаемъ, что О. М. Бодянскій былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ и проповѣдниковъ ея...

Прежде чѣмъ заняться изложеніемъ содержанія *Казокъ*, мы позволимъ себѣ привести характеристику малорусскаго правописанія ихъ, сдѣланную д-ромъ Иваномъ Франко [2]. При этой характеристикѣ г. Франко исходитъ изъ правописанія, принятаго въ настоящее время въ Галиціи, но отъ этого, конечно, сущность дѣла не измѣняется.

Правописаніе, по мнѣнію д-ра Франко, принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ особенностей *Наськихъ украинськихъ казокъ*. «Принимая во вниманіе, говоритъ онъ, что книжечка приготовлена къ изданію, безъ сомнѣнія, самимъ Бодянскимъ, нужно думать, что и привописаніе ея — вполнѣ его соб-

[1]) *Н. И. Петровъ.* Очерки, стр. 187.

[2]) Наські українські казки. У Львові 1903, стр. 22 - 25.

ственное; отсюда книжечка пріобрѣтаетъ для насъ значеніе въ нѣкоторомъ родѣ историческаго документа, такъ какъ даетъ возможность узнать взгляды Бодянскаго на звуки и формы украинскаго слова. Правописаніе Бодянскаго лишено послѣдовательности: но въ основѣ своей оно является фонетическимъ и приспособлено къ людямъ, которые привыкли читать по-русски. Украинское *и* Бодянскій передаетъ буквою *ы*, а украинское *і*—буквою *и* или передъ гласною—буквою *і*. Такимъ образомъ мы читаемъ: дывысь, трохы, хыбажъ, лышень, вбывъ; винъ, хлопци, нигде, мижъ, своимы, шабли, Туркивъ, своеи. Уже здѣсь, на почвѣ различія звуковъ *і* и *ї* (ji и ьї), начинается непослѣдовательность Бодянскаго. Смягченное или іотированое *і* онъ передаетъ различно: одинъ разъ буквою *и* или *і*: нигде (нїгде), шабли (шаблї), весильля (весїлля), своеи (своєї), моій (моїй), чудасія (чудасія): другой разъ—буквою *ѣ*: въ школѣ, въ куцьцѣ (въ кучцї) свѣтъ (світ), на господѣ, дѣды, всѣ, дѣти, на морѣ, въ пѣсьнѣ спѣваютъ. Но та же самая буква *ѣ* служитъ для передачи и другихъ звуковъ, напр., несмягченнаго остраго і: тѣ (ті), тѣжъ, собѣ, вѣе, грѣе, царевъ, на печѣ, къ батьковѣ; одинъ разъ она служитъ, должно быть, для передачи звука *е*: вѣдьмидь (ведмідь; можетъ быть, спрашиваетъ д-ръ Франко, на мѣстномъ говорѣ відьмідь?) Звуки *е* и *є* переданы одной буквою *е*: *е* только въ началѣ слова пишется э: іотированное о (jo) передается буквою ё: ёго, сёго, ёму, всёго. Къ оригинальностямъ стихосложенія Бодянскаго слѣдуетъ отнести полугласное *'о*, которое обыкновенно слѣдуетъ за гласной и образуетъ съ ней одинъ слогъ, напр., ни óдного —читай нї вдно́го, за 'обценькы (за-вбценьки); но также одинъ-'одынъ (чит. одинъ-вдинъ). *Г* Бодянскій всегда читаетъ по-украински, а не какъ русское *г* (=лат. *g*); для *г* (*g*) нѣтъ особаго знака, хотя въ словахъ дзыгъ-дзыгъ *г* нужно выговаривать, какъ *g*, такъ какъ этого, требуетъ рифма съ словомъ «языкъ», стоящимъ выше. Оригинально пишетъ Бодянскій также слово ось-ось: вмѣсто такого удвоенія слова, онъ вездѣ употребляетъ форму осё-сь. Очень чутокъ нашъ авторъ къ смягченіямъ и употребляетъ *ь* даже въ такихъ случаяхъ, когда позднѣйшіе фонетики считали его лишнимъ.

Мы постоянно, такимъ, образомъ, читаемъ: весильля, въ куцыцѣ (въ кучці), недѣльля, летаньня, вивьци, щебетаньня, потаньцюе, въ пѣсьнѣ, збѣжьжя, людьська, лучьче, чередьню, на супильці, розмаитьни, зьзикрадецьця, оцьци, Запорозьця, затрясься, въ печатьню и т. д. Интересно также, что Бодянскій вмѣсто вставочнаго (епентетичнаго) *л* (подивлюся, тямлять) любитъ употреблять *н*: зтямняцьця, памнять, мнята. Зато уже не отъ правописанія Бодянскаго, а отъ говора его зависитъ то, что онъ постоянно употребляетъ наськы, украинськы, люды добры, батьковы хлопци, а также кры вмѣсто край—крій...

Нужно замѣтить, добавляетъ въ заключеніе д-ръ Франко, что кой-гдѣ Бодянскій, должно быть, во время печатанія, измѣнилъ свое правописаніе и въ «опечаткахъ» исправилъ такія слова, какъ «царевѣ», «пановѣ», «отцевѣ» на «цареви», «панови», «отцеви»; зато не поправилъ нѣсколькихъ опечатокъ тамъ, гдѣ вмѣсто *ы* употреблено *и* (галицкое *і*), напр. въ предисловіи «залицялысь», «проходить»; или гдѣ вмѣсто *и* стоитъ *ы* (помырковавшы, перстынь)».

Перейдемъ теперь къ изложенію самихъ *Казокъ*.

Ихъ три. Первая—*Казка про царивъ садъ, да живую сунилочку*. Эпиграфомъ къ ней Бодянскій поставилъ двѣ пословицы «лучьче свое латане, нижъ чужее хватане» и «чуже добро бокомъ вылѣзе»...

Жилъ царь съ царицей. У нихъ долго не было дѣтей. Стали они горевать, а затѣмъ спросили знахарей, неужели же у нихъ никогда дѣтей не будетъ? Знахари утѣшили ихъ, предсказали, что у нихъ родится три сына: но правды при этомъ не скрыли: изъ сыновей два будутъ умные, а третій—дурень. Такъ и случилось. Дѣти росли не по днямъ, а по часамъ:

Ще вчора кожный бувъ хлопя.
Сёгодни глянь—хорошый парубя.

Выросли дѣти. Изъ старшихъ каждый то забавляется охотой, а то

. . . . . зъ дѣвчатамы пустуе
Умѣстѣ зъ нымы пѣсьни тие.

На досвѣткахъ загадкы гне.
Младшій же, дурень,
Крейдою маглюе.
Знай, конькы все на печѣ,
Або изъ жыта робыть греблю,
Або, котятъ, вамъ, товчучы,
Якъ зъ неба вгрѣецьця объ землю!..

У царя былъ красивый, хорошо убранный садъ, которымъ онъ больше всего хвастался. Бодянскій такъ описываетъ его:

Тамъ яблука рослы и глывы,
И Шпанськы ягоды, и слывы,
И хвыгы, виноградъ, орѣхъ,
И опельсыны, и калына:
Черемха, дули и малына:
Та хто ихъ въ Бога счыслыть всѣхъ?
Поричкы, агрусъ и суныця,
И вышни трыдцяты сортивъ,
Шовковыця и полуныця:
А скилькы всюды тѣхъ цвѣтивъ!
Кануперъ, мнята и пагидкы,
И крученыи панычи:
Зинзиверъ, царськіи боридкы,
Що розцвѣтають у ночи,
Оксамытъ, пѣвныкы, любыстокъ,
Нечосы—панночкы цвѣлы,
Биждерево и козій лыстыкъ,
Зъ барвинкомъ слався по землѣ;
Тамъ красовався чорнобрывець,
Жовтогарячый рисъ гвоздыкъ,
Цвѣтъ Королёвый—горделывець,
Бузокъ и чоловѣчій вѣкъ:
Пивонія и конвалія,
Троянда, рута и шевлія:
А пташокъ, пташокъ на гилькахъ!

Мій Божоньку!—поглянуть страхъ!
На 'одному чыжъ, щыголь спѣвають.
Тамъ соловейко голосыть:
Тутъ канарейка верещыть,
А тамъ гракы свою кругляють!
Угору жайворонокъ вьецьця,
Ось орлыця по мылимъ бьецьця.
Тутъ пугачь и зъ своимъ—пугу!
А тамычкы бугай—бугу!...
Зозуля жалибно ковае,
По грядкамъ пава похожае...

Въ садъ никто не ходилъ, кромѣ царя, который время отъ времени водилъ гулять туда и царицу.

Тоди, бувало, ростелють
Якъ снѣгъ той бѣлу скатерныцю,
Сёго, того имъ прынесуть
(Свою щобъ пидкрѣпыты душку):
Сметаны, пирожкивъ, яець,
И меду золотый корець,
Родзынкивъ, ягидъ на закуску.

Послѣ закуски, царь обыкновенно отдыхалъ, положивши голову на колѣни царицѣ, а та

Платочокъ въ бѣлы рукы взявъ,
Нымъ мухъ одъ ёго одганяла,
Або ёму головку ськяла.

Все шло хорошо. Вдругъ въ саду появился кабанъ и сталъ немилосердно портить деревья. Сколько ни объявлялъ царь наградъ тому, кто убьетъ этого кабана, обѣщая сдѣлать такого человѣка вторымъ послѣ себя лицомъ въ царствѣ--ничего не помогало. Пробовали ходить въ садъ стеречь кабана, но никому не удавалось увидѣть его, такъ какъ всѣ сейчасъ же засыпали. Не удалось увидѣть кабана и старшимъ сыновьямъ царя. Сталъ тогда проситься младшій

царскій сынъ—дурень. Царь сначала посмѣялся, но затѣмъ все-таки пустилъ его въ садъ. Дурню, дѣйствительно, удалось увидѣть и убить кабана. Но онъ, видимо, мало интересовался обѣщанной наградой, потому что не спѣшилъ къ отцу, а, убивши кабана, сѣлъ возлѣ него и заснулъ. Увидѣлъ это старшій братъ и захотѣлъ воспользоваться удачей дурня, убилъ его въ свою очередь, вырылъ могилу, похоронилъ, а самъ запрегъ кобылу и притащилъ кабана къ царю. Царь повѣрилъ и исполнилъ свое обѣщаніе—все «до волосынкы» отдалъ ему.

Прошла недѣля, другая послѣ этого событія. Старшій братъ продолжалъ веселиться. О дурнѣ никто даже и не вспомнилъ, на столько онъ мало всѣхъ интересовалъ.

И тилькы бъ-то ёго могыла
(Якъ въ тій спѣвають пѣсьнѣ намъ).
У полѣ зъ вѣтромъ говорила!..

Но вотъ однажды вечеромъ пастухъ гналъ овецъ на водопой къ рѣкѣ; смотритъ, на могилѣ выросла очеретина. Онъ сорвалъ ее и сдѣлалъ себѣ сопилочку; сталъ играть на ней, а сопилочка сквозь слезы стала просить:

Да помалу-малу, вывчарыку, грай!
Да це вразы мого ты серденька вкрай.
Пры саду—саду братъ мене вбывъ.
За того кабана, що въ саду рывъ!..

Остолбенѣлъ пастухъ; постоялъ нѣсколько времени, подумалъ, да и отправился къ царю. Царь куда-то отлучился, его не было дома. Тогда пастухъ добился свиданія съ царицей. Заиграла царица въ сопилочку, а сопилочка сказала ей то же, что и пастуху, назвала ее только *матусенькой*. Пріѣхалъ потомъ царь; также заигралъ, а сопилочка назвала его *батенькой*. Послѣ этого предложили поиграть старшему сыну.

Того цыганськый питъ схватывъ,
Не стямывся, якъ й взявъ супилку.

Сунилочка назвала его *братикомъ* и сказала, что онъ ее убилъ. Это такъ поразило старшаго брата, что тотъ успѣлъ только крикнуть «рятуй!» и упалъ мертвымъ.—«Поганому—погана й смерть»—говоритъ царь, утѣшая окружающихъ.

Таково содержаніе первой сказки. Вторая носитъ такое названіе: «*Казка про дурня да сю коня: срибна шерстынка, золота шерстынка*». Содержаніемъ ея служитъ извѣстная народная сказка о томъ, какъ одинъ человѣкъ, умирая, завѣщалъ сыновьямъ придти ночью поочередно на его могилу и обѣщалъ дать имъ за это богатство и силу. Два старшихъ сына, умныхъ, не пошли, третій же, дуракъ, пошелъ. Отецъ далъ ему двѣ шерстинки, золотую и серебряную, припаливъ которыя, дурень получалъ способность превращаться въ рыцаря; тогда къ нему являлся быстрый конь. Съ помощью этихъ шерстинокъ дурень женился потомъ на царевнѣ, которую царь посадилъ на высокомъ мраморномъ столбѣ и обѣщалъ отдать тому, кто доскачетъ до нея и поцѣлуетъ ее въ губы. Много рыцарей скакало, но неудачно, одинъ дуракъ доскакалъ на своемъ быстромъ конѣ и получилъ за это царевну.

Описывая приближеніе вечера, когда дурень долженъ былъ пойти на могилу отца, Бодянскій рисуетъ намъ такую деревенскую картину:

Отъ череду уже женуть:
Стары, малы къ ій выбѣгають:
Коровы да быкы ревуть,
Телятъ дѣвчата розлучають;
Отъ зъ поля йдуть гуртомъ женьци
За нымы косари, гребци;
Отъ въ хатахъ всюды засвѣтылы:
На улыцю повыходылы
Дѣвонькы, хлопци, парубкы:
Пустують, то жартують въ волю.
Знимають зъ мылыхъ стричечкы,
Говорять, шепчуть мижъ собою:
Прытыхнуть впять заголосять;
Всѣ парамы тобѣ сыдять.

Дѣло подходило къ полночи. Дурню необходимо было идти на кладбище.

Замовкло всюды, ни шышырхне:
Затыхъ дѣвоцькый перезовъ,
Хыба—то де-не-де що пыкне...

А когда возвращался дурень домой, то

Отъ незабаромъ розсвѣтало:
Изъ досвѣтокъ дѣвчата шлы:
Вивчаръ гнавъ череду безъ—лику:
По полю бжолы, знай, гулы:
Крычалы пѣвни кукурику!..

Самое описаніе наружности царевны, на которой потомъ женился дурень, носитъ на себѣ извѣстный этнографичеекій отпечатокъ. Главныя черты этого описанія излюбленныя малорусскія.

Хороша, якъ троянда тая;
Лыце—що сонечко твое!..
Губкы якъ медъ солодкы:
Очыци карыи въ нее,
Дугою надъ нымы бровонькы:
Прямый тополёвый станокъ,
И соловейка голосокъ...

Свадьба дурня съ царевной была отпразднована вполнѣ по малорусскому ритуалу. Наканунѣ былъ «дѣвычь-вечиръ»: собрались дѣвушки, сѣли за столъ, на которомъ стоялъ коровай и стали завивать «выльце». На другой день молодыхъ обвѣнчали, «потимъ веселый бувъ бенкетъ»... Описывая «дѣвичь-вечеръ», затѣмъ свадьбу, Бодянскій приводитъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ, которыя пѣлись дружками. Говоря о томъ, что она должна выйти замужъ за дурня, царевна поетъ извѣстную пѣсню:

Кохавъ мене батько, якъ бѣлу тополю:
Ой оддала мене маты въ тяжкую неволю!...

Третья сказка—«*Казка—про малесенького 'Ивася, змію, дочку ін Олесю, та заднихъ гусенятъ*». Ивась росъ не такъ какъ всѣ. Онъ рано привыкъ къ водѣ. Большую часть своего времени онъ проводилъ въ лодкѣ. Мать приносила ему ѣсть и, напѣвая, звала его къ берегу:

«Сынку—сынку Ивашечку!
Прыплынь-прыплынь икъ бережку!
Несу тобѣ ѣсты, пыты,
И хороше походыты...

Ивась приплывалъ.

Подслушала это змѣя и захотѣла овладѣть Ивасемъ; стала звать его своимъ грубымъ голосомъ—Ивась не приплылъ. Тогда змѣя обратилась къ ковалю съ просьбой сковать ей голосокъ, какъ у матери Ивася. При помощи этого голоса змѣя поймала Ивася, унесла его въ лѣсъ и, посовѣтовавшись съ дочерью своею Олесею, задумала сжарить и съѣсть. Но Ивасю удалось обмануть Олесю: змѣя съѣла свою дочь. Ивась же, при помощи гусей, которые взяли его на крылья, возвратился домой.

Въ этой сказкѣ, основной сюжетъ которой всѣмъ, конечно, съ дѣтства хорошо извѣстенъ, авторъ такъ описываетъ свои дѣтскія забавы:

«Мы жъ дѣтьмы—бѣгаемъ, крычымъ:
Зимою грынджола тащымъ,
Або громакъ, або санчята,
Щобъ стрѣлкою зъ горы летѣть:
Або—маршъ кучкою глядѣть.
Якъ въ бокы вѣлыся хлопята!
А якъ овсянка—чыркъ пидъ нисъ:
«Покынь санкы, берысь за визъ!»
Чужы дѣтвора, власно мухы,
На двиръ летять попустовать:
Давай въ опукы, пивайку грать!
Геть чоботы! Геть и кожухы!

Тутъ гылкы, каша, городокъ.
Хто до пацивъ, хто до цурокъ.
Хто булку въ дучечку ганяе.
Хто у крагли. хто у лозу.
Хто въ трояна, хто у мету.
Хто въ хрещыкъ зъ дѣвонькамы грае.
Обѣдаты хочъ не просы...
Прысталы мовъ-бы до косы!
Глядышъ—у пужьмиркы розбѣглысь
По цѣлому тобѣ селѣ:
Тѣ одъ джгута нибы въ огнѣ:
Тѣ въ тѣсну бабу заходылысь:
Тѣ въ гуркала, тѣ въ маршалкы,
Тѣ въ кремняхы, а де-якы
Колодязь ножыкомъ копають:
Тѣ въ горю-дуба, у гусей:
Отъ вовкъ зикрався до дѣтей...
А тіи сонце запускають!...
Увисинь тая-жъ пѣсньа впять:
До скобзалкы, да до сапчять...

Мы уже знаемъ, что покойный А. А. Котляревскій приписывалъ большое вліяніе на О. М. Бодянскаго малорусскимъ пѣснямъ, изданнымъ въ 1827 году М. А. Максимовичемъ. Конецъ 1820-хъ и въ особенности начало 1830-хъ годовъ было временемъ, когда сталъ особенно пробуждаться интересъ къ малорусской народности. Это отмѣчалъ въ своихъ статьяхъ и Бодянскій. Волна народности не могла не захватить и его самого. Значительные слѣды ея мы сейчасъ только видѣли на *Наськихъ украинськихъ казкахъ*. Въ предисловіи къ нимъ Бодянскій обращалъ особенное вниманіе своихъ земляковъ-малороссовъ на необходимость немедленно же позаботиться о собираніи и сохраненіи памятниковъ народнаго творчества. Онъ считалъ это обязанностью именно малороссовъ и боялся, чтобы кто-нибудь другой, не малороссъ, не взялся за это. «Що-сь, не передъ добромъ,

якъ я бачу, говоритъ онъ, сякы-такы, немазаны хвертыкы шляюцьця частесенько уже помижъ намы. Глядить, лышень, щобъ воны зъ нашого-жъ хворосту да не загнулы намъ якои чуденнои карлючкы! Отъ-то-то буде сорому-сорому, за всѣ головы сорому»[1])! Бодянскій считалъ, такимъ образомъ, позоромъ, если бы кто-нибудь другой, а не малороссъ, занялся собираніемъ и изданіемъ памятниковъ малорусской народной словесности. Въ этомъ сказывалось его желаніе вызвать малорусскую интеллигенцію къ самодѣятельности, къ пробужденію ея интереса къ народу и, главнымъ образомъ, къ народному творчеству.

У самого Бодянскаго интересъ этотъ зародился еще на школьной скамьѣ. Реальнымъ образомъ онъ выразился въ творчествѣ его на родномъ малорусскомъ языкѣ, въ тѣхъ виршахъ, которыя мы уже знаемъ и которыя написаны Бодянскимъ еще въ семинаріи. Тогда же Бодянскій сталъ собирать и записывать памятники народнаго творчества. Мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, указаніе на это, идущее отъ него самого. Въ одномъ изъ примѣчаній къ своей книгѣ «О народной поэзіи славянскихъ племенъ», изданной въ 1837 году[2]), онъ говоритъ: «что же касается до многочисленности пѣсенъ украинскихъ, то скажемъ, что въ нашемъ собраніи ихъ, котораго отнюдь не выдаемъ за полное, начатомъ за 7 лѣтъ передъ этимъ и наполняемомъ пѣснями, собранными только въ одной полтавской губерніи, то въ немъ теперь имѣется уже слишкомъ за *восемь* тысячъ, 8000, пѣсенъ». Отсюда мы видимъ, что пѣсни народныя Бодянскій началъ собирать приблизительно въ 1830 году. Толчокъ къ этому могли дать «Малорусскія пѣсни», изданныя М. А. Максимовичемъ въ 1827 году. Такъ думалъ и А. А. Котляревскій[3]). Бодянскій не издалъ собранныхъ имъ пѣсенъ, хотя постоянно и мечталъ объ этомъ[4]). Мы знаемъ, что часть пѣсенъ онъ пере-

[1]) Наськы украинськы казкы, стр. XIII.

[2]) Стр. 136.

[3]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 432.

[4]) Письма М. А. Максимовича къ О. М. Бодянскому въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ.» 1887, кн. I, стр. 134.

лалъ М. А Максимовичу, и онѣ вошли во второе изданіе малороссійскихъ пѣсенъ послѣдняго, вышедшее въ свѣтъ въ 1836-мъ году[1]). Собираніе пѣсенъ О. М. Бодянскимъ не прекратилось въ 1837 г. Онъ, повидимому, продолжалъ, собирать ихъ втеченіе всей своей жизни. По крайней мѣрѣ, на это указываетъ намъ его переписка съ А. М. Лазаревскимъ[2]).

Опредѣлить точно, какіе виды народнаго творчества собиралъ О. М. Бодянскій, мы не можемъ. Изданіе *Наськыгъ украинськыгъ казокъ* даетъ намъ право думать, что О. М. Бодянскій собиралъ и сказки. Зато точныя указанія мы имѣемъ относительно пословицъ и поговорокъ. Въ 1855 году ихъ у него было уже свыше 1500[3]). Къ пословицамъ и поговоркамъ Бодянскій чувствовалъ большую слабость. Онъ зналъ ихъ огромное количество на всевозможныхъ языкахъ и любилъ пересыпать ими свои статьи и письма, нагромождая одну пословицу на другую, часто во вредъ даже ясности мысли[4])...

Мы не знаемъ, какими путями собиралъ О. М. Бодянскій памятники народнаго творчества, самъ ли онъ записывалъ ихъ или пользовался записями другихъ. Братъ его Федоръ Максимовичъ тоже, вѣдь, собиралъ народныя пѣсни. По словамъ М. Стаховича, въ 1840-хъ годахъ у него было ихъ до 4-хъ тысячъ[5]). Очень можетъ быть, что онъ и передавалъ свои пѣсни брату[6]).

---

[1]) Сочиненія М. А. Максимовича т. II, стр. 153.

[2]) Кіев. Стар., т. 27, стр. 448.

[3]) Тамъ-же стр. 447.

[4]) Ученыя Зап. Москов. унив. 1834. № 5. Критика стр. 311—312.

[5]) Рус. Арх. 1886. Цитата взята у А. А. Кочубинскаго «Графъ С. Т. Строгановъ.» Вѣст. Евр. 1886 г. іюль стр. 188 прим. 2-е.

[6]) Рукопись съ пѣснями, собранными Федоромъ Максимовичемъ Бодянскимъ, находится въ настоящее время у О. И. Левицкаго (Кіевъ), а ему передана преподавателемъ полтав. кадет. корпуса И. Ф. Павловскимъ, который въ свою очередь, получилъ ее отъ Н. М. Артемьева, бывшаго преподавателемъ полтавской классической гимназіи. Рукопись, въ четвертку толстой сѣрой бумаги, носитъ такое заглавіе: «Наськы Украинськы саги, або малоросыйськы пѣсьни. Зобраны Запорозьнемъ

Изученіе малорусской литературы и народной словесности привело О. М. Бодянскаго и къ занятію малорусскимъ языкомъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь все сдѣланное имъ въ этомъ отношеніи погибло для насъ безвозвратно.

На занятія свои малорусскимъ языкомъ О. М. Бодянскій смотрѣлъ, повидимому, очень серьезно. Говоря о пробужденіи у малороссовъ интереса къ своему національному и народному, О. М. Бодянскій отмѣчалъ въ одной изъ своихъ статей не только тѣхъ лицъ, которыя занимаются собираніемъ народныхъ произведеній, но и тѣхъ, которыя «посвящаютъ свое время на знакомство съ прочими славянскими языками и ихъ литературою, изучаютъ оные и, такимъ образомъ, стараются уяснить для себя то отношеніе, въ какомъ должна находиться ихъ собственная словесность и языкъ къ прочимъ родственнымъ съ нимъ языкамъ славянскимъ» [1]). Въ числѣ малороссовъ, посвятившихъ себя изученію славянскихъ литературъ, Бодянскій, конечно, разумѣлъ себя. Изъ той же статьи Бодянскаго мы знаемъ далѣе, что одинъ изъ малороссовъ трудился «надъ составленіемъ сравнительной грамматики своего языка съ прочими славянскими языками и такого же словаря» [2]). А. Н. Пыпинъ увѣренно говоритъ, и съ нимъ нельзя не согласиться, что этимъ малороссомъ былъ также О. М. Бодянскій [3]). Мнѣніе А. Н. Пыпина подтверждается и слѣдующимъ фактомъ. Въ 1835 году Погодинъ былъ въ Прагѣ чешской и здѣсь впервые встрѣтился съ знаменитымъ Шафарикомъ. Шафарикъ, задумавшій тогда классическую «Этнографію славянъ» спросилъ Погодина о малорусскомъ нарѣчіи. Погодинъ не сумѣлъ ничего отвѣтить и, какъ самъ признается, почувствовалъ себя крайне неловко [4]). Возвратившись въ Москву, Погодинъ

Хведоромъ Горкавенкомъ Мѣськымъ. «Часть первая». Заглавіе—несомнѣнно, подражаніе *Наськимъ Украинськимъ казкамъ.*

[1]) Телескопъ 1834 г. т. XXI стр. 337—338.

[2]) Тамъ же стр. 337. Ученыя Зап. Москов. у-та 1835 г. кн. IX стр. 489, примѣчаніе.

[3]) *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской этнографіи т. III стр. 109.

[4]) *А. А. Кочубинскій.* Графъ С. Г. Строгановъ. Вѣст. Евр. 1896 г., іюль, стр. 189.

обратился за помощью къ О. М. Бодянскому, и тотъ написалъ спеціально для Шафарика статью о малорусскомъ нарѣчіи— очеркъ географическаго распространенія племени и языка, которую въ началѣ 1836 года Погодинъ и отослалъ Шафарику. Послѣдній встрѣтилъ эту статью, какъ превосходный опытъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея продолженія, просилъ пояснять болѣе рѣдкія малорусскія слова и совѣтовалъ написать въ такомъ же родѣ о нарѣчіи бѣлорусскомъ и новгородскомъ. Съ этихъ поръ и началось знакомство Бодянскаго съ Шафарикомъ.

Намъ неизвѣстна статья, посланная Бодянскимъ Шафарику, но очень можетъ быть, что она, по своему содержанію, близка къ той, которая была помѣщена въ IX книгѣ «Ученыхъ Записокъ московскаго университета за 1835—1836 годъ подъ заглавіемъ: «*Разсмотрѣніе различныхъ мнѣній о древнемъ языкѣ сѣверныхъ и южныхъ Руссовъ*». Эта послѣдняя статья, во всякомъ случаѣ, явилась не случайно, а какъ результатъ опредѣленныхъ занятій О. М. Бодянскаго малорусскимъ языкомъ.

А. А. Котляревскій даетъ ей такую оцѣнку: «Бодянскій рѣшалъ вопросъ не на основаніи фактовъ филологическихъ, а на основаніи историческихъ соображеній. Здѣсь едва ли не въ первый разъ высказана мысль о сравнительномъ изученіи славянской грамматики. Нѣкоторыя сужденія молодого ученаго уже и тогда были запоздалыми, напр. утвержденіе, что древне-церковно-славянскій языкъ—отецъ остальныхъ славянскихъ языковъ и что онъ тожественъ съ древне-русскимъ: не видно также, чтобы будущій профессоръ славянскихъ нарѣчій былъ знакомъ съ изслѣдованіями Востокова, но много въ статьѣ угадано вѣрно» [1])...

Всѣ славянскія племена—члены одного многочисленнаго семейства, говорили они когда-то и однимъ языкомъ. Что это былъ за языкъ—неизвѣстно. Исторія его не запомнила. Бодянскій думаетъ, что родоначальникомъ всѣхъ діалектовъ славянскихъ слѣдуетъ признать языкъ церковно-славянскій. Его можно назвать древнимъ славянскимъ языкомъ по отношенію всѣхъ славянъ или древнимъ русскимъ языкомъ по отношенію сѣверныхъ и южныхъ

[1]) Сочиненія Котляревскаго, т. II, стр. 433.

руссовъ. Конечно, въ жизни языкъ этотъ не оставался безъ измѣненія: время дѣлало свое, языки отдѣльныхъ славянскихъ племенъ отдѣлялись и отдалялись другъ отъ друга, принимая въ себя новые слова, обороты и т. д. Такъ отдалились одинъ отъ другаго и языки сѣверныхъ и южныхъ руссовъ. Въ памятникахъ, писанныхъ въ Малой Россіи на языкѣ церковно-славянскомъ, довольно уже рано попадается языкъ малороссійскій. Его, по мнѣнію Бодянскаго, мы встрѣчаемъ «въ Несторѣ, въ договорахъ Олега, Игоря, Святослава съ греками, въ уставѣ Ярослава о церковныхъ судахъ, въ Кириллѣ Туровскомъ, въ вопросахъ Кирика, въ посланіи митрополита Іоанна къ архіепископу римскому о опрѣсноцѣхъ, въ словѣ о Даніилѣ Заточникѣ, въ посланіи Симона, епископа владимірскаго и суздальскаго къ Поликарпу, черноризцу печерскому, въ паломникѣ, въ духовной Мономаха, въ правилѣ Кирилла, митрополита русскаго, въ посланіи митрополита Никифора къ Мономаху въ лѣтописяхъ кіевской, волынской и др.», не говоря уже о сочиненіяхъ появившихся съ XV ст. Въ нихъ языкъ русскій, такъ сказать, *осязаемъ*. Языкъ этотъ, слитый въ одно цѣлое съ языкомъ церковнымъ, иногда перемѣшанный съ полонизмами, особенно въ сочиненіяхъ писателей, жившихъ и воспитывавшихся въ Польшѣ или же бывшихъ природными поляками, но приставшихъ затѣмъ къ малороссамъ—и составилъ тотъ языкъ, который Лаврентій Зизаній, Мелетій Смотрицкій, Памва Берында и др. называли языкомъ *славяно-руськымъ* и просто *руськымъ*, разумѣя подъ Русью—Русь южную. На этомъ языкѣ они и писали свои *Грамматики* и *Словари* [1]). Кромѣ нихъ на этомъ же языкѣ писали Петръ Мо-

[1]) Въ доказательство того, что писатели эти не смѣшивали языка великороссійскаго съ малороссійскимъ, Бодянскій приводитъ слѣдующее замѣчаніе Зизанія въ его Грамматикѣ о правописаніи буквы *ы*: «се *ы* дебелымъ гласомъ вѣщается, яко Вл҃дка Хс҃, употребляютъ же сего нѣціи (наипаче же Москва) во множ. ч. въ мѣсто *и*: яко праведницы вм. праведницы, и пр., и сихъ мню не лѣпо быти употребленіе. Или: **ѧ** никогда въ началѣ не полагается, но на концѣ и въ срединѣ, обыкновенно значитъ множ. число, яко же обыкоша писцѣ писати великои Россіи и пр.».

Ruthenisches Seminar an der Universität Czernowitz

гила, Иннокентій Гизель, Антоній Радивиловскій, Захарій Копыстенскій, Голятовскій, сочинители Евхаристиріона, албо вдячности, Лазарь Барановичъ, Іоаннъ Максимовичъ и мн. др. «Такимъ образомъ, говоритъ Бодянскій, начало языка южныхъ руссовъ должно искать тамъ же, гдѣ и языки сѣверныхъ руссовъ и прочихъ славянскихъ народовъ; онъ столько же древенъ, какъ и сіи, что доказываютъ памятники, выше нами приведенные.

Но когда въ Южной Руси старый порядокъ вещей, въ силу всеповелѣвающихъ обстоятельствъ, смѣнился новымъ; когда долго тлѣвшая искра козачества, наконецъ, вспыхнула сперва бѣглымъ огонькомъ, потомъ болѣе и болѣе увеличиваясь, превратилась въ пламя и, напослѣдокъ, въ повсемѣстный пожаръ: тогда вмѣстѣ съ такимъ переворотомъ во внутренней и внѣшней жизни Южныхъ Руссовъ, и простой обыкновенный языкъ рѣшительно сдѣлался всѣмъ общимъ: имъ стали говорить всѣ сословія—отъ удалаго козака до его гетьмана, отъ церковнослужителя до владыки, отъ селянки до вельможной *панянки*: стали употреблять его во всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, выключая только священнослуженіе, гдѣ, по прежнему, оставался господствующимъ языкъ славяно-церковный, хотя поучавшіе духовныхъ чадъ своихъ нерѣдко, для большей вѣрности въ успѣхѣ, позволяли себѣ вмѣшивать въ свои поученія и сей разговорный языкъ. Къ сему-то времени должно отнести появленіе историческихъ думъ, въ коихъ воспѣваются подвиги южныхъ чудо-богатырей. Такъ, нѣтъ почти ни одного славнаго предводителя сихъ рыцарей, ни одного гетьмана, ни одного геройскаго подвига, не увѣковѣченнаго народомъ въ звучныхъ, мелодичныхъ стихахъ. Удачи и неудачи, любовь, разлука, тоска по миломъ, печаль матери по сынѣ, увлеченномъ бурнымъ потокомъ наѣздничества и павшемъ въ схваткѣ съ невѣрными, или захваченномъ въ плѣнъ и преданномъ мучительной смерти, безотрадная грусть сестры по братѣ, буйное ширшество козаковъ по возвращеніи своемъ изъ походовъ, прелести привольной, независимой жизни: все это было темой пѣсней. Можно сказать, не преувеличивая, что Южная Русь съ половины XV ст. стала какъ бы одною огромною *эпопеей*. Ни одинъ изъ славян-

скихъ народовъ столько не богатъ пѣснями, какъ южные руссы: послѣ нихъ стоятъ, безъ сомнѣнія, сѣверные ихъ братья. Это объясняется вообще ихъ жизнію, въ коей, съ самою положительною дѣйствительностію, въ высочайшей степени сочеталась *романическая* занимательность» [1]).

Сходство южнорусскаго языка съ языками западныхъ славянъ дало поводъ нѣкоторымъ производить его отъ языка польскаго. Но съ послѣднимъ онъ «имѣетъ столько сходства, сколько и со всѣми прочими языками славянскими». При русскихъ, затѣмъ при литовскихъ князьяхъ, польскій языкъ не имѣлъ вліянія на языкъ южнорусскій; вліяніе его начинаетъ сказываться только позже, послѣ соединенія Литвы съ Польшей въ одно государство, и дѣлается замѣтнымъ преимущественно на письменномъ языкѣ людей духовнаго званія. «Но полонизмы сіи, продолжаетъ Бодянскій, съ перваго взгляда могутъ быть отличены и замѣнены истинными малоруссизмами или церковнаго языка оборотами. Напротивъ, *разговорный малороссійскій* языкъ, на *лѣвой сторонѣ Днѣпра*, никогда не терпѣлъ никакихъ полонизмовъ ни въ письмѣ, ни въ разговорѣ. Тѣ же изъ малороссіянъ, кои *на правой сторонѣ Днѣпра* обитаютъ, равно на Волыни, въ Подоліи и Галиціи, говорятъ симъ же языкомъ, только съ весьма незамѣтною примѣсью нѣсколькихъ польскихъ словъ, вкравшихся уже въ позднѣйшее время владычества поляковъ, особенно отъ того, что большая часть ихъ магнатовъ имѣли и имѣютъ тамъ огромныя помѣстья: при чемъ отъ долговременнаго обращенія подданныхъ съ господами, естественно первые должны были невольно заимствовать отъ послѣднихъ кой-что какъ въ обыкновеніяхъ, такъ и въ языкѣ. И потому языкъ сихъ украинцевъ остается *нарѣчіемъ* языка малороссійскаго, того, которымъ говорятъ въ губерніяхъ: полтавской (здѣсь самый чистый, пріятный, истинный малороссійскій языкъ), черниговской (по р. Деснѣ и Сейму), слободско-украинской, екатеринославской, частію херсонской, землѣ войска

[1]) Ученыя Записки московск. университета, 1835 г., т. IX, стр. 481—483.

черноморскаго, запорожцевъ, въ Анапѣ и Азовѣ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерній: воронежской, саратовской и др. Въ остальныхъ же уѣздахъ черниговской и въ нѣкоторыхъ курской—языкъ, употребляемый малороссіянами, по множеству словъ изъ языка великорусскаго и обыкновеннаго бѣлорусскаго (происшедшаго отъ смѣшенія языковъ великорус. съ польскимъ и малоросс.), по причинѣ смежности жительства, составляетъ тоже *нарѣчіе* языка малоросс. Послѣднее нарѣчіе образовалось гораздо позже перваго; ибо здѣсь съ давнихъ временъ существовала точка соприкосновенія южныхъ руссовъ съ сѣверными» [1]).

Мнѣніе о томъ, что русскій языкъ, которымъ говорили въ XII в. въ Кіевѣ и Черниговѣ, подвергся потомъ въ историческихъ актахъ Волыни и Литвы вліянію языка польскаго и послужилъ, такимъ образомъ, основой для языка бѣлорусскаго и разговорнаго малорусскаго—Бодянскій считаетъ ложнымъ. «Одно изъ двухъ, говоритъ онъ: или всѣ сіи слова, коихъ большая половина никогда и нигдѣ не употреблялась и не употребляется поляками, суть *малороссійскія* и слѣд. есть *малорос. языкъ*, хотя на немъ, по изложенной прежде причинѣ, до образованія *козачества*, не писали, какъ не писали въ то же время на сѣверѣ языкомъ великороссійскимъ; или же слова эти—польскія, и тогда слѣдуетъ показать, какимъ образомъ они попали въ памятники письменности древнихъ юго-руссовъ въ ту пору, когда поляки никакихъ не имѣли сношеній съ сими руссами, а потому не имѣли и никакого вліянія ни на языкъ, ни на нравы, обычаи, постановленія, духъ народа южно-русскаго? Откуда ведутъ свое начало слова сего языка, встрѣчаемыя въ польскомъ? Какъ случилось, что грамматика языка малороссійскаго вовсе несходна и никогда не была сходною ни въ чемъ съ грамматикою языка польскаго, ежели первый происходитъ отъ послѣдняго? Иначе, допустивъ такое происхожденіе, непремѣнно должно будетъ допустить и образованіе языковъ богемскаго, моравскаго, словацкаго, карпато-росскаго, краинскаго, сербскаго и булгарскаго отъ языка польскаго, съ ко-

[1]) Тамъ-же, стр. 183—185.

торымъ всѣ они гораздо большее имѣютъ сходство, чѣмъ языкъ малороссійскій. Другаго слѣдствія не можетъ быть. Въ противномъ случаѣ, всѣ толки о семъ предметѣ будутъ вопреки свидѣтельству исторіи и генію самаго языка южныхъ руссовъ» [1]).

Древнѣйшими памятниками малорусскаго языка О. М. Бодянскій считаетъ *привилегіи*, данныя малороссіянамъ литовскими в. князьями и польскими королями. Сюда онъ относитъ привилегіи Ягайлы 1410 г., Владислава 1634 г. и др. Хотя въ нихъ кой-гдѣ и встрѣчаются польскія слова, но всѣ рѣшительно привилегіи писаны языкомъ южно-русскимъ. «Въ 1672—81 г. появилось сочиненіе, писанное отъ начала до конца нынѣшнимъ малороссійскимъ языкомъ. Это— *Кроника съ лѣтописьцивъ стародавныхъ Ѳеодосія Софоновича*, игумена михайловскаго золотоверхаго монастыря (Кіевъ). Были, безъ сомнѣнія, и постарше сочиненія; но время всѣ ихъ унесло съ собою. Другое, не менѣе важное сочиненіе: *Лѣтописецъ малороссійскій*, помѣщенный Туманскимъ въ его «Россійскомъ Магазинѣ». Мнѣ, прибавляетъ Бодянскій, нѣсколько попадалось также рукописныхъ лѣтописей объ Украинѣ, изъ коихъ нѣкоторыя, довольно древнія, осуждены тлѣть въ какомъ-нибудь пыльномъ архивѣ или темномъ уголкѣ частнаго человѣка» [2]).

Къ этому мѣсту Бодянскій дѣлаетъ любопытное примѣчаніе, въ которомъ, въ видѣ исторической справки, перечисляетъ главнѣйшія явленія въ исторіи малорусской литературы до его времени. «Изъ многочисленныхъ сочинителей пѣсенъ, говоритъ онъ въ этомъ примѣчаніи, которое мы, въ виду его интереса, воспроизводимъ здѣсь цѣликомъ,—извѣстны только *Климовскій*, козакъ, коему приписывается пѣсня: *Ѣхавъ козакъ за Дунай* и нѣсколько другихъ; *Кальнашъ* (Кальнишевскій), послѣдній кошевой запорожцевъ, сочинитель, по мнѣнію Бантыша-Каменскаго, пѣсни: *Ой бѣда, бѣда чайцѣ—небозѣ*! Нѣсколько пѣсенъ, большею частію запорожскихъ, подарены *Голованёмъ*, также кошевымъ. Извѣстный *Сковорода* написалъ также довольное число пѣсенъ, напр: *Ой ты*

---

[1]) Тамъ-же, стр. 185—186.

[2]) Тамъ-же, стр. 187.

нтычка жовтобока: Всякому городу нравъ и правá и др. Въ началѣ текущаго (XIX) столѣтія первый, принявшій твердое намѣреніе писать только на малороссійскомъ языкѣ, былъ г. *Котляревскій*, авторъ *Енеиды на-изнанку*, оперы: *Наталка-Полтавка;* оды: *На новый годъ батьку и пану нашому князю Олексію Куракыну* и нѣск. друг.; за нимъ слѣдуетъ *Артемовскій-Гулакъ*, написавшій баладу *Твердовскый*, нѣсколько коротенькихъ *казокъ* (пѣсень), *одъ*, переведшій балладу Гёте *Рыбакъ* и мн. др. мелкія соч.; замѣчательны также стихотворенія: г.г. *В.* переводчика *Свѣтланы (Маруся)*, помѣщенной въ одной изъ книжекъ Вѣстн. Европы за послѣдній годъ, *Боровиковскаго*, изъ піесъ коего лучшая *Урывокъ зъ казкы Гайдамакы: Писаревскаго* (протоіерея), сочинителя пѣсенъ: *За Нѣманъ иду: Де ты ходышъ моя доле? Г. Гребенка* издалъ: *Малороссійскія приказки* (басни); въ началѣ текущаго (1835) года появились *Наськы Украинськы казкы запорольця Иська Матырынкы*. Нельзя умолчать также о комедіяхъ *Дворянскіе выборы* и *Шельменко*,—соч. *г. Квѣтки:* они писаны русскимъ и малоросс. яз.; нѣкоторыя сцены на семъ послѣднемъ обличаютъ великаго мастера, хотя слогъ и не вездѣ ровенъ. Ему же принадлежатъ *Малороссійскія повѣсти на отечественномъ языкѣ*. Сверхъ упомянутыхъ сочиненій довольно имѣется еще въ рукописяхъ, сочинители коихъ неизвѣстны, но въ коихъ много комическаго, языкъ довольно чистъ (таковы: *Заговоръ на попа, Вакула Чмыръ, Оды* на 1812 г. и др.). *Г. Павловскій* написалъ для сего языка *Грамматику*, но это одинъ только слабый очеркъ. Опыты *Краткихъ Словарей* были сдѣланы гг. *Котляревскимъ* (къ его Енеидѣ), *Павловскимъ* (къ его Грамматикѣ), *Войцеховичемъ* (въ трудахъ Общ. Любит. Рос. Слов.), *кн. Цертелевымъ* (къ изд. имъ 10 историч. пѣснямъ) и *Максимовичемъ* (къ малоросс. пѣснямъ); *полнаго же Словаря* доселѣ нѣтъ, равно какъ и грамматики. Впрочемъ, отъ многихъ слышно о составленіи кѣмъ-то *Сравнительнаго Словаря и Грамматики языка малороссійскаго* съ языками прочихъ славянъ»[1]). Этотъ *кто-то*, какъ мы уже знаемъ, былъ самъ О. М. Бодянскій.

[1]) Тамъ-же, стр. 187—189. Примѣчаніе.

Общій выводъ, къ которому приходитъ Бодянскій въ заключеніе своей статьи, такой. Сначала, до XII в., языкъ сѣверныхъ и южныхъ руссовъ былъ очень схожъ, но послѣ нашествія татаръ и завоеванія Южной Руси литовцами, языки руссовъ «такъ далеко отстали одинъ отъ другаго (равно какъ и самые говорившіе ими), что впослѣдствіи составили собою совершенно двѣ отличныя вѣтви, рѣшительно никогда уже не могущія сблизиться. Языкъ одного изъ сихъ народовъ другому кажется чѣмъ-то дикимъ, непріятнымъ для слуха и большею частію непонятнымъ (говорю о простомъ народѣ: высшій классъ, какъ и вездѣ, составляетъ исключеніе); повидимому, звучитъ что-то знакомое, но произношеніе, грамматическое сочетаніе и обороты того и другаго языка дѣлаютъ ихъ между собою совершенно разными» [1]. Народный языкъ развивался независимо отъ языка письменнаго. На своемъ народномъ языкѣ народъ слагалъ свои пѣсни и передавалъ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Славяно-церковная письменность шла также своей обычной чередою какъ у сѣверныхъ, такъ и у южныхъ руссовъ, съ той только разницей, что «первые долго довольствовались простымъ перенесеніемъ произведеній послѣднихъ и усвоеніемъ ихъ себѣ» [2]. *Слово о полку Игоревѣ* Бодянскій считаетъ произведеніемъ южно-русской словесности но не XII вѣка, а спустя еще вѣка два-три. «Если бы *Слово* сіе, говоритъ онъ, было писано въ XII в., языкъ его мало чѣмъ бы разнился отъ языка церковнаго: оно не противорѣчило бы цѣлымъ почти своимъ составомъ тогдашнему времени, было бы приспособлено къ тогдашнимъ обстоятельствамъ» [3].

Послѣ этой статьи О. М. Бодянскій въ печатной литературѣ, сколько намъ извѣстно, не заговаривалъ больше о малорусскомъ языкѣ, хотя и продолжалъ имъ интересоваться [4]. Не смотря на то,

---

[1]) Ученыя Зап. Московскаго университета, 1835 г. кн. XI. Критика, стр. 489—490.

[2]) Тамъ-же, стр. 490.

[3]) Тамъ-же, стр. 491.

[4]) См. напр., письмо къ Г. П. Данилевскому, 29 ноября 1855 г. Кіев. Ст. 1903 г. январь, стр. 56—57.

что онъ объяснялъ свои занятія языками западныхъ славянъ желаніемъ уяснить отношеніе своей родной, малорусской словесности къ другимъ славянскимъ [1]), все-же спеціализація сдѣлала свое дѣло. Занятіе языками и литературой западныхъ славянъ поглотило Бодянскаго цѣликомъ и надолго, навсегда отвлекло его отъ научнаго изученія своего родного языка и малорусской литературы, общіе контуры развитія которой онъ такъ смѣло, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ правильно, набросалъ въ только что изложенной нами статьѣ. Задуманные Бодянскимъ труды—малорусскій словарь и сравнительная грамматика малорусскаго языка, надъ которой онъ, по его словамъ, уже работалъ, остались въ области однихъ только предположеній: исчезли, повидимому, и матеріалы, собранные имъ для этой цѣли...

V.

Основаніе кафедры славяновѣдѣнія въ Москвѣ. Приготовленіе О. М. Бодянскаго къ занятію этой кафедры. Критическая статья О. М Бодянскаго о сборникѣ словацкихъ пѣсенъ Яна Коллара. Переводъ «Славянскихъ Древностей» Шафарика. Магистерская диссертація О. М. Бодянскаго «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Критическая статья О. М. Бодянскаго объ изданной Ѳ. Бумариньмъ книгѣ «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ».

Изъ воспоминаній К. С. Аксакова мы уже знаемъ, что въ университетѣ О. М. Бодянскій былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ студентовъ и серьезно занимался исторіей [2]). Обстоятельства, впрочемъ, не сдѣлали изъ него спеціалиста-историка, а толкнули его на новый путь—славяновѣдѣнія, гдѣ онъ и пріобрѣлъ себѣ крупное, почетное имя въ наукѣ.

Окончаніе О. М. Бодянскимъ университета совпало какъ разъ съ введеніемъ въ русскихъ университетахъ новаго устава

[1]) Телескопъ. 1834 г., т. XXI, стр. 338.

[2]) День. 1862 г. № 40.

1835 года, по которому учреждалась и новая кафедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій.

Хотя основаніе этой кафедры и не было неожиданной случайностью, потребность въ ней сознавалась давно, но самый фактъ основанія засталъ русскихъ ученыхъ, можно сказать, врасплохъ. Любителей славяновѣдѣнія было немало: спеціалистовъ же, ученыхъ, годныхъ для занятія кафедры славянскихъ нарѣчій, совсѣмъ не было. Въ Москвѣ кафедру эту занялъ временно извѣстный, но тогда уже сильно постарѣвшій, учитель О. М. Бодянскаго М. Т. Каченовскій, болѣе другихъ, конечно, имѣвшій правъ на ея занятіе. Сдѣлана была затѣмъ попытка пригласить въ Москву профессоромъ славянскихъ нарѣчій знаменитаго І. Шафарика, на тотъ отклонилъ предложеніе. Тогда остановились на О. М. Бодянскомъ [1]).

Бодянскій былъ учителемъ въ одной изъ московскихъ гимназій. Ходилъ разсказъ, что извѣстный московскій попечитель гр. С. Г. Строгановъ пришелъ однажды въ классъ латыни къ Бодянскому и, нѣсколько пораженный его украинско-семинарскимъ произношеніемъ, замѣтилъ ему: «Какъ дурно вы читаете по-латыни. «А вы почему знаете, что я дурно читаю—отвѣчалъ Бодянскій:—быть можетъ, римляне читали еще хуже меня»! Любителю смѣлыхъ и оригинальныхъ отвѣтовъ этотъ отвѣтъ понравился, и съ этихъ поръ началось ихъ сближеніе [2]). Сближеніе это и привело О. М. Бодянскаго къ кафедрѣ.

Разсказъ, передаваемый А. А. Котляревскимъ, вѣроятнѣе всего, принадлежитъ къ числу тѣхъ своеобразныхъ анекдотовъ, которыхъ не мало, говорятъ, ходило про грубую прямоту О. М. Бодянскаго Сближеніе О. М. Бодянскаго съ С. Г. Строгановымъ могло произойти и другимъ способомъ—чрезъ М. Т. Каченовскаго или чрезъ М. П. Погодина. Какъ тотъ, такъ и другой, должны были хорошо знать О. М. Бодянскаго. У М. Т. Каченовскаго О. М. Бодянскій работалъ по русской исторіи, и мы

---

[1]) *А. А. Кочубинскій.* Графъ Строгановъ въ Вѣст. Евр. 1896 г. іюль, стр. 165 и слѣд.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго т. II, стр. 431.

видѣли уже, что первыя работы О. М. Бодянскаго по исторіи носятъ на себѣ всѣ слѣды скептицизма М. Т. Каченовскаго. Такъ естественно было для Каченовскаго, разъ самъ онъ перешелъ на кафедру славянскихъ нарѣчій и литературъ, сосредочить и занятія своего ученика на этомъ предметѣ. Еще большее значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ для О. М. Бодянскаго М. П. Погодинъ. Мы уже знаемъ изъ отзыва самого О. М. Бодянскаго, какую роль сыгралъ М. П. Погодинъ въ его ученой судьбѣ, какъ онъ живо интересовался его занятіями, направлялъ ихъ, помогалъ имъ.

Точныхъ фактовъ у насъ нѣтъ, но мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что Погодинъ съ Каченовскимъ предназначали на кафедру славянскихъ нарѣчій въ Москвѣ именно О. М. Бодянскаго. При такихъ обстоятельствахъ, гр. С. Г. Строганову совсѣмъ не трудно было «оріентироваться среди новыхъ условій»[1]: стоило только съ довѣріемъ отнестись къ людямъ науки. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Разъ выяснилось для О. М. Бодянскаго направленіе его ученой карьеры, молодой ученый все свое вниманіе сосредоточилъ на изученіи славянскихъ нарѣчій и литературъ. Въ сентябрѣ 1836 года Бодянскій подалъ въ совѣтъ университета просьбу о допущеніи къ экзамену на степень магистра «преимущественно по предмету исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій». Магистерскій экзаменъ происходилъ въ октябрѣ въ полномъ собраніи перваго отдѣленія философскаго факультета и въ присутствіи двухъ депутатовъ отъ совѣта университета. На экзаменѣ присутствовалъ и попечитель С. Г. Строгановъ. Это показываетъ, что уже тогда онъ относился къ О. М. Бодянскому съ интересомъ.

Экзаменъ, какъ письменный, такъ и устный, сошелъ у О. М. Бодянскаго хорошо: «всѣ гг. испытатели, говорится въ оффиціальномъ донесеніи словеснаго факультета совѣту, изъявили полное свое удовольствіе». Для магистерской диссертаціи была предложена тема «О народной поэзіи славянскихъ племенъ», «поелику, говорится въ томъ же донесеніи, кандидатъ Бодянскій

[1] А. А. *Кочубинскій*. гр. С. Г. Строгановъ. Вѣст. Евр. 1896 іюль, стр. 185.

заранѣе объявилъ, что славянскія нарѣчія и ихъ литература составляли главный предметъ его занятій»[1]).

Тема «О народной поэзіи славянскихъ племенъ была оффиціально предложена факультетомъ, но надъ ней О. М. Бодянскій уже раньше работалъ подъ руководствомъ своего учителя Каченовскаго, который то собственно и предложилъ эту тему въ факультетѣ.

Въ 1835 году въ 4 книгѣ журнала «Московскій Наблюдатель» появилась первая работа О. М. Бодянскаго, явившаяся результатомъ занятій его славянскими нарѣчіями и литературой. Это была критическая статья о «Народныхъ спѣванкахъ или свѣтскихъ пѣсняхъ словаковъ въ Венгріи», изданныхъ въ 2 частяхъ Яномъ Колларомъ въ 1834 и въ 1835 годахъ.

Статья начинается указаніемъ, какъ мало извѣстно про словаковъ въ Россіи, причемъ выражается увѣренность, что съ основаніемъ славянскихъ кафедръ въ русскихъ университетахъ, знакомство русскихъ съ славянскимъ міромъ станетъ на прочную почву. «Придетъ пора—говоритъ О. М. Бодянскій,—и у насъ явятся свои, Дубровскіе, свои Линде, Юнгманы, Копитари, Караджичи и т. п. растолкуютъ намъ, какъ важно, необходимо для насъ узнать покороче славянскія племена, эту кость отъ костей и плоть отъ плоти нашей; какъ непростительно, вредно было наше невѣдѣніе объ нихъ, и, напротивъ, сколько пользы можетъ произойти отъ ближайшаго съ ними знакомства»[2])... Пользуясь сочиненіемъ Шафарика «Geschichte der Slavischen Sprache und Litteratur nach allen Mundarten», О. М. Бодянскій цѣлую статью посвящаетъ историко-этнографическому очерку словацкаго племени, а затѣмъ уже, во второй статьѣ, переходитъ къ словацкимъ пѣснямъ, стараясь опредѣлить ихъ характеръ и отношеніе ихъ къ пѣснямъ другихъ славянскихъ племенъ. Въ этой второй статьѣ высказана сущность всѣхъ тѣхъ мыслей, которыя потомъ были подробнѣе развиты въ магистерской диссертаціи О. М. Бодянскаго «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Нѣкоторыя страницы изъ

---

[1]) Рус. Ст. 1879 г. ноябрь стр. 462—463.

[2]) «Московскій Наблюдатель», стр. 385.

критической статьи о сборникѣ Коллара, какъ напр., страницы о поэзіи великороссовъ[1]), малороссовъ[2]) и поляковъ[3]) почти цѣликомъ были перепечатаны въ диссертаціи О. М. Бодянскаго. Потому мы и не будемъ болѣе останавливаться на статьѣ О. М. Бодянскаго о сборникѣ Коллара, хотя она, конечно, и интересна въ исторіи постепеннаго развитія научныхъ мнѣній знаменитаго слависта.

Занимаясь славянскими нарѣчіями, О. М. Бодянскій скоро пріобрѣлъ себѣ извѣстность знатока ихъ. Мы уже знаемъ, что Погодинъ поручилъ ему написать спеціально для Шафарика статью о малорусскомъ нарѣчіи, и Шафарикъ встрѣтилъ ее очень лестнымъ отзывомъ. «Систематическое полное обозрѣніе и характеристика діалектовъ русскихъ, писалъ по этому поводу Шафарикъ Погодину, есть pium disiderium, можетъ быть исполнено Бодянскимъ: его письма о малороссійскомъ столь превосходны, что я желаю распространенія его изслѣдованія на бѣлорусское, новгородское»[4]). Когда вышла въ свѣтъ первая тетрадь «Славянскихъ Древностей» Шафарика Погодинъ задумалъ перевести ее на русскій языкъ. «Я убѣдилъ, пишетъ Погодинъ г. Бодянскаго, одного, или лучше сказать, единственнаго знатока славянскихъ нарѣчій въ Москвѣ, принять на себя переводъ этой важной книги»[5]). Шафарикъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній, согласился на это, хотя просилъ не спѣшить съ переводомъ и, во всякомъ случаѣ, стараться, чтобы «переводъ былъ вѣренъ съ подлиннымъ»[6]). О. М. Бодянскій съ большой готовностью взялся за это дѣло. Самъ онъ въ своихъ научныхъ занятіяхъ исходилъ отъ

---

[1]) Моск. Набл. 1835 г. ч. IV, стр. 581—584, ср. О нар. поэзіи, стр. 114—120.

[2]) Моск. Наб., стр. 584—592, ср. О нар. поэзіи, стр. 122—134.

[3]) Моск. Наб., стр. 592 и слѣд. ср. О нар. поэзіи, стр. 80 и слѣд.

[4]) *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. Погодина т. IV, стр. 427.

[5]) Тамъ-же, стр. 427—428.

[6]) Тамъ-же, стр. 428.

Шафарика и былъ убѣжденъ въ необходимости перевода его «Славянскихъ Древностей» не только на русскій, но и на другіе европейскіе языки. Въ 7-й части «Московскаго Наблюдателя» за 1836-й годъ былъ напечатанъ переводъ историческаго изслѣдованія Шафарика «О народахъ скифскаго племени», сдѣланный О. М. Бодянскимъ, независимо, кажется, отъ инициативы Погодина. Въ 8-й части того же «Московскаго Наблюдателя» и за тотъ же 1836-й годъ появилась статья Бодянскаго «Мысли о древности славянъ въ Европѣ». Статья представляетъ собой пересказъ, а въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ прямо таки переводъ работы Шафарика «Мысли о самобытности славянъ въ Европѣ». Въ предисловіи къ этому пересказу О. М. Бодянскій дѣлаетъ оцѣнку Шафарика и его трудовъ. Шафарика онъ называетъ «глубокимъ знатокомъ славянскихъ языковъ, славянской словесности, дѣеписанія и древностей, основательнымъ цѣнителемъ и неутомимымъ изслѣдователемъ всего относящагося къ славянскому міру» [1]). Отъ «Славянскихъ Древностей», которыя тогда начали выходить тетрадями, О. М. Бодянскій ожидалъ «рѣшенія многихъ сомнѣній и спорныхъ вопросовъ, объясненія темныхъ мѣстъ какъ вообще исторіи міра и славянскихъ народовъ, такъ и въ частности исторіи нашего отечества, если не вездѣ окончательнаго, по крайней мѣрѣ, способнаго надоумить другихъ изыскателей, навести ихъ на новую тропинку и, такимъ образомъ, значительно споспѣшествовать дальнѣйшему совершенствованію нашихъ историческихъ свѣдѣній». Бодянскій выражалъ при этомъ надежду, что «это отличное твореніе не замедлитъ появиться въ переводѣ и на другіе европейскіе языки, равно какъ и на нашемъ родномъ, и, разумѣется, прямо съ подлинника, т. е. съ чешскаго языка» [2]).

Двѣ первыя книги перваго тома «Славянскихъ Древностей», въ переводѣ О. М. Бодянскаго, вышли въ 1837 году; третья книга, хотя и получила цензурное одобреніе, не вышла въ 1838 году [3]). Съ изданіемъ книги на русскій языкъ случилось то, чего

[1]) Московскій Наблюдатель 1836 г. ч. VIII, стр. 19.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 93.

особенно боялся Шафарикъ. «Мнѣ будетъ очень пріятно, писалъ онъ Погодину, когда возникла только мысль о переводѣ, если не будете спѣшить съ русскимъ переводомъ, потому что все сдѣланное на скорую руку не бываетъ хорошо, а я желалъ бы, чтобы переводъ былъ вѣренъ съ подлиннымъ»[1]). Благодаря поспѣшности переводъ былъ изданъ очень небрежно, такъ что въ послѣдствіи, въ 1848 году, Бодянскій счелъ нужнымъ переиздать его вновь[2]). Самый рѣзкій отзывъ о трудѣ Шафарика, о самомъ Шафарикѣ и о переводѣ Бодянскаго былъ сдѣланъ Сенковскимъ въ «Библіотекѣ для чтенія». «Этотъ переводъ, говоритъ Сенковскій, сдѣланъ такъ искусно, что нашъ языкъ кажется въ немъ почти богемскимъ»[3]). О Бодянскомъ Сенковскій выражался, что онъ «служитъ въ русской литературѣ по словенской части».

О. М. Бодянскій отвѣчалъ Сенковскому на его критику коротенькой замѣткой. «Переводчикъ «Древностей», писалъ онъ, считая дѣломъ вовсе безполезнымъ вступаться за книгу или за автора, и не отказываясь отъ чести служить въ русской литературѣ по словенской части, какъ угодно провозгласить объ этомъ г. Сенковскому, желалъ бы очень съ своей стороны знать: по какой части въ русской литературѣ служитъ г. Сенковскій?»[4]).

Переводъ «Славянскихъ Древностей» Шафарика шелъ параллельно съ работой О. М. Бодянскаго надъ магистерской диссертаціей «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Она была напечатана и защищена въ 1837 году. Основныя мысли, развитыя въ ней, какъ мы уже замѣчали, были высказаны О. М. Бодянскимъ еще въ 1835 году въ отзывѣ его о сборникѣ словацкихъ пѣсенъ Яна Коллара. Нельзя, поэтому, особенно удивляться быстротѣ, съ какой, будто бы, написана эта диссертація въ 154

[1]) Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 428.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 139.

[3]) Библіотека для чтенія 1837 г. XXIII, стр. 62—64. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 95

[4]) Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 98.

страницы небольшого формата [1]). Несомнѣнно, О. М. Бодянскій работалъ надъ диссертаціею раньше, чѣмъ она была предложена ему оффиціально факультетомъ. Хотя предложилъ ее Каченовскій, но мы врядъ ли ошибемся, если будемъ думать, что тема для диссертаціи была выбрана, по взаимному соглашенію Каченовскаго съ Бодянскимъ. По крайней мѣрѣ, она прямо вытекала изъ того интереса, который обнаруживалъ Бодянскій къ изученію народной литературы и который онъ проявилъ въ цѣломъ рядѣ статей, съ которыми мы уже познакомились выше. Въ диссертаціи Бодянскаго мы найдемъ только наиболѣе полное обоснованіе тѣхъ мыслей, которыя онъ высказывалъ и раньше, часто мимоходомъ, въ своихъ журнальныхъ статьяхъ.

Для характеристики тогдашнихъ научныхъ взглядовъ Бодянскаго диссертація представляетъ большой интересъ. Мы, поэтому, остановимся довольно подробно на ея содержаніи. Въ настоящее время она, конечно, большой научной цѣны не имѣетъ: много въ ней парадоксальнаго, мало обоснованнаго, отвергнутаго наукой. Но въ свое время диссертація Бодянскаго сыграла крупную роль. «Въ 1837 году, говоритъ А. А. Котляревскій, это былъ живой, исполненный воодушевленія манифестъ о славянскомъ народномъ характерѣ, раскрывающемся въ его поэзіи. Еще больше, чѣмъ у насъ, значеніе имѣла эта книга у западныхъ славянъ: она была переведена на языки сербскій и итальянскій (гр. Медо Вучичемъ) и въ извлеченіи—на чешскій (Штуромъ)» [2]).

«Въ наше время всеобщаго стремленія къ самобытности—такъ начинаетъ Бодянскій свою книгу—всѣ почти народы, особенно европейцы, хотятъ жить жизнію, въ полномъ смыслѣ имъ принадлежащею, вытекающею изъ собственныхъ ихъ нѣдръ, слагающеюся изъ совокупности всѣхъ стихій человѣческаго бытія, коими навсегда устанавливается физіономія народа, рѣзко и мѣтко отличающая его отъ его сосѣдей и прочихъ народовъ: короче, хотятъ быть независимыми, истинно народными». Теперь

---

[1]) Вѣстн. Европы, 1886 г. іюль стр. 191.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго т. II, стр. 434.

всѣ твердо убѣждены, что не все чужое—хорошее, а потому и не все чужое слѣдуетъ перенимать, а только «то, что безъ насилія прививается, усвоивается, обращается въ родное». Прошла пора соблазнительныхъ идей космополитизма, когда думали всѣ народы перекроить по одному образцу, признанному безусловно изящнымъ. Всякій народъ хочетъ въ настоящее время оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть, «жить своей коренной жизнью, мыслить своей головой, чувствовать своимъ сердцемъ, желать своей волей, дѣйствовать самъ собой, непосредственно, и, такимъ образомъ, жить всѣми силами своего бытія, сдѣлаться вполнѣ *народнымъ*». Народность не препятствуетъ совершенствоваться какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлому народу. Совершенствованіе обусловливается и достигается только при посредствѣ образованія и просвѣщенія, а просвѣщеніе, гдѣ угодно, уживается. Только худо понятое или и вовсе ложное просвѣщеніе тѣснитъ и давитъ, гонитъ и истребляетъ народность. «Неужели просвѣщеніе необходимо требуетъ изглаженія всѣхъ родимыхъ оттѣнковъ, требуетъ уровня безцвѣтности? Кто менѣе образованъ: страстно ли привязанный къ идеализму нѣмецъ, суетливый французъ, или расчетливый англичанинъ? И, однако же, родная физіономія въ каждомъ изъ нихъ положительно всегда проглядываетъ, какъ въ людяхъ, занимающихъ высшія государственныя должности, отличающихся преимущественно своимъ просвѣщеніемъ, такъ и въ людяхъ, стоящихъ на низшей ступени общества, и ни вельможа, ни поденщикъ, ни лордъ, перъ, герцогъ, ни селянинъ и нищій, не гнушаются собой, не отвергаются себя». Конечно, нѣтъ народа, который собственными бы силами, безъ помощи другихъ, достигъ полнаго развитія своихъ способностей. Но за то каждый народъ долженъ не только перенимать у сосѣдей, но и стремиться къ тому, чтобы отдѣлить хорошее отъ дурного, «стараться собственное свое, родное, возвести до равной степени и, даже пойти далѣе, возвыситься, стать съ ними на одинакой высотѣ жизненнымъ развитіемъ стихій своенародныхъ». Такая любовь къ своему родному «есть настоящій ключъ къ истинному просвѣщенію, вѣрному самоусовершенствованію, источникъ жизни новой, плодоносной, са-

мостоятельной, своеобразной, своевременной, своестихійной, всесторонной, полной, вѣчно юной» [1]).

Каждый народъ имѣетъ свою опредѣленную физіономію и когда «развиваетъ въ своемъ существованіи свою личность, свою особенность, онъ живетъ самобытно, своеобразно, народно, выражаетъ своимъ бытіемъ идею, какую предопредѣлено ему вѣчнымъ Промысломъ осуществить своею жизнію». Эта идея сказывается во многомъ: въ народной религіи, философіи, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, въ языкѣ; но больше всего въ словесности. Послѣдняя, являясь, «отраженіемъ стихій, составляющихъ бытіе народа», должна быть непремѣнно народною. Это не значитъ, что она должна только рабски списывать народъ, преимущественно простой. Нѣтъ, она должна вездѣ уловить изящество, «провидѣть его сквозь толстую кору, покрывающую его собой. Потому и голая черневая сторона жизни народа, если взглянуть на нее съ этой точки, прошедши чрезъ горнило поэтическаго вдохновенія, можетъ возвыситься до степени изящества. Такую-то народность, очищенную, переплавленную, облагороженную должна отражать въ себѣ словесность каждаго народа» [2]).

Вѣнцомъ словесности народа является поэзія. Она тоже должна быть въ высшей степени народной. Нѣтъ и не можетъ быть народа, у котораго не было бы поэзіи. Какъ «плодъ внутренняго творчества народа, его поэтической способности», поэзія непремѣнно должна быть отпечаткомъ «жизненнаго бытія народа, отголоскомъ всѣхъ его сотрясеній, являться въ томъ или иномъ видѣ, смотря по ходу судьбы народа, его жизни, положенія, обстоятельствъ—слѣдовательно, безпристрастно отражать внутреннюю и лицевую сторону существованія его, быть своенародною» [3]). Поэзія опредѣляется исторіей народа; она поясняетъ, порой даже замѣняетъ ее. Все это не мѣшаетъ, однако, поэзіи оставаться изящной, потому что «изящное никогда неизмѣнно: оно всегда и вездѣ равно самому себѣ, одинаково».

---

[1]) О народной поэзіи славян. племенъ стр. 1—7.

[2]) Тамъ-же, стр. 8—9.

[3]) Тамъ-же, стр. 14—15.

Первоначальной формой всякой поэзіи является *пѣсня*, и нѣтъ народа болѣе богатаго пѣснями, чѣмъ славяне. «Пѣсня— это ихъ дневникъ, ихъ исторія, хранилище всякаго вѣдѣнія, всякаго вѣрованія, ихъ ѳеогонія, космогонія, память, тризна по своихъ отцахъ и дорогихъ сердцу, надгробный памятникъ священной старины, живая, говорящая лѣтопись временъ, давно прошедшихъ, въ коей, какъ въ прозрачномъ кристаллѣ водъ, отражается, безъ малѣйшей примѣси, вся ихъ жизнь, съ ея добромъ и зломъ, характеръ каждаго врозь и общее всего цѣлаго, многосложная картина минувшаго вѣка, его духа, вѣрный очеркъ быта и всѣхъ его, неуловимыхъ простымъ глазомъ, мельчайшихъ подробностей. Это исповѣдь души, розоблаченной передъ вами до тончайшихъ изгибовъ своихъ и оттѣнковъ чувствъ, волненій, страданій, надеждъ, веселія и грусти: это чистѣйшее выраженіе славянской народности, нравовъ, обычаевъ, занятій, причудъ и т. п. Въ нихъ, наконецъ, языкъ родной хранится во всей своей чистотѣ, неподдѣльности, свѣжести, силѣ, прелести и богатствѣ» [1]).

Какой же общій характеръ и отличительныя свойства славянской народной поэзіи?

Славяне—народъ земледѣльческій, по преимуществу. Это—народъ осѣдлый, миролюбивый, тихій, спокойный, уживчивый, больше всего на свѣтѣ любившій бытъ сельскій, домашній. Все это отражается и на ихъ поэзіи. Поэзія славянъ—«плодъ простой, неискаженной природы, картина помысловъ, чувствъ, нравовъ и дѣяній людей, не раззнакомившихся еще съ питавшею ихъ въ дни нѣжнаго младенчества, для коихъ она не мачиха, но мать, *веселящаяся о чадѣхъ своихъ*. Оттого всѣ изліянія ихъ чувствъ, всѣ ихъ пѣсни дышатъ чистѣйшею любовію къ природѣ: оттого въ пѣсняхъ ихъ такое богатство образовъ: оттого они для каждаго движенія сердца своего такъ легко находятъ въ природѣ вполнѣ выражающее его изображеніе: оттого въ поэзіи ихъ все такъ ясно, понятно, естественно, все такъ идетъ къ дѣлу» [2]). Сравниваютъ

[1]) О народной поэзіи славянъ стр., 21.

[2]) Тамъ-же, стр. 42.

иногда поэзію славянъ съ поэзіею грековъ, но «это рѣшительно ложно». Если между ними и есть сходство, то это сходство общечеловѣческое. Въ существѣ же между той и другой поэзіей заключается глубокое различіе. «Въ поэзіи грековъ, по общему сознанію всѣхъ знатоковъ ея, преобладаетъ форма надъ идеей,— напротивъ, въ поэзіи славянъ форма и идея находятся въ гармоническомъ соотношеніи между собою, соразмѣрномъ сліяніи, проникновеніи другъ друга: форма и идея не подавляютъ одна другой, но уравновѣшиваются» [1]).

Конечно, эти общія свойства славянской поэзіи не у всѣхъ славянскихъ народовъ проявляются въ одинаковой степени. О. М. Бодянскій старается опредѣлить и выяснить эти особенности. Начинаетъ онъ съ поэзіи *чеховъ и моравовъ*. Поэзія ихъ лирическая, по преимуществу. Началась она, правда, эпосомъ, но затѣмъ условія жизни, постоянная борьба чеховъ и моравовъ съ нѣмцами и другими сосѣдями дали преобладаніе лирикѣ. У *словаковъ* поэзія идиллическая. Лишенные политической самостоятельности, словаки на долго сохранили свой патріархально-земледѣльческій характеръ, который и выразился въ ихъ поэзіи. У *поляковъ* почти нѣтъ народныхъ пѣсенъ. Это удивительное явленіе среди славянъ, «самаго пѣсеннаго народа». О. М. Бодянскій объясняетъ ненормальностями польской жизни. „Поэзія необходимо требуетъ досуга, говоритъ онъ, спокойствія, свободныхъ думъ, вдоволь времени, такъ сказать, для разговора съ самимъ собою». Польскій народъ не имѣлъ этого. «Онъ не могъ привольно вздохнуть, не только *поэтизировать*. Гдѣ ему до историческихъ, обрядныхъ, и подобныхъ тому пѣсенъ, когда онъ не имѣлъ ничего за душой, долженъ былъ всѣ дни и ночи проводить за работой на пана: когда на него смотрѣли не какъ на своего собрата, но какъ на бездушную вещь» [2]). У поляковъ есть только коротенькія народныя пѣсни—*краковяки*. Отличительную особенность ихъ, кромѣ краткости, составляетъ еще веселость. Появленіе краковяковъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 18.

[2]) Тамъ-же, стр. 86.

съ такимъ характеромъ О. М. Бодянскій объясняетъ, какъ результатъ минутнаго веселья среди постояннаго горя, нужды и труда [1]. Нѣкоторые къ краковякамъ приравниваютъ русинскія *коломійки*, но О. М. Бодянскій рѣшительно отвергаетъ это, такъ какъ не находитъ у русиновъ условій, на почвѣ которыхъ могло бы появиться что-нибудь подобное краковякамъ [2].

У *сербовъ* поэзія, преимущественно, эпическая. Вѣчная борьба съ турками естественно выдвигала рядъ личностей, дѣлала отдѣльныя событія особенно памятными въ народѣ. Нѣтъ ничего «страннаго, если поэзія сербовъ вся полна разсказами о доблести, о славныхъ подвигахъ и смерти ихъ витязей—«юнакъ до юнака»—неутомимо пытавшихся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій возвратить свободу своей отчизнѣ, если ихъ пѣсни преимущественно гомерическаго содержанія» [3]. О. М. Бодянскій думаетъ, что изъ пѣсенъ можно было бы даже составить *Славянскую Иліаду*. «Содержаніемъ Сербской Иліады въ этомъ случаѣ была бы борьба сербовъ съ турками за независимость; предметомъ Иліады Украинской—подобая же борьба козаковъ съ ляхами» [4].

Отличительнымъ признакомъ *великорусскихъ* пѣсенъ является «глубокая унылость, величайшее забвеніе, покорность своей судьбѣ, какое-то раздолье и плавная протяженность» [5]. Опять таки все это обусловлено природой сѣвера, угрюмой, мрачной, унылой, которая и наложила свой оттѣнокъ на все, на всѣ проявленія жизни великоросса, на его исторію, образъ жизни, на его думы и чувства. Поэзія великороссовъ повѣствовательно-описательная, по преимуществу.

Иное дѣло на югѣ Россіи. Малорусская поэзія діаметрально противоположна великорусской, и изъ всѣхъ славянъ «сѣверные и южны руссы самые несходственные между собою»: «тутъ гео-

[1]) Тамъ-же, стр. 87 и слѣд.
[2]) Тамъ-же, стр. 92—93.
[3]) Тамъ-же, стр. 101.
[4]) Тамъ-же, стр. 104.
[5]) Тамъ-же, стр. 114.

графическое имя какъ нельзя больше согласуется съ этнографіей обоихъ изъ нихъ». Характеръ мѣстности, ихъ исторія, быть и другія обстоятельства—все имѣло значеніе для этого различія.

«Вспомните, говоритъ Бодянскій, Югъ русскій за девять и болѣе предъ этимъ вѣковъ: вѣчныя, безсмысленныя ссоры и драки его князей между собою за какой-нибудь пустой участокъ земли и т. п., довели ихъ до крайнего ослабленія и передали первенство на нѣсколько времени Сѣверу, пока и онъ, отъ тѣхъ же причинъ, не разстроился и не потерялъ его и, наконецъ, оба не сдѣлались добычей монголовъ и татаръ». Народъ мало интересовался всѣмъ этимъ. Доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что «народъ не почтилъ этихъ усобицъ ни одной своей пѣсней, никакимъ почти преданіемъ, ни малѣйшею, хотя бы глухою, темною, отдаленною молвой. Онъ ихъ предалъ забвенію, какъ недостойное имени русскаго, что не могло бы быть, еслибы онъ бралъ въ нихъ сердечное участіе; напротивъ, онъ сохранилъ въ своей памяти, передалъ позднѣйшему потомству въ своихъ разсказахъ и пѣснопѣніяхъ дѣла предковъ гораздо древнѣйшей эпохи, которыя, почему бы то ни было, занимали его, дороги были ему своего цѣнностью (напр., пѣсня о построеніи Кіева, многія пѣсни о дѣлахъ Владиміра В. и т. п.). Но когда полчища Батыя положили, напослѣдокъ, конецъ междусобной борьбѣ Сѣвера и Юга Руси, то первый съ покорностію повиновался своей судьбѣ. Князья его, сперва лаской и колѣнопреклоненіемъ задобривали къ себѣ Хановъ; потомъ, когда и ихъ престолъ сталъ, колебаться отъ внутреннихъ несогласій и междоусобій, В. Князья Московскіе стали употреблять къ своему освобожденію изъ подъ Азіатскаго ига политику, въ которой они были очень свѣдущи и опытны. Напротивъ Южные Князья, безпрестанно тѣснимые, съ одной стороны, закочевавшими слишкомъ близко къ нимъ Татарами, съ другой Литовцами, двигавшимися изъ среды мрачныхъ Бѣлорусскихъ лѣсовъ, напрасно силились противостоять могучимъ своимъ врагамъ: имъ и политика не помогла, и они должны были безмолвно сносить свою участь—быть данниками, пока мало помалу не перевелись. Но народъ не потер-

нѣлъ, чтобы прекрасная его земля осталась навсегда за *поганымъ*: Melius frangi, quam flecti, или, говоря его же пословицей: «Або добуть, або дома (въ господѣ) не буть. Лучьче въ землѣ тлѣты, нижъ Татарвѣ служыты.»... Еще въ прежнихъ схваткахъ и битвахъ съ Печенѣгами, Половцами и пр. Азіатскими ордами, безпрерывно нападавшими на *Русичей*, коротко ознакомившись съ ихъ наѣздническою системой войны, нѣкоторые изъ среды ихъ, сберегая лучшее благо человѣка, съ непримиримой местію въ душѣ къ разорителямъ своей родины, удалились, разумѣется, прежде всего въ дремучіе при-Днѣпровскіе лѣса, какъ первый и самый ближайшій притонъ. Но не находя и здѣсь вѣрнаго убѣжища, спустились внизъ по Днѣпру и засѣли на его многочисленныхъ, уютныхъ островахъ, срубили себѣ *Сѣчь* на островѣ *Хортыцѣ* (кажется первая *Сѣчь*), потомъ противъ Каменнаго затона (недалеко отъ Никополя, на правой сторонѣ Днѣпра: Сѣчь *Никитинская*, *Мыкытына застава*, *рибъ*, *перевизъ*), далѣе *Тышлыцькую* Сѣчь (при Днѣпровскомъ протокѣ, Тышлыкѣ, пониже Хортицы? при Ташлыкѣ, впадающемъ въ Синюху? за р. Саксаганомъ, по сказанію Симоновскаго? или же гдѣ индѣ, по близости Днѣпра), при устьѣ *Бузулука*, и т. д. И тамъ, въ окопахъ (родъ небольшихъ укрѣпленій и т. п., по обоимъ берегамъ Днѣпра по *Лыманъ*, и въ другихъ угодныхъ мѣстахъ), окруженныхъ валомъ, рвомъ, частоколомъ, имѣя передъ ними, когда нужда требовала, *шаньци*, рогатки, или берлоги, западни, потаенные входы и выходы, могилы, маяки, пушки, словомъ все, что только могло обезпечить ихъ отъ нечаяннаго нападенія, гдѣ только можно было держаться, равно какъ и въ темныхъ окрестныхъ лугахъ, особенно въ *Великимъ лузѣ* (лѣсѣ, покрывающемъ низменныя мѣста: собственно занимающемъ собой весь лѣвый берегъ, Днѣпра отъ усьтя р. Конской воды, впадающей въ Днѣпръ, внизъ къ Черному морю, междо Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ и его заливомъ Сивашемъ), *Чорномъ* (между большимъ Нигулемъ и Телупкой), *Мотрыномъ* (подлѣ Чигрина, по Тясмину и Днѣпру вверхъ), *Лебедыномъ*, *Майдановомъ*, *Стебловомъ* (между Днѣпромъ, Нигу-

лемъ, Тясминомъ, Росью, Бугомъ и Тилигуломъ) лѣсѣ, и др., за Днѣпровскими порогами и на нихъ, въ *Дикомъ полѣ*, и т. п., безопасные отъ всѣхъ попсковъ и ярма чужеземнаго, совѣтовались между собой, куда и какъ лучше и вѣрнѣе направлять свои набѣги. Дружина этихъ *Бурлакъ*, *Гайдамакъ*, несмотря на ихъ холостую жизнь (женамъ тутъ не было мѣста ни по времени, ни по обстоятельствамъ, ни по мѣсту, ни по образу жизни), не уменьшалась, но день со дня увеличивалась все болѣе и болѣе приходомъ новыхъ смѣльчаковъ, досадовавшихъ на притѣсненія Татаръ, Литовцевъ, Поляковъ, и др. Вѣроятно, также, къ нимъ, по временамъ, присоединялись и разрозненные, бродившіе безъ пристанища, тамъ и сямъ, остатки Половцевъ, Торковъ, Берендѣевъ, и п. и., которые, какъ малочисленнѣйшіе и ниже образованіемъ, *Русичей*, слѣдовали во всемъ примѣру этихъ послѣднихъ: принимали ихъ вѣру, нравы, языкъ, и т. д., и, так. обр., нечувствительно перерождались въ *Русичей*. Окруженные, осаждаемые со всѣхъ сторонъ, *ворогамы*: съ Сѣверо-Востока Монголами, Литвой, съ Юга Крымцами и Турками, съ Запада Польшей, они *мужалися*: никогда не зная себѣ покоя, распивая день и ночь кровавое вино на своемъ богатырскомъ пирѣ, *сватовъ поили* и *сами ложились за землю Русскую*, желая *лучежь потяту, неже полонену быти*. Эти *чубатые* всюду являлись, какъ снѣгъ на голову:

По степахъ, по лугахъ,
По Татарськыхъ земляхъ, по Турецькыхъ горахъ,
По Чорныхъ моряхъ и по Ляцькыхъ поляхъ.

Никто не зналъ, гдѣ, когда и какъ покажутся эти безстрашные:

Козакъ лежыть на могылѣ, не думае, не гадае:
Стрепенувся да й полынувъ, вѣтеръ чубомъ грае.

Оттого ихъ молодецкая слава:

По всёму свѣту дыбомъ стала
По всёму свѣту степомъ розляглася, простяглася,
Да по всёму свѣту луговымъ гоминомъ роздалася.

Но не всѣхъ же равно могла плѣнить холостая жизнь: природа взяла свое: многіе доставали женъ себѣ въ своихъ походахъ, или просто призывали прежнихъ подругъ: а какъ въ Сѣчь не впускались *обабившіеся*, то имъ дозволялось селиться неподалеку отъ *Ковша* (sic). Изъ соединенія нѣсколькихъ *куреней* и *хатъ* этихъ послѣднихъ образовывался постепенно *хуторъ*, изъ *хуторовъ села*, и т. д., подвигаясь далѣе и далѣе вверхъ, по Днѣпру, коего обапола лежали въ пустоши по милости Монголовъ, они, так. обр., сближались непримѣтно съ своими братьями *горожанами*, сами дѣлились *горожанами*, и образовывали незамѣтно, исподоволь *Козачество городское, полковое и осѣдлое*, давая совершенно новый видъ, новую форму *Руссинамъ*, подготовляли новую эпоху жизни, не насильно, но осторожно, черезъ противоположеніе стараго новому быту, черезъ *наглядное* сравненіе преимуществъ одного передъ другимъ. Липовцы не прекословили разселяться, какъ менѣе непріятные имъ, какъ уже сдѣлавшіеся христіанами, у коихъ языкъ Славянскій былъ *актовымъ, судебнымъ и придворнымъ*, но только съ условіемъ охранять отъ нападеній непріятелей Волынь, Подолъ, Кіевъ и Черниговъ, особенно для нихъ важные; равно и Поляки въ началѣ той же системѣ слѣдовали, позволяя раздвигать имъ свои *сельбища*, до самаго Кіева (впослѣдствіи *охочекомонные*, Козаки). Наконецъ, за свои услуги, «за мужество великое на бранѣхъ», получили нѣсколько городовъ при Днѣпрѣ и за Днѣпромъ, и систематическое устройство, разныя привиллегіи, права, титулы, и т. д. «Оттолѣ болѣ въ силу Козаки ростяху (Стар. запорож. лѣтоп.)». Этимъ переходомъ ихъ въ гражданское общество, покончился *первый* періодъ ихъ жизни, *Бурлацтво Гайдамацтво*, и начался *новый гражданско-воинственный*, въ которомъ, хотя не было уже столько роздолья и беззапретности, но все же *воля вольная*, широкая, въ полномъ смыслѣ *Козацькая* (здѣсь-то и слово *Козакъ*, прежде бранчивое, коимъ Татары и подобные имъ ругали удалыхъ *Русичей* и оставили за ними навсегда, было облагорожено, возвышено, получило совсѣмъ другое значеніе, *лыцарськое* (какъ изъ слова Ritter, первоначально всадникъ, то, что разумѣють подъ

именемъ *Рыцарь*, Кавалеръ). Баторій, прозорливый, Великій Баторій, «*поразумѣвая о казакахъ*», предрекъ имъ блестящую будущность: «будешъ, рече, когда-сь одъ тѣхъ юнакивъ Рѣчь посполитая вольная (Стар. Запор. лѣтоп.)». Онъ всѣми мѣрами старался привязать къ себѣ Козаковъ, «шановавъ и поважавъ, великіи дары даровавъ», прося, чтобы они:

Зъ ёго Ляхамы,
Якъ зъ рідными братамы
Жылы,
А ёму, королю Польщы, якъ боговѣ,
Що жыве высоко на небѣ,
Вѣрою и правдою служылы»,

зная всю бездонность, всю мощь ихъ воли. И эта широкая, безграничная Козацкая или Рыцарская воля, nec plus ultra развернула себя, горячими, огненными буквами вписала время своего полнаго разлива въ лѣтописи, одушевленную и неодушевленную природу и память людей, особенно въ XVI и XVII в., когда Козакъ на своемъ лихомъ конѣ, далеко превышавшемъ въ быстротѣ самаго царя пернатыхъ (по словамъ пѣсни), когда онъ на этомъ *волоцюзѣ, розбышацѣ*, больше имъ *поважаемомъ мамы, тата, сестры, брата*, и не бравшій за него *сриблa хочъ повную груду*, съ дугообразною *Дамасскою шаблею, сыпавшею зраду по всѣ вѣчны рокы*, парою мѣткихъ *пистоливъ*, съ *сныcомъ*, острымъ *якъ голочка*, онъ, повитый войною, закаленный въ буести, *хмарою* налеталъ на *бусурманивъ*, грудью отстоивая свою отчизну и религію отъ ихъ наводненія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и остальную Европу. Это была пора *чести, славы и військовои справы*:

Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля пидъ ногы топтала.

Но эта же исполинская, бездонная, адамантовая Козацкая воля, еще больше, еще рѣзче обозначила себя въ войну за *Восточную Церковь*, въ періодъ *престрашныхъ злыднивъ, бездольныхъ годынъ, військовыхъ чваръ*, когда самая *трава ничила жа-*

лощами, а древо съ тугою къ земли преклонялось, когда, какъ поютъ Украинскіе рапсоды, прилетѣли *изъ западу гусы*, явились *попы въ ладивныцяхъ*, завязалась ужасная борьба въ Церкви и Обществѣ, *стала тяжка брань*, такъ что

Дывытыся горе:

потому что теперь ополчилась Вѣра противъ Вѣры:

Вѣра Вѣру боре.

Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было равное: все, что только можетъ выдумать человѣкъ въ такомъ изступленіи самаго страшнаго, смертоноснаго, вѣрнѣйшаго для истребленія себя, все это было выдумано и исчерпано до дна въ эту религіозную войну. И тщетны, суетны были всѣ усилія Папы, Іезуитовъ и Ляховъ; Козацкая воля устояла на своемъ, охранила Вѣру, родину и свободу:

...Пройшлы, изійшлы злыи незгодыны:
Немае никого, щобъ насъ подолѣлы...

Не смотря на это, Козаки, однако же, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, при всемъ напряженіи силъ умственныхъ и тѣлесныхъ, не могли добыть себѣ у своей судьбы согласія на долговременную, прочную самобытность. Въ эту самую пору провидѣнію угодно было, чтобы Сѣверная Русь, Турція, Швеція и Польша ближе столкнулись между собою, глазъ на глазъ свидѣлись, и рѣшили бы сами великую прю о первенствѣ на Востокѣ и Сѣверѣ Европы и представительствѣ ихъ предъ Западомъ и Югомъ. Сыны Украйны должны были войти въ систему Бѣлаго Царя послѣ 8-го Генваря 1654 г., послѣ изъявленной *готовности на соединеніе на вѣчныя времени, какъ одновѣрнымъ, единокровнымъ, чтобы не было разнодумья и шатости съ обѣихъ сторонъ, ежебы защитити и сохранити народъ православный отъ врага и местника, чтобы враги не посмѣвалися:* и послѣ поступленія *подъ Высокую руку*, Козаки покорились своей судьбѣ.

Такая долгая треволненная жизнь: цѣлые пять вѣковъ не влагать въ ножны меча, день и ночь вести борьбу съ внѣшними и внутренними врагами, отъ *Бурлацко-Гайдамацкаго* быта перейти къ *Козацкому*, а отъ этого, наконецъ, съ слезами на глазахъ, къ *Чумацко-Земледѣльческому* [1]), такая жизнь народа, всею душей своей привязавшагося пламенно, бѣшенно къ воинской славѣ, и чѣмъ, долѣе упивавшагося ею, тѣмъ болѣе жаждавшаго, народа, у котораго желѣзная Славянская мощь достигла высшей степени разгара, своего зенита, безъ всякой посторонней помочи и сотрудничества, но при лично-собственныхъ силахъ, такая огненная жизнь, неожиданно, ex abrupto прерванная судьбой на пути величайшаго своего расширенія, полнаго разлива, *на всемъ ходу*, на всемъ бѣгу корабля, несшагося къ землѣ обѣтованія, что спрашиваемъ, такая жизнь такого народа должна была произвести въ немъ самомъ?

Судя по человѣчески, никакого не могло быть другаго слѣдствія, какъ только одно неудовольствіе, прямо отъ глубины души шедшее и запечатлѣнное всею энергіей ея, одна досада на свою *щербатую долю*.

Потому-то и въ пѣсняхъ ихъ это неудовольствіе, эта досада, этотъ ропотъ на *долю*, вполнѣ отразились, во всѣхъ точкахъ проницаютъ ихъ, стоятъ на первомъ мѣстѣ Чувствуя свое достоинство и полное право на лучшій жребій, но при всемъ усиліи не получая его, естественно изъ груди ихъ должны были вырваться горькія жалобы на свой рокъ, глубокая тоска, сильная грусть облечь сердце. Очень часто слышатся стоны, вопли, крики такіе, болѣзненные, свѣжіе, живые, что вчужѣ заплачешь, обольешься го-

---

[1]) Указаніе на эти три періода жизни Украинцевъ находимъ въ слѣдующемъ куплетѣ одной изъ ихъ пѣсенъ:

«Ой хвортуно, хвортунынно!
Послужы жъ ще такъ корысно:
Служыла въ Бурлацьтвѣ, служыла въ Козацьтвѣ,
А послужы жъ ще й въ Чумацьтвѣ»...

рючими слезами; безнадежность же нигдѣ такъ болѣзненно, такъ нестерпимо-мрачно, такъ невыносимо-тяжело для сердца, такъ могильно не рисуется, такимъ гробовымъ холодомъ не обдаетъ, не пашетъ (sic) на васъ. Да, тутъ невольно скажешь и себѣ съ *Паліемъ* «*Лыхо жыты въ свѣтѣ*»!..

Ой иду жъ я, иду, да зъ сёго края иду:
Ой покыну я да усимъ край бѣду.
Ой оглянусь я за крутою горою.—
Ажъ иде бѣда слѣдочкомъ за мною...
Ой чого жъ ты, бѣда, за мною ввязалася?
— Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою вѣнчалася.
Ой чого жъ ты, бѣда, за мною вчепылася?
— Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою родылася.—

Или въ другой пѣснѣ:

Ой выйду я за ворота—погляну на провальля.
Чы всѣмъ людямъ таке жытьтя, а якъ мое безталанья!...
Да жывить, люде добры, ой якъ то вамъ подалося,
А я буду тулятыся, бо такъ мынѣ довелося!..
Ой бодай ты, моя доле, на днѣ моря утонула,
Якъ ты мою головоньку въ неволю втопыла!..:

Характеръ женскихъ пѣсенъ--тотъ же самый. Тоска по избранномъ сердцемъ, увлеченномъ долгомъ *бороныты* Украину, долгомъ, отъ котораго ничто въ мірѣ не въ силахъ оторвать его, проклятія на виновниковъ одиночества, и отъ того жалобы на Небо, пеня на долю, сѣтованіе, скорбь, грусть, недовольство своимъ жребіемъ, и т. п., рѣдко, весьма рѣдко улыбка, растворенная счастьемъ: вотъ ихъ тема, до безконечности разнообразная. Здѣсь, кромѣ тоскливости, роптанія, часто, также, слышите безнадежное отчаяніе:

Ой хвортуно несчаслыва! що ты выробляешъ?
Дала начасъ познатыся, теперъ розлучаешъ!
Охъ вы рокы, охъ вы рокы, рокы неправдывы!

Вкоротите жытьтя мынѣ, будьте мылостывы!
Вкоротите жытьтя мынѣ, покиль въ смутку буду?
Лучьче жъ мене умертвите, то всёго забуду:
Охъ вы рокы, охъ вы рокы, хочъ не прыбувайте!
Колы вы насъ розлучылы, дакъ жытьтя не дайте!
Летѣвъ орелъ по-надъ моремъ, да й ставъ голосыты:
Тяжко важко намъ убогымъ багатыхъ любыты!
Не такъ счастьте, не такъ доля, якъ багаты люде:
Якъ розлучуть по любови, то й счастьтя не буде...
Степъ широкый, воду выдно, мылого не бачу:
Якъ почую мову ёго, то заразъ заплачу.
Не зхотѣвъ же, мій мыленькый, дружыною буты:
Ой дай мынѣ того зильля, щобъ тебе забуты!
Е у мене таке зильля, блызько перелазу:
Якъ дамъ тобѣ напытыся—забудешъ одъ разу:
Буду пыты, выпыватъ, и капли не впущу:
Тодижъ тебе я забуду, якъ очи заплющу!...

Даже въ пѣсняхъ веселыхъ, гульливыхъ, въ коихъ дается полная, совершенная свобода разгулу, насмѣшливыхъ, издѣвочныхъ (сатирическихъ, ироническихъ), шуточныхъ, обрядныхъ, и т. п., тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы встрѣтить, вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, замѣчаете примѣсь грусти, какой-то дальній отголосокъ знакомаго горевапья, извѣстной кручины, слышите *журбу-тугу*.

Что касается до изложенія, то оно, вслѣдствіе столько дѣятельной, бурной, кипучей, полной заботъ и безпокойствъ жизни, вездѣ почти *Драматическое*, что, наоборотъ, говоритъ о сильной дѣятельности того народа, коему принадлежатъ такія пѣсни. Гдѣ дѣятельная, разнообразная, исполненная трудностей и борьбы жизнь, тамъ и лично-народныя поэтическія произведенія непремѣнно отливаются въ форму *драматическую*, безъ вѣдома виновниковъ, ихъ бытія, потому что это ихъ прямой, естественный, единственный путь, а другаго нѣтъ и быть не можетъ. Въ противномъ случаѣ Поэзія эта не была бы собой, тѣмъ, чѣмъ она есть. Поэзіей народа, его свѣтлымъ и вѣрнымъ отраженіемъ, его

чистосердечной, *щырою* исповѣдью, его откровеніемъ: иначе онъ немилосердно, безсовѣстно *малъ бы* самъ на себя; а народы, отколь свѣтъ стоитъ, въ такихъ обстоятельствахъ, по свидѣтельству и мертвыхъ и живыхъ, никогда не притворствуютъ, не *лгутъ*. Если гдѣ, такъ именно здѣсь, и только здѣсь, извѣстная пословица: «гласъ народа—гласъ Божій», имѣетъ свое настоящее предложеніе, свое законное мѣсто. Въ этомъ отношеніи пѣсни Южно-Русскія—единственныя въ своемъ родѣ, стоятъ выше пѣсенъ всѣхъ прочихъ Славянскихъ племенъ, у коихъ рѣдко, очень рѣдко, встрѣтите драматическое положеніе, составляющее, потому, случайное явленіе, между тѣмъ какъ у первыхъ оно необходимое, повсемѣстное, существенно-естественное, природное свойство. Пѣсни Украинскія столько выше пѣсенъ другихъ Славянъ, сколько Драма выше прочихъ другихъ родовъ Поэзіи, составляя собой какъ соединеніе, единство всѣхъ ихъ въ одной себѣ, такъ и послѣднюю цѣль, конечное, полное, гармоническое развитіе всякой Поэзіи, сколько дѣйствіе превосходитъ умствованіе, чувствованіе—разсказъ, описаніе, и т. п. Кромѣ того, онѣ выше прочихъ и своею музыкой, напѣвомъ, голосами, языкомъ, въ высокой степени поэтическимъ и музыкальнымъ (который, въ этомъ случаѣ, сравнивать можно только, изъ древнихъ съ Греческимъ, изъ новыхъ съ Итальянскимъ), стихосложеніемъ, заключающимъ въ себѣ и размѣръ, и тонику, и риому, удивительно свободнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стройнымъ, разнообразнымъ и богатымъ, своею многочисленностію и разнородностію и т. д. [1]). Поэтому мы не

---

[1]) Все, сказанное нами теперь, слѣдовало бы подтвердить доводами, но это далеко бы отвлекло насъ за предѣлы нашего разсужденія: тѣмъ не менѣе, однако же, все это справедливо. Кто хорошо знакомъ съ языками Славянскими и ихъ народною и искусственною Литературой, тотъ, безъ сомнѣнія, не сочтетъ словъ нашихъ парадоксомъ, или еще хуже, пустымъ хвастовствомъ. Въ свое время мы надѣемся изложить этотъ важной предметъ во всей его обширности, и доказать его истинность. Что же касается до многочисленности пѣсенъ Украинскихъ, то скажемъ, что въ нашемъ собраніи ихъ, котораго отнюдь не выдаемъ за полное, начатомъ за 7 лѣтъ предъ этимъ и наполня-

думаемъ, чтобы какой-нибудь другой народъ, не исключая, даже, и остальныхъ Славянъ, могъ быть столько *пѣснолюбивымъ, пѣсеннымъ*, какъ Южные Руссы (Украинцы, Малороссіяне): тамъ на все и во всякое время—своя пѣсня, не одна, но цѣлыя сотни. Любовь къ музыкѣ и пляскѣ неразрывно соединяется у нихъ съ любовію къ пѣнію и пѣснямъ, идутъ объ руку: «*Москаль до чытання, Ляшокъ до скакання*, а *нашъ братъ Козакъ до спивання*»,—говоритъ ихъ пословица, вѣрно характеризующая въ этомъ случаѣ три сосѣдственные и одноплеменные между собой народы. Пѣсня—дневникъ Малороссіянина, въ который онъ вноситъ все, что ни мыслитъ, ни чувствуетъ, ни дѣлаетъ. «Въ этомъ отношеніи»,—справедливо замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей, хорошо постигающій Малороссію *(Н. Гоголь)*,—пѣсни для Малороссіи—все: и Поэзія, и Исторія, и отцевская могила (См. ст. о Малоросс. пѣсняхъ, въ его Арабескахъ). Онѣ могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ, тогдашнему состоянію чувствъ». Описанія въ нихъ, такъ сказать, мимоходомъ, эпизодическія, при всемъ томъ всегда удивительно согласныя съ природою. Въ нихъ, обыкновенно, самыя рѣзкія, характеристическія черты предмета схватываются, и то, большею частію, употребляются лишь для точнѣйшаго, сильнѣйшаго выраженія душевныхъ чувствъ, лавою исторгающихся изъ глубины сердца и ни на мгновеніе не охлаждаемыхъ многорѣчіемъ или длиною періода; напротивъ, всюду порывъ страсти, сжатость, твердость, лаконизмъ выраженія, простодушіе, естественность, особенная нѣжность и сила чувствъ. Вообще должно сказать, что эти образы, уподобленія, сравненія и т. д., въ пѣсняхъ Южно-Русскихъ отличаются всею безыскусственностію, непринужденностію, всею ненатянутостью, самобытностью, природнымъ изяществомъ и поразительной точностью, между тѣмъ какъ въ

емомъ пѣснями, собранными только въ одной Полтавской губерніи, то въ немъ теперь имѣется уже слишкомъ за *восемь тысячъ*, 8.000 пѣсенъ.

пѣсняхъ Сѣверо-Русскихъ видно, по замѣчанію *Максимовича* «больше искусственности, нѣкотораго рода произволъ, желаніе прикрасъ» (См. Предисл. въ Малорос. пѣснямъ). Сравненія послѣднихъ—безпрерывно *отрицательныя:* напротивъ того сравненія первыхъ вездѣ, исключая развѣ кой-какія Думы и Историческія пѣсни, постоянно—*положительныя.* Отъ этой-то любви къ положительному, нѣкоторымъ образомъ, происходитъ положительность даже въ самомъ выраженіи единичныхъ предметовъ, взятыхъ изъ внѣшняго (иногда и внутренняго) міра, и замѣняющихъ собой цѣлое, родъ ихъ, для означенія какого-нибудь обстоятельства, мѣста, времени, бывшихъ свидѣтелями того или другого случая, той или другой были:

Въ недѣлоньку рано розигралося море:
Не одному сыну на чужынѣ горе!

—

Шлы коровы изъ дубровы, овечкы изъ поля:
Выплакала кары очи кры Козака стоя.

—

Черезъ гору орелъ воду носыть:
Дѣвчынонька Козаченька просыть.

—

Рыбалочка по бережку да рыбоньку ловыть,
А мылая по мылому бѣлы ручкы ломыть.
Рыбалочка по бережку да рыбоньку удыть,
А мылая по мылому бѣлымъ свѣтомъ нудыть.
Рыбалочка по бережку рыбоньку хапае,
А мылая по мылому тяженько вздыхае.
Рыбалочка по бережку якъ ластивка вьецьця,
А мылая по мылому якъ орлыця бьецьця» [1]).

Опредѣленіемъ и объясненіемъ характера малорусскихъ пѣсенъ О. М. Бодянскій и заканчиваетъ собственно характеристику

[1]) О народной поэзіи славянскихъ племенъ, стр. 122—138.

пѣсенъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. О пѣсняхъ остальныхъ славянъ онъ не говоритъ уже потому, что въ его время не существовало ихъ сборниковъ.

Конецъ книги посвященъ опредѣленію отличительныхъ свойствъ, общихъ пѣсенъ всѣхъ славянъ[1]). Во всѣхъ ихъ пѣсняхъ О. М. Бодянскій находитъ «какую то всеобщую *томность*, меланхолическое, жалостное *тоскливое чувство*, какую то *унылость*, печальность, траурность, какое то *грустное*, скорбное повѣтріе, что то мрачное, замѣтное, даже тамъ, гдѣ, по всему, нельзя было ожидать его, гдѣ самое содержаніе веселое, радостное» [2]). Всѣ славянскія пѣсни, по его мнѣнію, отличаются простотой и естественностью замысла и изложенія, самостоятельностью исполненія, совершенствомъ отдѣлки, необыкновенною рѣзкостью и энергіей выраженій. «Проникнуты онѣ какой-то братской любовью людей къ природѣ, патріархальной близостью съ предметами видимаго міра. Отсюда участіе въ пѣсняхъ славянъ существъ одушевленныхъ и нѣмыхъ, получающихъ на этотъ разъ душу, умъ, голосъ, языкъ и т. д. преимущественно же птицъ. Кромѣ того пѣсни славянскихъ племенъ особенно отличаются своими уменьшительными, предпочтительно любимыми, нѣсколько разъ повторяющимися, своими подражательными природѣ, словами» [3]).

Вскорѣ послѣ выхода книги Бодянскаго въ свѣтъ, о ней появилась небольшая критическая замѣтка въ «Библіотекѣ для чтенія». Говорятъ, замѣтка эта принадлежала перу извѣстнаго Сенковскаго.

«Славяне—*первый* народъ въ мірѣ по своему поэтическому характеру, и пѣсни ихъ показываютъ *славу* и *добродѣтели* великаго народа славянскаго. Вотъ тема на которую г. Бодянскій написалъ новыя варіаціи - говоритъ Сенковскій.

Казалось бы, спорить тутъ не о чемъ. Первобытная пѣсня вездѣ составляетъ одно изъ основаній всякой народной поэзіи.

---

[1]) Тамъ же, 149—152 и стр. 154.

[2]) О народной поэзіи, стр. 147—152.

[3]) Тамъ же, стр. 146.

но это еще не поэзія, а лепетанье младенца, и оно у каждаго народа отличается особыми достоинствами. Романсъ испанца, пѣсня араба, сага скандинава, легенда германца, всѣ прекрасны въ своемъ мѣстѣ и подъ своею точкою зрѣнія. Потомъ у каждаго народа наступаетъ эпоха заимствованія, учености, и наконецъ, уже изъ нея развиваются начала поэзіи истинно національной, настоящей поэзіи,—сложный результатъ климата, мѣстности, рода жизни и исторіи.

Но западные славяне, г. Венелинъ, г. Бодянскій не такъ думаютъ объ этомъ дѣлѣ. Для нихъ все заключено въ первобытной поэзіи: славяне являются на этомъ поприщѣ самымъ славнымъ поэтическимъ народомъ, и, слѣдственно, изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ, ни у кого поэзія «не была такъ дома», какъ у славянъ. Съ энтузіастами разсуждать невозможно. Скажемъ, однакожъ, что въ диссертаціи г. Бодянскаго есть много частныхъ дѣльныхъ замѣчаній и любопытныхъ подробностей, которыя показываютъ большую начитанность и близкое знакомство съ славянскими языками» [1]).

При всемъ уваженіи къ трудамъ О. М. Бодянскаго, нужно все-таки сказать, что замѣчанія Сенковскаго заключаютъ въ себѣ очень много вѣрнаго. Правда, проф. А. А. Кочубинскій видитъ въ нихъ ни больше, ни меньше, какъ простую «издѣвку» надъ трудомъ О. М. Бодянскаго [2]). Но мы считаемъ такое мнѣніе совершенно несправедливымъ. Диссертація Бодянскаго построена, дѣйствительно таки односторонне, мысли, развитыя въ ней требуютъ большей обоснованности и меньшей парадоксальности, чѣмъ мы это находимъ. На это, въ сущности, и указывалъ Сенковскій.

Въ концѣ мая 1837 года О. М. Бодянскій защищалъ диссертацію и получилъ степень магистра. Защита была признана «весьма удовлетворительною» [3]). Тогда серьезно былъ поставленъ

---

[1]) Библіотека для чтенія 1837 г., т. XXIII, отд. VI. Литературная лѣтопись, стр. 16.

[2]) Вѣст. Европы, 1896 г., іюль, стр. 191—192.

[3]) Тамъ-же, стр. 191.

вопросъ объ отправленіи его за границу, для приготовленія къ профессурѣ. А. А. Котляревскій на основаніи разсказовъ современниковъ, не отвергаемыхъ и самимъ Бодянскимъ, передаетъ, что въ этомъ отношеніи О. М. Бодянскому много помогла статья, помѣщенная Бодянскимъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» о книгѣ Булгарина «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ» [1]).

«Книга эта, по отзыву покойнаго К. Н. Бестужева-Рюмина, отличающаяся нѣкоторымъ чисто-юношескимъ увлеченіемъ, построена на чрезвычайно—вѣрной мысли: русская исторія должна быть изучаема въ связи съ славянскою и вообще европейскою; большая, хотя неупорядоченная начитанность, ясность мысли и талантъ изложенія выдвигаютъ высоко эту книгу» [2]). Она была подписана Ѳ. Булгаринымъ, но собственно не онъ былъ авторомъ ея, а молодой дерптскій ученый Н. А. Ивановъ, бывшій впослѣдствіи профессоромъ въ Дерптѣ и въ Казани. Нуждаясь въ деньгахъ и не имѣя возможности издать книгу на собственныя средства, Ивановъ обратился за содѣйствіемъ къ Ѳаддею Булгарину. Тотъ согласился, но подъ условіемъ, чтобы авторомъ книги былъ названъ онъ. Въ такомъ видѣ книга и вышла въ свѣтъ. Вся эта исторія была затѣмъ разоблачена дерптскимъ профессоромъ Крузе въ «Jenaische Allgemeine Litteratur-Zeitung» и надѣлала много шума. Булгаринъ, не докончивъ изданіе «Россіи», уѣхалъ за границу и долго оттуда не возвращался» [3]).

Критическая статья О. М. Бодянскаго объ этой книгѣ появилась въ печати до разоблаченій Крузе. Подписана она псевдонимомъ «Далиборъ О. Варвинскій» и помѣчена Переяславомъ, конечно, полтавскимъ [4]).

О. М. Бодянскій не зналъ о происхожденіи книги и говоритъ, поэтому о ней, какъ о произведеніи Ѳ. Булгарина. Кри-

---

[1]) Московскій Наблюдатель, 1837 г., апрѣль кн. I.

[2]) *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Русская исторія, т. I. Введеніе, стр. 232.

[3]) Заря 1871 г., кн. 4. Изъ воспоминаній петербургскаго старожила. Четверги у Греча, стр. 35—36.

[2]) Московскій Наблюдатель 1837 г., апрѣль, кн. I.

тическая статья его чрезвычайно рѣзка. Эта рѣзкость была вызвана тѣмъ самодовольно-нахальнымъ тономъ, которымъ Ѳ. Булгаринъ написалъ свое *Введеніе* къ книгѣ. «Какъ нашъ вѣкъ ни недовѣрчивъ, говоритъ Бодянскій, какъ ни мало расположенъ онъ вѣрить кому-бы то ни было на слово, но все еще мы не дошли до той степени отчаяннаго скептицизма въ совѣсть человѣка, чтобы сколько-нибудь не повѣрить ему, когда онъ такъ, какъ г. Булгаринъ, станетъ твердить намъ: «*Я* составилъ собственную свою систему и методу изложенія:—*Я* ввелъ въ *мою* Русскую исторію *всѣ важнѣйшія* всемірныя событія:—*Я* представилъ *полные* очерки Вѣры, законодательства, Правленія, Управленія, нравовъ и обычаевъ различныхъ народовъ, бывшихъ въ прямыхъ или косвенныхъ сношеніяхъ съ нашими предками... *Я* сдѣлалъ то, что въ моей книгѣ «*каждая* эпоха представляется въ своемъ подлинномъ характерѣ, причины объясняются *сами собою*, а послѣдствія ведутъ всякаго къ собственнымъ заключеніямъ. Читатель *поневолѣ долженъ* думать, разсуждать и поучаться.—*Я* открылъ въ историческихъ источникахъ *новыя стихіи*, *новыя* качества и свойства. Многое, что до *меня* почиталось истиннымъ, кажется лишь ложнымъ, или сомнительнымъ, многое, что считалось ложнымъ, или сомнительнымъ, не заслуживающимъ вниманія принято мною или за истинное, или за важное вспомогательное или за достойное особеннаго вниманія. Для отысканія истины, *я* употреблялъ *всѣ* извѣстныя средства и *всѣ* системы, призвавъ *здравый смыслъ* на помощь памяти и науки»... Дальше слѣдуютъ выписки изъ книги Булгарина въ такомъ же родѣ[1])... *Я* устраняю всѣ безхарактерныя событія и избираю только тѣ, которыя имѣли вліяніе на судьбу народа и государства. *Дѣло велъ я совѣстно*».

Хотя въ послѣднемъ никто не сомнѣвается—говоритъ Бо-

---

[1]) Подробная выписка изъ статьи О. М. Бодянскаго сдѣлана А. А. Котляревскимъ. См. Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 135—539.

дянскій съ ироніей, конечно, но если бы авторъ «Россіи» могъ выполнить и десятую долю того, что обѣщаетъ въ Введеніи, то вся книга его была бы первенствующею между историческими сочиненіями не только въ нашей, не довольно еще богатой самостоятельными трудами литературѣ, но и во всѣхъ древнихъ, новыхъ и допотопныхъ... Теперь вѣковыя задачи ума рѣшены. «Я не хотѣлъ, говоритъ почтенный авторъ, чтобы *мои* читатели, занимаясь *моею* Русскою исторіею, заглядывали въ другія книги, вчтобы они припоминали читанное, справлялись или поучались въ другихъ авторахъ». Альфа и омега человѣческаго разумѣнія! Имѣя такую книгу, мы можемъ уже безъ всякой потери оставить въ покоѣ всѣ другія книги и замѣнить ихъ однимъ сочиненіемъ Булгарина: читатели *поневолѣ должны будутъ думать, разсуждать и поучаться*, за что не брались ни логика, ни математика. Такова-то наша ручная книга для русскихъ всѣхъ сословій!!!

Но оставимъ шутки. Скажите, ради Бога, случалось ли кому-нибудь на Руси читать подобныя объявленія? За кого насъ принимаютъ, думая увѣрить, что мы... но пусть говоритъ самъ г. Булгаринъ: «прежде нежели я принимаю показанія писателей *древнихъ, среднихъ вѣковъ и новаго времени*, я разсматриваю: 1) кто онъ былъ; 2) какъ былъ образованъ; 3) къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи; 4) гдѣ писалъ и подъ какими условіями или вліяніемъ; 5) въ какихъ отношеніяхъ находился къ народу, котораго событія описывалъ; 6) какими источниками пользовался; 7) былъ ли самовидцемъ, или писалъ по слухамъ; 8) въ чьихъ рукахъ хранилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея»... Г. Булгаринъ основывается, напримѣръ, на Геродотѣ, Страбонѣ, Тацитѣ, Птолемеѣ, Цезарѣ: легко жъ ли это ему было доискаться о каждомъ изъ нихъ: кто онъ былъ? какъ былъ образованъ? къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи, и въ чьихъ рукахъ находилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея? когда этого не могли привести въ ясность и

всѣ совокупныя усилія европейскихъ филологовъ! Удобно ли ему было заниматься византійскими историками и западными латинскими лѣтописцами, когда въ одно и то же время онъ писалъ и издавалъ Выжигиныхъ, Чухиныхъ и еще кое-что въ этомъ родѣ! Обращаюсь, говоритъ Бодянскій, съ этимъ вопросомъ ко всѣмъ 2656 подписчикамъ, выставленнымъ въ концѣ 1-й части. И потому, прежде нежели начнутъ читать Булгарина, пусть они сами послѣдуютъ его благоразумному примѣру и разберутъ его собственные вопросы... Просмотрѣвъ такимъ образомъ сочиненіе, каждый уже будетъ знать, какое мѣсто дать ему въ ряду историческихъ сочиненій» [1]).

Въ своей критической статьѣ Бодянскій обращаетъ главное вниманіе на исторію славянъ и старается разсмотрѣть, какими источниками пользовался Булгаринъ и какъ онъ ими пользовался? Выводы получились самыя неблагопріятныя: неправильное толкованіе источниковъ, странныя заключенія, отсутствіе ссылокъ на авторовъ... «Незнакомый съ твореніями писателей, говоритъ Бодянскій, подумаетъ, что все, насказанное въ нихъ О. В. составляетъ его *благопріобрѣтенную* собственность, добытую кровными трудами, честнымъ, и, выражаясь его же словами, *совѣстнымъ* образомъ. Кто такъ *совѣстно ведетъ свое дѣло*», у кого такое «крайнее разумѣніе», тотъ можетъ «не жалѣть времени для сохраненія воспоминаній о подвигахъ principis terrarum populi, можетъ надѣяться, что въ толпѣ историковъ имя его *озарится славою*, не мучить себя «блескомъ и величіемъ своихъ счастливыхъ совмѣстниковъ». Вѣдь и его подвигъ «*стоилъ* ему *много труда, времени и терпѣнія*». Какъ не скажешь послѣ этого съ Гораціемъ: Nil hominibus arduum est» [2])!

Статья Бодянскаго заканчивается словами: «переходимъ къ разбору *второй* части «Россіи» Г. Булгарина»: но такой статьи не появлялось въ печати. Вторая статья писана уже не Бодян-

---

[1]) Московскій Наблюдатель, 1837 г., апрѣль, кн. I. Критика. стр. 398—400.

[2]) Тамъ-же, стр. 422.

скимъ, а И. Кумеровымъ и посвящена статистикѣ Россіи. Продѣлка Ѳ. Булгарина была въ это время разоблачена, и И. Кумеровъ говоритъ о Булгаринѣ только какъ о *хозяинѣ* книги, авторомъ же называетъ Иванова[1]). Отзывъ И. Кумерова, въ общемъ, довольно благопріятенъ для книги Иванова.

Хотя замѣчанія Бодянскаго по существу книги, изданной Булгаринымъ, должны относиться собственно къ Иванову (кромѣ, конечно введенія, которое цѣликомъ написано Булгаринымъ), но такъ какъ авторство его не было извѣстно, то вся статья была направлена противъ Булгарина и произвела очень сильное впечатлѣніе въ обществѣ, особенно послѣ того, какъ Крузе разоблачилъ исторію книги. Мы уже знаемъ, что современники разсказывали, будто бы эта то статья собственно и выдвинула О. М. Бодянскаго и доставила ему кафедру въ университетѣ [2]). Но это положительно не вѣрно. Факты говорятъ, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ другое.

---

[1]) Московскій Наблюдатель. 1837 г., ч. XII. іюнь. Критика стр. 326 и слѣд.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 435.

VI.

Ученая командировка О. М. Бодянскаго заграницу. Начало профессорской дѣятельности О. М. Бодянскаго. Отзывы слушателей объ О. М. Бодянскомъ, какъ профессорѣ.

Несомнѣнно, еще когда О. М. Бодянскій былъ студентомъ, Каченовскій и Погодинъ предназначали его къ профессурѣ. Все, по крайней мѣрѣ, говоритъ за это. Погодинъ отмѣтилъ Бодянскаго въ своей рѣчи, сказанной студентамъ при окончаніи ими университета и рекомендовалъ его Шафарику, какъ человѣка посвятившаго себя наукѣ; у Каченовскаго Бодянскій написалъ, какъ мы уже знаемъ, нѣсколько работъ, появившихся въ печати еще до магистерскаго экзамена Бодянскаго. Понятенъ станетъ, поэтому, тотъ интересъ, который отзывчивый попечитель московскаго учебнаго округа того времени графъ Строгановъ обнаружилъ къ Бодянскому. Онъ, мы знаемъ, присутствовалъ даже на магистерскомъ экзаменѣ послѣдняго. Не статья, поэтому, противъ Булгарина выдвинула Бодянскаго и доставила ему каѳедру въ московскомъ университетѣ, а его научныя занятія и тотъ упорный трудъ, которымъ всегда, всю свою жизнь отличался О. М. Бодянскій [1]).

---

[1]) Жизнь и Труды Погодина т. V, стр. 99 Вѣст. Евр. 1896 г. іюль, стр. 190—193.

Послѣ защиты Бодянскимъ диссертаціи на степень магистра, былъ поставленъ вопросъ объ его командировкѣ заграницу. Гр. Строгановъ предложилъ О. М. Бодянскому составить предварительно планъ своего путешествія, и Бодянскій представилъ по этому поводу обширную записку, которая сдѣлалась потомъ чуть ли не руководствомъ при отправленіи молодыхъ людей заграницу для подготовленія къ профессорскому званію. Основныя положенія ея министерство, по крайней мѣрѣ, сообщило два руководства попечителямъ учебныхъ округовъ [1]).

Бодянскій намѣтилъ для себя широкій планъ путешествія, который собирался выполнить въ два года. Онъ задумалъ посѣтить нѣкоторыя мѣста Австріи, Германіи, Турціи, Италіи и затѣмъ Варшаву [2]). Строгановъ поддержалъ его намѣреніе и исходатайствовалъ ему по 4 тыс. рублей въ годъ, на томъ основаніи, что «Бодянскій, какъ видно изъ плана, долженъ будетъ дѣлать излишніе издержки на переѣзды изъ одного мѣста въ другое, для полученія свѣдѣній, для которыхъ отправляется» [3]). Непремѣннымъ условіемъ командировки Бодянскаго министерство народнаго просвѣщенія поставило, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, чрезъ каждые 4 мѣсяца давалъ отчетъ министру о ходѣ своихъ занятій. Изъ этихъ отчетовъ два было помѣщено впослѣдствіи въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, одинъ отъ 23 марта 1838 года въ XVIII томѣ и другой отъ 1-го февраля 1839 года въ XXIII томѣ.

14 октября 1837 года Бодянскій выѣхалъ изъ Москвы заграницу. Но онъ не спѣшилъ туда, а по дорогѣ заѣхалъ въ Переяславль, затѣмъ остановился въ Кіевѣ. Съ разрѣшенія полтавскаго архіерея Гедеона Бодянскій осмотрѣлъ переяславскую семинарскую библіотеку. Онъ зналъ ее хорошо еще за время своего

[1]) Вѣстн. Евр. 1896 г. іюль, стр. 194—195. Славянское Обозрѣніе 1892 г. ноябрь-декабрь, стр. 296.

[2]) Біографическій словарь профессоровъ Московскаго унив. ч. I, стр. 92—93.

[3]) Подробности объ этомъ см. Вѣстникъ Европы 1896 г., іюль, стр. 192—194.

ученія и не думалъ ничего найти въ ней замѣчательнаго, какъ вдругъ нежданно-негаданно открылъ въ ней два евангелія XVI вѣка. Одно изъ нихъ—была извѣстная пересопницкая рукопись, позже довольно подробно описанная П. И. Житецкимъ [1]). Вотъ что писалъ Бодянскій Погодину изъ Кіева отъ 3 ноября подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ своей интересной находки: «оба памятника на прекраснѣйшемъ пергаментѣ и писаны прекраснѣйшимъ уставомъ; послѣднее (евангеліе), по языку и по другимъ палеографическимъ и археологическимъ примѣтамъ, писано на языкѣ болгарскомъ и находилось прежде въ Сучавѣ: съ Остромировымъ евангеліемъ, судя по напечатаннымъ изъ него отрывкамъ, самое разительное сходство. Но что всего важнѣе, что должно обрадовать не только васъ, но и всѣхъ прочихъ славянофиловъ, что, наконецъ, рѣшаетъ окончательно и, кажется, навсегда положительно вопросъ: на какой языкъ переведено было Св. Писаніе Кирилломъ и Мефодіемъ? Это первое евангеліе, замѣчательно еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ! Въ послѣсловіи сказано, что это евангеліе, «**выложено изъ языка Блъгарского на мовь Роускоую**». Итакъ, вотъ вамъ слова переводчика, на какомъ славянскомъ языкѣ прежде всего хвалили наши праотцы Бога. Подъ языкомъ русскимъ здѣсь должно разумѣть языкъ южнорусскій (малороссійскій), какъ видно изъ самаго перевода: вотъ второй пунктъ важности этого евангелія. До сихъ поръ мы не знали, что Св. Писаніе, по крайней мѣрѣ, евангеліе было переведено также и на малорусскій языкъ: въ этомъ уже одномъ отношеніи, если бы не было даже перваго пункта, евангеліе это драгоцѣнно, какъ единственный по сю пору памятникъ перевода св. писанія на южно-русскій языкъ, памятникъ южно-русскаго языка XVI столѣтія, времени образованія козачества и московскаго государства и пр. и проч. и проч.: тутъ бездна соображеній! Въ 3-хъ: въ этомъ евангеліи находятся изображенія четырехъ евангелистовъ, весьма хорошія и важныя для исторіи художества въ Южной Россіи и вообще. Наконецъ, въ 4-хъ: изъ подписи на первыхъ ли-

---

[1]) Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ. 1876.

стахъ видно, что храмъ, въ которомъ это евангеліе прежде находилось, построенъ Мазепой, а храмъ этотъ чрезвычайно замѣчателенъ въ Южной Россіи» [1]). Эти мысли, набросанные наскоро, были потомъ нѣсколько подробнѣе развиты Бодянскимъ въ письмѣ къ Погодину отъ 12—24 апрѣля 1838 года [2]) и въ «Донесеніи г. министру народнаго просвѣщенія отъ 23 марта 1838 года», напечатанномъ въ 18 томѣ «Журнала Министерства Народ. Просвѣщенія» за 1838 годъ [3]).

Въ Кіевѣ Бодянскій пробылъ нѣсколько дней, осмотрѣлъ библіотеку Михайловскаго монастыря, но не успѣлъ ничего тамъ списать и занятія въ ней отложилъ до своего возвращенія изъ заграницы. Тогда же онъ надѣялся осмотрѣть Печерскую библіотеку «и многія другія,» писалъ онъ Погодину, особенно частныя, книгохранилища на Волыни, Подолѣ и Украинѣ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, равно какъ и бѣлорусскія, гдѣ думаю найти для себя большую поживу: въ этомъ я увѣренъ до нельзя» [4]). Замысламъ Бодянскаго не суждено было, однако, осуществиться.

Изъ Кіева Бодянскій выѣхалъ 3 ноября 1837 г. и безъ остановки направился въ Прагу. Перваго декабря 1837 года въ 6 ч. вечера онъ былъ въ чешской столицѣ. Остановившись въ гостинницѣ, Бодянскій не отдохнулъ даже, а чрезъ полчаса былъ уже у Шафарика. Мы знаемъ, что литературныя отношенія между ними начались еще раньше, поэтому неудивительно, что знаменитый чешскій ученый принялъ Бодянскаго съ распростертыми объятіями, какъ своего стараго знакомаго [5])...

Въ задачу нашу не входитъ подробная біографія О. М. Бодянскаго. Мы, поэтому, не будемъ подробно останавливаться на его заграничномъ путешествіи и его работахъ по изученію сла-

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей 1879 г. кн. I. Письма О. М. Бодянскаго къ Погодину, стр. 1—2.

[2]) Тамъ-же, стр. 37—40.

[3]) Стр. 282—404.

[4]) Письма къ Погодину (Чтенія 1879 г., кн. I) стр. 39—41.

[5]) Тамъ же стр. 6 и слѣд.

вянъ. Чрезвычайно интересный матеріалъ для этого представляютъ, помимо оффиціальныхъ донесеній Бодянскаго министру народнаго просвѣщенія, о которыхъ мы уже упоминали, еще и письма Бодянскаго къ Погодину. Въ нихъ почти шагъ за шагомъ описывались научныя занятія и работы Бодянскаго, высказывались различныя мнѣнія, соображенія, ставились вопросы о разныхъ событіяхъ научнаго значенія въ Россіи. Бодянскій чрезвычайно любилъ переписку. Письма его часто такъ обширны и обстоятельны, что напоминаютъ собой реляціи или являются настоящими научными трактатами.

Въ Прагѣ Бодянскій пробылъ около 10 мѣсяцевъ и здѣсь близко сошелся съ Шафарикомъ и подчинился его научному вліянію и авторитету. «Шафарикъ для меня, писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ Погодину—цѣлая Академія: ему я болѣе всего обязанъ, и сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь могъ мнѣ такъ пригодиться, какъ онъ. Шафарикъ равно силенъ и какъ дома во всѣхъ частяхъ славянщины; это цѣлая библіотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о славянахъ» [1]). Такъ смотрѣлъ О. М. Бодянскій на Шафарика до конца своихъ дней. Сдѣлавшись профессоромъ, Бодянскій труды Шафарика положилъ въ основу своихъ лекцій и требовалъ отъ студентовъ изученія его сочиненій [2]).

Заграницей О. М. Бодянскій пробылъ около пяти лѣтъ, но выполнить намѣченнаго плана далеко не успѣлъ. Причиной этому была болѣзнь, едва не сведшая его въ могилу. Ревматизмомъ Бодянскій началъ страдать еще въ семинаріи, проболѣлъ года три, затѣмъ совсѣмъ исцѣлился, такъ что во время семилѣтняго пребыванія въ Москвѣ болѣзнь не давала себя чувствовать. Въ Чехіи же обнаружился ея бурный приступъ [3]). Бодянскій долженъ былъ лѣчиться водами, что надолго приковывало его къ одному мѣсту и мѣшало его работамъ. Ревматизмъ сдѣлалъ изъ Бодянскаго калѣку на всю жизнь...

---

[1]) Письма къ Погодину, стр. 24.

[2]) С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь, томъ V, стр. 61—62. Н. Ф. Сумцовъ. Изъ исторіи славянскаго общенія. Славянское Обозрѣніе 1892 г. іюль-августъ стр. 345.

[3]) Письма къ Погодину, стр. 67.

Если, несмотря на болѣзнь, Бодянскій все-таки многое сдѣлалъ изъ того, что онъ намѣчалъ, этимъ онъ былъ всецѣло обязанъ своему удивительному трудолюбію и работоспособности. Уже подъ конецъ путешествія Бодянскаго по славянскимъ землямъ, когда онъ былъ на пути въ Россію, съ нимъ въ апрѣлѣ 1842 г. встрѣтился въ Бреславлѣ И. И. Срезневскій. Они отправились вмѣстѣ въ Познань, жили въ одной комнатѣ и работали вмѣстѣ, затѣмъ вмѣстѣ переѣхали въ Варшаву и въ Вильну, и отсюда же разъѣхались: Бодянскій—въ Москву, Срезневскій—на югъ, знакомиться съ бѣлоруссами. Въ Варшавѣ и Вильнѣ оба слависта жили въ сосѣднихъ комнатахъ и видѣлись часто. Это дало возможность И. И. Срезневскому близко наблюдать работу О. М. Бодянскаго. «Всюду, говоритъ онъ, гдѣ мы останавливались, Бодянскій находилъ себѣ работу, и работалъ изо дня въ день цѣлый день, вставая рано и ложась поздно. Особенно онъ занимался выписками изъ рукописей, которыя мы получали на домъ: что онъ выписывалъ, я, большею частію, не зналъ, но выписывалъ онъ цѣлыми тетрадями. Позже оказалось—для чего онъ дѣлаетъ выписки, хотя едва ли и доселѣ не осталось многое имъ выписанное безъ употребленія» [1]).

Подъ руководствомъ Шафарика, Бодянскій въ первые четыре мѣсяца своего пребыванія въ Прагѣ занимался изученіемъ стараго и новаго чешскаго языка, верхне- и нижне-лужицкаго, исторіи ихъ литературъ и народовъ: затѣмъ занятія его сосредоточились на изученіи въ подлинникахъ древнечешскихъ литературныхъ памятниковъ. Проведши лѣто на водахъ въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, сентябрь Бодянскій употребилъ на переѣзды по Чехіи для наблюденія надъ живымъ чешскимъ языкомъ въ устахъ народа, а въ октябрѣ переѣхалъ въ Моравію, гдѣ посѣтилъ Ольмюцъ, Брно и Райградъ, знакомясь съ научными и обществен-

---

[1]) *И. И. Срезневскій.* На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи Спб. 1878 (Сборникъ Отдѣленія рус. яз. и словес. Императ. Академіи Наукъ т. XVIII, № 6, стр. 35).

ными дѣятелями славянъ и съ нѣкоторыми изъ памятниковъ. Изъ Райграда Бодянскій переѣхалъ въ Вѣну, затѣмъ въ Венгрію, остановился на нѣкототорое время въ Пресбургѣ, затѣмъ чрезъ сѣверные комитаты прибылъ въ Пештъ, гдѣ провелъ зиму и начало весны. Судя по письму Бодянскаго къ Погодину отъ 29 апрѣля 1839 года дальнѣйшій планъ его былъ такой [1]). Въ срединѣ мая Бодянскій собирался проѣхать въ южную Венгрію и въ Сербію и пробыть тамъ до конца іюня, затѣмъ осмотрѣть Славонію и чрезъ Хорватію и Штирію пріѣхать въ Вѣну для свиданія съ Погодинымъ. Съ Погодинымъ Бодянскій предполагалъ снова проѣхать въ Пресбургъ и Пештъ, августъ и сентябрь посвятить путешествію по сѣверной и восточной Венгріи, т. е. посѣтить словаковъ и прикарпатскихъ русиновъ, затѣмъ Галицію, и чрезъ Краковъ и Вѣну пробраться на осень въ Каринтію, Крайну, Фіуме, Далмацію и Черногорію, а на зиму въ Римъ... Но обстоятельства сложились иначе. Въ началѣ мая снова повторился тяжелый приступъ ревматизма, и Бодянскій вмѣсто предположеннаго путешествія долженъ былъ надолго, на цѣлый годъ, засѣсть въ австрійской Силезіи въ Фрельвальдау близъ Грефенберга [2]).

Это коренным образомъ измѣнило первоначальные планы Бодянскаго. Къ южнымъ славянамъ онъ уже не поѣхалъ [3]), а долженъ былъ подумать о скорѣйшемъ возвращеніи на родину. По

---

[1]) Письма къ Погодину, стр. 100.

[2]) Письма Бодянскаго къ Погодину въ Чтеніяхъ Общ. ист. и древностей. 1879 г. кн. I стр. 104 и слѣд.

[3]) Въ біографіи Бодянскаго, написанной проф. Н. Ф. Сумцовымъ и помѣщенной въ Критико-біографическомъ словарѣ С. А. Венгерова (кн. V стр. 54) сказано, что Бодянскій посѣтилъ земли южныхъ славянъ, Сербію и Болгарію. Это невѣрно. Къ сожалѣнію, мы должны вообще сказать, что, несмотря на почтенное имя автора, біографія Бодянскаго, составленная проф. Н. Ф. Сумцовымъ, изобилуетъ довольно большимъ числомъ фактическихъ ошибокъ и невѣрностей. Отзывъ Бодянскаго о сборникѣ Коллара отнесенъ, напримѣръ, ко времени пребыванія Бодянскаго въ семинаріи, указанъ подъ 1831 годомъ (стр. 65) и т. д.

пути въ Россію Бодянскій посѣтилъ земли лужицкихъ славянъ, занимался въ Бреславлѣ, Познани, Варшавѣ и Вильнѣ. Въ началѣ сентября 1842 г. Бодянскій былъ въ Москвѣ. Каченовскій въ то время уже умеръ, и Бодянскій долженъ былъ занять его каѳедру.

9 сентября 1842 года Бодянскій вступилъ на каѳедру исторіи и литературы славянскихъ народовъ. У насъ нѣтъ свѣдѣній объ его вступительной лекціи и объ его первоначальномъ курсѣ, хотя Бодянскій, по своему обыкновенію, все подробно описалъ въ своемъ письмѣ къ Шафарику. Послѣдній, по крайней мѣрѣ, вотъ что писалъ Погодину, путешествовавшему въ то время по Европѣ. «Другъ Бодянскій написалъ мнѣ письмо о началѣ своего учебнаго курса: о ходѣ литературы и проч., что меня очень порадовало. Только мнѣ показалось, что его воображеніе нѣсколько поразгорячилось, что я приписалъ его молодости. Онъ говоритъ тамъ о видахъ, о которыхъ я ничего не знаю и знать не желаю. Вы знаете, что я простой, сухой грамматикъ, антикварій и филологъ, и почти о другомъ не знаю и ничего знать не хочу. Хотя я ему въ вину не ставлю подобныя экстравагантности и модныя мечтанія и фантазію ради его молодости, но другіе, читая его письма, могутъ понять иначе ихъ и дать имъ иное толкованіе. Если бы я стоялъ къ нему ближе и былъ съ нимъ довѣрчивѣе, то сказалъ бы ему по сербски: da ne luduje!» [1]).

Вступленіе Бодянскаго на каѳедру Погодинъ, какъ мы уже знаемъ, встрѣтилъ съ большой радостью. Когда онъ возвратился изъ путешествія и въ первый разъ увидѣлъ Бодянскаго на каѳедрѣ, онъ обнялъ его, поцѣловалъ въ присутствіи всей аудиторіи и сказалъ: «Слава Богу! Цѣль наша достигнута. Славяновѣдѣніе водворено въ Первопрестольной, а чрезъ нее и въ цѣлой, дастъ Богъ, Россіи» [2])...

О профессорской дѣятельности Бодянскаго, равно какъ и о дѣятельности въ университеской коллегіи извѣстно очень мало [3]).

---

[1]) и [2]) Жизнь и труды Погодина т. VI стр. 373.

[3]) О содержаніи отдѣльныхъ курсовъ Бодянскаго по славяновѣдѣнію даетъ краткія свѣдѣнія И. И. Срезневскій (На память о Бодянскомъ и пр. стр. 36—37).

Среди студентовъ Бодянскій, кажется, первоначально не пользовался популярностью. Онъ принадлежалъ къ кружку Погодина, «Москвитянина», славянофиловъ и, конечно, не могъ находить сочувствія среди западниковъ, которые являлись въ то время проводниками новыхъ, свѣжихъ идей въ русское интеллигентное общество. Особенно много повредило Бодянскому въ глазахъ передовой молодежи его участіе въ диспутѣ Грановского въ качествѣ оппонента. Бодянскій былъ противникомъ допущенія къ защитѣ диссертаціи Грановскаго о древнихъ городахъ: «Волинѣ, Іомсбургѣ и Винетѣ» и на диспутѣ довольно рѣзко и необычайно, по общему отзыву, грубо высказывалъ свои возраженія. Это вызвало сочувственную демонстрацію къ пользовавшемуся большою популярностью въ обществѣ Грановскому, и враждебную—Бодянскому. Кругомъ послышалось шипѣніе и, наконецъ, свистъ. Бодянскій съ Шевыревымъ попробовалъ обратиться къ студентамъ словами: «это не театръ!», но на это имъ отвѣтили такимъ свистомъ и шипѣніемъ, что нельзя было ничего разслышать [1]). По этому поводу Герценъ, являвшійся выразителемъ настроенія тогдашней молодежи, писалъ, что диспутъ Грановскаго «былъ публичнымъ и торжественнымъ пораженіемъ славянофиловъ и публичной оваціей Грановскому. Нападки были дѣланы съ невѣроятною дерзостью, съ цинизмомъ грубымъ до отвратительности. Грановскій отвѣчалъ тихо, спокойно, кротко, вѣжливо, улыбаясь; нравственно оппоненты были уничтожены имъ. Но толстая шкура ихъ не поняла бы этого. Другой голосъ посильнѣе осудилъ ихъ. Грановскій былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій, каждое слово Бодянскаго награждалось всеобщимъ шиканьемъ. Изъявленія эти были такъ сильны и энергичны, что никто и не думалъ останавливать ихъ. Сверхъ дерзости въ выраженіяхъ, гнусныя продѣлки Шевырева, Бодянскаго и другихъ были извѣстны всей публикѣ, на нихъ смотрѣли съ омерзѣніемъ» [2]) Погодинъ также

---

[1]) Русская Старина 1886 г. августъ (Воспоминанія А. Н. Афанасьева) стр. 381—382.

[2]) Сочиненія А. И. Герцена т. I стр. 267—268.

находилъ рѣчь Бодянскаго неприличной, по формѣ [1]), а Хомяковъ писалъ Ю. Ф. Самарину въ Петербугъ, что Шевыревъ и Бодянскій попались въ просакъ [2]). Словомъ, мнѣніе было общее, и мнѣніе далеко не въ пользу Бодянскаго. Не мудрено, поэтому, что человѣкъ, бывшій въ то время студентомъ, извѣстный авторъ «Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу» А. Н. Афанасьевъ далъ въ 1855 году довольно рѣзкую и неблагопріятную характеристику О. М. Бодянскаго какъ профессора: «Филологъ онъ весьма не дорогой, говоритъ Афанасьевъ о Бодянскомъ; съ позднѣйшими учеными пріемами вовсе не знакомъ, и лекціи его никогда не отличались большими достоинствами. Славянскія нарѣчія онъ, конечно, знаетъ, но знанія эти не ведутъ ни къ чему; самъ же онъ говоритъ такимъ страннымъ и неправильнымъ языкомъ, что въ немъ какъ будто слышишь отголоски всѣхъ славянскихъ нарѣчій, слившихся воедино ради вавилонскаго смѣшенія. Упрямый, нѣсколько грубый, онъ вдобавокъ еще сильно косъ, весьма необтесанъ и фигурою своею живо напоминаетъ Собакевича, который непремѣнно на что-нибудь наступитъ или что-нибудь зацѣпитъ; входя въ комнату, онъ страшно топаетъ своими аляповатыми сапогами, подбитыми желѣзными гвоздями. Эти сапоги, кажется, работаетъ ему не сапожникъ, а развѣ плотникъ. Людей угадывать и опредѣлять ихъ талантливость онъ далеко не мастеръ» [3]).

Зато совсѣмъ другую, почти восторженную характеристику даетъ одинъ изъ послѣднихъ, по времени, учениковъ Бодянскаго одесскій профессоръ-славистъ А. А. Кочубинскій [4]).

Характеристика эта относится къ болѣе позднему времени, къ срединѣ 60-хъ годовъ. Старое въ это время было уже позабыто. Полное достоинства поведеніе Бодянскаго въ 1848 году, когда надъ нимъ стряслась бѣда по поводу изданія сочиненія Флетчера, затѣмъ борьба съ Катковымъ и Леонтьевымъ не могли, ко-

---

[1]) Жизнь и труды Погодина т. VIII стр. 45.

[2]) Рус. Архивъ 1879 г. № 11 стр. 317.

[3]) Рус. Старина. 1886 г. августъ стр. 390—391.

[4]) Славянское Обозрѣніе 1892 (ноябрь—декабрь) стр. 291—293.

нечно, не вызывать сочувствія и симпатій къ Бодянскому у молодежи...

«Кто изъ студентовъ верховнаго нашего университета, московскаго, 50-хъ и 60-хъ годовъ, говоритъ А. А. Кочубинскій, не сохранилъ въ своей памяти любезное воспоминаніе о профессорѣ Бодянскомъ—проще—объ «Осипѣ Максимовичѣ», какъ онъ обыкновенно титуловался въ сношеніяхъ товарищей между собою при соблюденіи его собственнаго малорусскаго произношенія его имени—изъ постоянныхъ или случайныхъ посѣтителей исторической «Словесной малой» аудиторіи, на первомъ мѣстѣ изъ присяжныхъ словесниковъ, на второмъ—любителей юристовъ?...

Въ понедѣльникъ, среду и субботу, съ ударомъ двѣнадцати часовъ подъѣзжалъ къ крыльцу Новаго Университета извощикъ по не «ванька», и изъ дрожекъ, не безъ большихъ усилій, выкарабкивался грузный небольшой человѣкъ, а если дѣло было зимою, то съ цѣлою серіей шубъ и «епанчей» вокругъ своего туловища и подпоясанный поверхъ всего простымъ ямщичьимъ кушакомъ, съ красными и зелеными полосками. Проходило нѣсколько минутъ, пока старикъ швейцаръ распоясывалъ и освобождалъ прибывшаго отъ его тяжелыхъ пеленъ, въ которыхъ онъ былъ словно младенецъ въ колыбели. Это былъ Бодянскій, прибывшій на свои двухчасовые, безъ перерыва, славянскія лекціи то славянскихъ нарѣчій, то сравнительной грамматики ихъ, то славянскихъ древностей, шедшія въ теченіи четверти вѣка почти безъ перемѣны въ одномъ и томъ же порядкѣ: отъ языка къ исторіи, и также въ теченіе четверти вѣка—обязательно для цѣлаго состава студентовъ словеснаго факультета, за исключеніемъ еще недозрѣлыхъ—перваго курса. Освобожденный отъ своихъ многочисленныхъ покрововъ (обязательное ношеніе которыхъ для студентовъ, конечно, было непонятно и скорѣе всего разсматривалось какъ одно изъ профессорскихъ чудачествъ южанина, попавшаго на сѣверъ), Бодянскій только изрѣдка заходилъ въ профессорскую, а прямо сворачивалъ изъ прихожей направо-кругомъ въ корридоръ, сначала широкій, потомъ узкій, полутемный, съ асфальтовыми полами, ведшій его въ его святилище славян-

ское—«Словесную малую». Медленное, неповоротливое, неправильное движеніе большого, широкого туловища на крупныхъ ногахъ съ особенными ступнями въ видѣ колодокъ, съ значительными покачиваніями налѣво и направо, громко раздавалось по асфальтовому полу, студенты заботливо сторонились. Случалось, что профессоръ шелъ въ сопровожденіи спутника, съ такими же неизящными и медленными движеніями ногъ и съ такой же особенной формой самихъ ногъ: это былъ профессоръ Бѣляевъ. Тогда каждый шагъ еще звучнѣе разносился подъ звонкими арками корридоровъ, причемъ звукъ отъ тяжелой походки временами мѣшался съ хихиканьемъ сладко ухмыляющагося или говорящаго Бодянскаго. Слушатели тихо слѣдовали сзади, но нельзя сказать, чтобы особенно охотно: съ особеннымъ чувствомъ взирали они за захлопнувшеюся дверью, словно захлопнувшеюся на цѣлую вѣчность.

Но вотъ профессоръ на каѳедрѣ, съ нѣкоторымъ усиліемъ взобравшись на нее. Изъ-за высокой каѳедры предъ слушателями немногочисленными, выдвинулась громадная голова на небольшой широкой шеѣ, заботливо повязанной чернымъ шелковымъ платкомъ большихъ размѣровъ или широкой атласной полосой, съ негустою растительностью на головѣ, по серединѣ съ зачесанными на вискахъ волосами впередъ гребнемъ, съ большими, но расходящимися, добрыми глазами, причемъ одинъ былъ поврежденъ, съ широкимъ большимъ хохлацкимъ носомъ, бритое лицо, но съ щетинистыми, топырящимися въ разныя стороны большими усами. Предъ слушателями былъ настоящій «запорожськiй козакъ» на каѳедрѣ.

И свой, словесникъ, и чужакъ, юристъ или натуралистъ, знали Бодянскаго, т. е. слыхали объ его необыкновенной учености, что онъ столбъ науки на факультетѣ, объ его семинарской страсти къ диспутаціи; знали, что ни одинъ почти университетскій диспутъ, ниже медицинскаго характера, не обходился безъ участія Бодянскаго, безъ выпускаемой имъ въ дѣло кучи, какъ изъ рога изобилія, прибаутокъ, пословицъ, поговорокъ на всевозможныхъ языкахъ міра, нерѣдко мѣткихъ, какъ бритва,—Бодянскаго, счастливаго, довольнаго тогда: объ его рѣдкомъ добродушіи, незлобивости,

Ruthenisches Seminar an der Universität Czernowitz

мягкомъ украинскомъ сердцѣ, неподкупной честности, прямотѣ и рѣдкой твердости характера, не дозволявшаго никогда, ни при какихъ условіяхъ, ни малѣйшаго компромисса: заставлявшаго его непоколебимо, упрямо, по-хохлацки стоять на своемъ, если что разъ признано было имъ справедливымъ. Можно спорить смѣло, безъ опасенія впасть въ преувеличеніе, что едва ли кто когда-либо былъ изъ студентовъ московскаго университета, кто объ ученомъ, добромъ, хотя и угрюмомъ на видъ, благородномъ Бодянскомъ думалъ худо. Это былъ крупный, типичный профессоръ, характерный, типичный человѣкъ. Но также можно утверждать, что едва ли кто изъ нихъ зналъ, что Бодянскій, кромѣ этой симпатичной, такъ сказать, своей наличности, имѣлъ за собою еще одну историческую черту—что при оффиціальномъ признаніи славянской науки въ Россіи университетскимъ уставомъ 1835 года онъ явился, какъ первый магистръ новой славянской каѳедры въ русскихъ университетахъ, первый съ новою ученою степенью «камнемъ, егоже зиждущеи не вреду положиша», что его энергіи, его рѣшимости новая славянская каѳедра обязана своимъ быстрымъ осуществленіемъ. Да, не будь Бодянскаго, этого семинариста изъ переяславской на Днѣпру бурсы, потомъ замѣченнаго ученика Погодина и Каченовскаго въ московскомъ университетѣ первой половины тридцатыхъ годовъ, погнаннаго въ Москву жаждою знанія съ мѣднымъ грошемъ въ карманѣ, кто скажетъ, какая бы судьба ожидала новоизданную университетскую каѳедру, хотя она и была предметомъ завѣтныхъ думъ уже довольно давно, дорогихъ думъ нашего историческаго министра просвѣщенія, благороднаго адмирала Шишкова».

VII.

Первый рефератъ О. М. Бодянскаго въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Упадокъ Общества. Избраніе О. М. Бодянскаго секретаремъ Общества. Заслуги Бодянскаго, какъ редактора «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ». Исторія съ изданіемъ перевода Флетчера на русскій языкъ.

Еще до поѣздки своей заграницу О. М. Бодянскій былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Но фактическое его участіе въ Обществѣ началось только по возвращеніи изъ-заграницы. 28 ноября 1842 г. Бодянскій прочиталъ въ засѣданіи Общества первый свой рефератъ: «О поискахъ моихъ въ познанской публичной библіотекѣ». Рефератъ этотъ впослѣдствіи былъ напечатанъ въ первой книжкѣ «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», вышедшей подъ редакціей О. М. Бодянскаго. «Удостоенный чести быть членомъ здѣшняго министерскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, говоритъ О. М. Бодянскій въ началѣ своего реферата, я, по случаю скораго потомъ отъѣзда своего въ путешествіе по заграничнымъ славянскимъ землямъ, не имѣлъ по сю пору, удовольствія присутствовать въ засѣданіяхъ почтеннѣйшихъ сочленовъ. Надѣюсь, со временемъ,

оправдать такое вниманіе и довѣріе ко мнѣ своими занятіями, доказать, что ожидаемое отъ меня дѣйствительно основывалось на *возможномъ*, осуществимомъ... Посѣщая племя за племенемъ нашихъ одноутробныхъ и обозрѣвая книгохранилища ихъ, я постоянно обращалъ также вниманіе и на все то, что могло прямо, косвенно, относиться къ исторіи и древностямъ русскаго народа, особенно письменнымъ, зашедшимъ туда какимъ-нибудь случаемъ, и старался извлечь изъ своего положенія возможно большую пользу». Не говоря о томъ, что удалось ему извлечь въ другихъ мѣстахъ, О. М. Бодянскій останавливается на своихъ занятіяхъ въ познанской библіотекѣ, принадлежащей гр. Эдуарду Рачинскому и составленной преимущественно «изъ многихъ частныхъ библіотекъ, принадлежавшихъ нѣкоторымъ знаменитымъ домамъ въ Литвѣ и Бѣлой Руси. Рачинскаго Бодянскій особенно хвалитъ за то, что тотъ старается «всѣми мѣрами противодѣйствовать чужеязычному натиску», что онъ «ничего не щадитъ для открытія и напечатанія памятниковъ польской старины и притомъ очень важныхъ не для однихъ поляковъ, но и прочихъ славянъ».

Въ познанской библіотекѣ Бодянскій могъ заниматься не долго, ознакомился съ ней только поверхностно, но все-таки ему удалось списать кой-что изъ рукописей. Пусть читатель припомнитъ здѣсь кстати и отзывъ И. И. Срезневскаго о занятіяхъ Бодянскаго, который былъ выше приведенъ. Рукописи, съ которыми познакомилъ О. М. Бодянскій членовъ Общества въ засѣданіи 28 ноября 1842 г., относились отчасти къ смутному времени, отчасти къ исторіи Литвы или исторіи древней повѣсти (о Гвидонѣ). Онѣ представляютъ интересъ, поэтому, какъ со стороны и историческихъ фактовъ, такъ и со стороны языка.

Активному участію Бодянскаго въ Обществѣ мѣшали на первыхъ порахъ его университетскія занятія [1]). Съ 1842 г. до 1845, онъ рѣдко выступалъ съ рефератами.

---

[1]) Чтенія въ Общ. истор. и древн. россійскихъ 1846, I.

Въ 1845 году, Бодянскій былъ избранъ въ секретари Общества.

До этого времени секретаремъ былъ М. П. Погодинъ. Дѣятельностью Погодина, видимо, члены Общества не были вполнѣ довольны и ждали только отказа. Когда же отказъ послѣдовалъ, кандидатами на должность секретаря были намѣчены П. М. Строевъ, Вельтманъ и О. М. Бодянскій. Послѣдній получилъ большинство голосовъ (6 бѣлыхъ и 2 черныхъ) и былъ избранъ [1]).

Дѣятельность О. М. Бодянскаго, какъ секретаря, составила цѣлую эпоху въ исторіи московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ.

Общество это было основано въ 1804 г. и затѣмъ въ 1823 г. преобразовано. Особымъ оживленіемъ оно не отличалось. Въ годъ избранія Бодянскаго секретаремъ былъ поднятъ вопросъ о пересмотрѣ устава. Этимъ способомъ думали оживить Общество. Въ совѣщаніяхъ по этому поводу принималъ дѣятельное участіе и О. М. Бодянскій.

Въ одномъ изъ совѣщаній старѣйшій членъ Общества того времени П. М. Строевъ, дѣлая обзоръ дѣятельности Общества за все время его существованія, пришелъ къ печальнымъ выводамъ.

Мы приводимъ здѣсь довольно большой отрывокъ изъ рѣчи Строева. Она является лучшей характеристикой положенія Общества того времени. Она же вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо оттѣняетъ и заслуги Бодянскаго въ дѣлѣ оживленія старѣйшаго въ Россіи историческаго Общества.

«Общество исторіи и древностей россійскихъ, говорилъ Строевъ, утвержденное въ 1811 году, на основаніи довольно прочномъ, по несчастнымъ обстоятельствамъ, вскорѣ пришло въ разстройство; старанія обратить его къ предположенной цѣли въ 1823 году, не имѣли успѣха; въ настоящее время (1845 г.) цѣль эта призракъ. Археографическая коммиссія собрана изъ всѣхъ

---

[1]) Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева стр. 416—417.

библіотекъ имперіи лѣтописи и важнѣйшія историческія сборники, сводитъ и издаетъ ихъ, слѣдовательно, главное занятіе наше ускользнуло отъ насъ. Она издаетъ и акты разнаго рода и имѣетъ ключъ ко всѣмъ архивамъ; мы немного успѣемъ, если удастся намъ получить изъ нихъ кой-что, въ родѣ «дѣлъ о мѣстничествѣ». Члены никогда не доставляли сочиненій и статей въ изобиліи, едва возможно было въ два года издавать по небольшому тому; апробаціонный комитетъ 1837 года уничтожилъ и послѣднее усердіе. Назначеніе платы за труды (40 р. асс.) не повело ни къ чему; самолюбіе авторовъ ищетъ обширнаго круга читателей, и потому весьма естественно, что статьи, прочитанныя въ засѣданіяхъ, напечатаны послѣ на сторонѣ. Намъ нѣтъ никакой возможности издавать журнала, если бы даже энтузіазмъ, трудолюбіе и безкорыстіе 1811 года къ намъ возвратились» [1]).

Итакъ, по словамъ П. М. Строева, московское историческое Общество въ срединѣ 1840-хъ годовъ находилось въ полномъ упадкѣ. Члены обнаруживали къ нему мало интереса; издательская дѣятельность была довольно слабой. Труды Общества появлялись только съ большими перерывами.

Въ 1845 году избирается секретаремъ Общества О. М. Бодянскій и становится редакторомъ его изданій. Сразу же картина мѣняется. Сборники, издававшіеся Обществомъ и бывшіе до тѣхъ поръ случайными, обращаются въ періодическій журналъ подъ названіемъ «Чтенія въ Императорск. Обществѣ исторіи древностей россійскихъ» [2]). Журналъ этотъ носитъ спеціальный характеръ: но онъ является чрезвычайно богатымъ и разнообразнымъ по содержанію. Конечно, все это, благодаря труду и энергіи О. М. Бодянскаго. Онъ расширилъ программу журнала, онъ сумѣлъ привлечь сотрудниковъ, сумѣлъ заставить работать членовъ Общества и самъ отдавалъ и отдалъ ему и журналу лучшія, можетъ быть, свои силы. «Взявшись за изданіе «Чтеній»,—гово-

---

[1]) Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева стр. 426—427.

[2]) Рус. Стар. 1879 г., май, стр. 207.

ритъ И. И. Срезневскій, Бодянскій придумалъ для этого повременнаго изданія такіе отдѣлы содержанія и такой порядокъ помѣщенія вносимаго, что было мѣсто всему—и изслѣдованіямъ, и описаніямъ памятниковъ, и запискамъ современниковъ прежняго и новаго времени, и всякимъ сборникамъ, и всякимъ замѣчаніямъ, всему, сколько-нибудь подходящему подъ кругозоръ вниманія Общества, какъ бы оно велико или мало ни было, въ подлинникѣ или въ переводѣ. Не могло быть помѣщено только то, что почему-нибудь Бодянскій находилъ неумѣстнымъ» [1])...

Неутомимость Бодянскаго при изданіи «Чтеній» невольно поражала всякаго. Ему самому приходилось и разыскивать матеріалы, выбирать, подбирать ихъ, самому перечитывать корректуры, хлопотать въ типографіи, наблюдать за печатаніемъ Исключительно благодаря энергіи Бодянскаго, въ «Чтеніяхъ» изданы очень обширныя сочиненія старыя и новыя, многія записки современниковъ, и подлинныя русскія, и иностранныя въ переводѣ, и сборники пѣсенъ и пословицъ, и памятники древніе и т. п. Такимъ образомъ, «Чтенія» составили библіотеку, необходимую для каждаго историка, археолога, этнографа, статистика, языковѣда, историка литературы и народной словесности, не только русской, но и западно-славянской» [2]).

Мы не можемъ перечислить здѣсь хотя бы главнѣйшихъ статей и матеріаловъ, напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ» за время редакторства О. М. Бодянскаго. Желающій можетъ обратиться къ статьѣ М. И. Семевскаго въ «Русской Старинѣ» 1879 г. (май) или къ «Указателямъ къ повременнымъ изданіямъ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ», составленнымъ И. Е. Забѣлинымъ и С. А. Бѣлокуровымъ.

Самъ О. М. Бодянскій почти всѣ свои научныя работы помѣщалъ въ «Чтеніяхъ». Исключеніемъ изъ этого явились немногія. Въ числѣ ихъ были: докторская диссертація Бодянскаго «О

---

[1]) *Срезневскій.* На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, стр. 10.

[2]) Тамъ же, стр. 40—41 и 45.

времени происхожденія славянскихъ письменъ». вышедшая въ 1855 г. отдѣльно: разборъ книги о Кириллѣ и Мефодіи, напечатанный въ «Седьмомъ присужденіи Уваровскихъ премій» (1864 г.), и рѣчь о Ломоносовѣ въ «Празднованіи столѣтней годовщины Ломоносова» (1865 г.) [1]. Полнаго списка научныхъ работъ Бодянскаго нѣтъ, такъ какъ библіографическіе указатели, его трудовъ, приведенные въ поминкѣ о Бодянскомъ И. И. Срезневскаго [2]) и въ біографіи Бодянскаго, написанной проф. Н. Ф. Сумцевымъ [3]), далеко не могутъ назваться полными. Въ нихъ вошло только главнѣйшее. Небольшія же замѣтки, возраженія, разъясненія и пр. ждутъ еще своего библіографа.

За все время своего редакторства Бодянскій издалъ *сто* книгъ «Чтеній». Хотя онъ и умеръ въ 1877 году секретаремъ Общества и редакторомъ его журнала—дѣятельность его, однако, не была непрерывной. Она прервалась въ 1848 году. До этого времени, съ сентября 1845 года, Бодянскимъ было издано 22 книжки «Чтеній» [4]). На 23-й книжкѣ, или первой въ 1848 году, изданій «Чтеній» было прервано и возобновилось только въ 1858 году, подъ редакціей того же О. М. Бодянскаго.

Поводомъ къ перерыву изданія послужила извѣстная исторія съ изданіемъ въ «Чтеніяхъ» перевода сочиненія Флетчера на русскій языкъ.

Исторія эта остается до сихъ поръ мало объясненной.

---

[1]) *Срезневскій.* На память о Бодянскомъ и пр. стр. 45—46.

[2]) *Тамъ же,* стр. 41—44.

[3]) *С. А. Венгеровъ.* Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V, стр. 65—75.

[4]) Изданіе «Чтеній» началось въ сентябрѣ 1845 года, при чемъ издательскій годъ продолжался съ мая-іюня по апрѣль. За первый годъ (1845—1846) вышло 4 книги „Чтеній“; за второй (1846—1847) —9 книгъ: за третій (1847—1848)—9 книгъ. На первой книжкѣ четвертаго года іюнь (1848 г.) изданіе было пріостановлено. См. Предисловіе къ „Указателю ко всѣмъ періодич. изданіямъ О-ва исторіи и древностей россійск.“ за 68 лѣтъ, М. 1883 г., стр. 3—4.

1848-й годъ былъ особенно тяжелъ въ русской жизни вообще и въ исторіи русской литературы въ частности. Революціонныя событія, разыгравшіяся въ Западной Европѣ, въ видѣ венгерскаго возстанія дошли до границъ Россіи и вызвали сильную тревогу въ русскихъ правящихъ сферахъ. Стали бояться революціоннаго движенія и въ предѣлахъ Россіи, и правительство обратило вниманіе, главнымъ образомъ, на университеты и печать. За послѣднею былъ учрежденъ суровый надзоръ, и начались преслѣдованія ея дѣятелей. Въ это самое время и на этомъ фонѣ и разыгралась исторія по поводу изданія перевода сочиненія Джильса Флетчера на русскій языкъ.

Англичанинъ Джильсъ Флетчеръ былъ посломъ англійской королевы Елисаветы и пріѣхалъ въ Россію при Федорѣ Ивановичѣ, вскорѣ послѣ смерти Грознаго. Въ своемъ интересномъ, по наблюденіямъ, и обстоятельномъ сочиненіи «On the Russe Common Wealth», вышедшимъ въ свѣтъ въ 1591 году, Флетчеръ нарисовалъ безотрадную картину русскаго государства и довольно непочтительно отозвался о разныхъ сторонахъ русской жизни. Въ Англіи книга вызвала переполохъ. Дѣло въ томъ, что англичане вели оживленную торговлю съ Россіей и пользовались въ ней обширными торговыми привиллегіями. Такъ какъ лондонская торговая кампанія боялась, какъ бы русское правительство не отняло, благодаря книгѣ Флетчера, у англичанъ привилегій, то ей удалось добиться у правительства сожженія книги Флетчера, отъ которой случайно уцѣлѣло только нѣсколько экземпляровъ.

Съ той поры прошло $2^1/_2$ вѣка. Въ началѣ XIX вѣка сочиненіемъ Флетчера пользовался Карамзинъ при составленіи своей «Исторіи государства россійскаго и въ примѣчаніяхъ къ ней сдѣлалъ довольно большія выписки, благодаря которымъ русская публика могла познакомиться съ характеромъ сочиненія Флетчера. До 1848 года сочиненіе это, такимъ образомъ, не казалось опаснымъ.

Перевелъ Флетчера на русскій языкъ Н. В. Калачовъ [1]). Подлинникъ и переводъ представилъ Обществу въ засѣданіи 27 декабря 1847 года князь М. А. Оболенскій, директоръ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: онъ же снабдилъ переводъ и обширнымъ предисловіемъ [2]). Противъ печатанія перевода Флетчера на русскій языкъ возставалъ П. М. Строевъ, доказывая, что Общество можетъ потерять право собственной цензуры [3]). Переводъ все-таки былъ напечатанъ, по распоряженію графа С. Г. Строганова, въ первой книжкѣ «Чтеній» за 1848 г., вышедшей въ свѣтъ въ октябрѣ.

Выходъ книги совпалъ какъ разъ съ пребываніемъ въ Москвѣ министра народнаго просвѣщенія Уварова.

Между министромъ и московскимъ попечителемъ Строгановымъ существовала давнишняя вражда, и этими то ихъ отношеніями сумѣли воспользоваться люди, враждебно настроенные противъ Строганова и Бодянскаго. Кто здѣсь былъ виною, трудно сказать. Молва обвиняла Шевырева и Погодина [4]). Во всякомъ случаѣ кто-то изъ благожелателей Строганова обратилъ вниманіе Уварова на переводъ Флетчера и далъ этому переводу надлежащую оцѣнку съ политической точки зрѣнія. Уваровъ усмотрѣлъ въ сочиненіи Флетчера недоброжелательные отзывы о русскомъ правительствѣ и духовенствѣ и велѣлъ немедленно остановить дальнѣйшій выпускъ книжки «Чтеній», возвратить обратно въ Общество выпущенные уже экземпляры и вырѣзать изъ нихъ сочиненіе Флетчера [5]).

Исторія эта надѣлала вообще много шума. Графъ Строгановъ, разрѣшившій печатать переводъ Флетчера, изложилъ графу

---

[1]) Древняя и Новая Россія, 1880, I, стр. 551.

[2]) *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 157.

[3]) Тамъ же.

[4]) Записки Никитенка, т. I. стр. 495—496. *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина. т. X. стр. 160 и слѣд.

[5]) *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т, X, стр. 157—158.

Уварову мотивы, по которымъ печатаніе Флетчера было разрѣшено. Но это не помогло дѣлу. «Сочиненіе Флетчера, сообщалъ графъ Строгановъ министру, писанное въ 1588 году, казалось мнѣ такого содержанія, что ни одна въ немъ строка не могла примѣниться къ Россіи нашего времени, и что любопытная сатира эта содержитъ много важнаго, но только для древней Руси. Самъ Карамзинъ неоднократно изъявлялъ желаніе видѣть напечатаннымъ этотъ документъ: такъ онъ цѣнилъ его для эпохи, въ немъ изображенной. Я полагалъ, что въ настоящее время, когда вся Европа съ завистью смотритъ на наше духовное и государственное могущество, ни высшему правительству, ни лицамъ духовнымъ не могли казаться соблазнительными нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ въ сочиненіи, писанномъ за триста лѣтъ и напечатанномъ въ ученомъ сборникѣ» [1]).

Объясненіе это не достигло цѣли. Гр. Уваровъ доложилъ государю, и послѣдній издалъ повелѣніе, чтобы на будущее время всѣ изданія Общества подвергались разрѣшенію общей цензуры. Цензура тогда находилась въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Общество, такимъ образомъ, предсѣдателемъ котораго былъ Строгановъ, отдавалось подъ контроль графа Уварова. Гр. Строгановъ, конечно, немедленно же отказался отъ званія предсѣдателя Общества: сложилъ званіе секретаря и Бодянскій. Предсѣдателемъ Общества былъ избранъ послѣ этого вице-президентъ А. Д. Чертковъ, а секретаремъ И. Д. Бѣляевъ [2]).

Этимъ исторія съ Флетчеромъ не кончилась. Хотя Бодянскій игралъ въ ней, повидимому, чисто пассивную роль, такъ какъ гр. Строгановъ разрѣшилъ печатаніе Флетчера, онъ же и настаивалъ на этомъ печатаніи, все таки пострадалъ больше всѣхъ Бодянскій. Онъ не только долженъ былъ сложить съ себя секретарство въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, но и былъ переведенъ профессоромъ славяновѣдѣнія изъ Москвы въ Казань, а В. И. Григоровичъ изъ Казани въ Москву на мѣсто

---

[1]) *Барсуковъ*. Жизнь и труды Погодина т. X, стр. 158.

[2]) Тамъ же, стр. 159.

Бодянскаго. Пословица «паны дерутся, а у мужиковъ чубы болятъ», казалось, была бы здѣсь вполнѣ умѣстной, но только съ нѣкоторыми существенными оговорками. Бодянскій пострадалъ вовсе не случайно. Онъ, конечно, былъ правой рукой Строганова, который покровительствовалъ ему чуть ли не съ университетской скамьи. Казалось, естественно, что разъ пострадалъ Строгановъ, это должно было отразиться и на Бодянскомъ. Но такое объясненіе было бы неполнымъ и неточнымъ. Бодянскій явился жертвой не Уваровской мести Строганову, а жертвой той мелкой, въ нравственномъ отношеніи, клики людей, которая всегда существовала въ нашихъ университетахъ и которая не останавливалась ни предъ какими средствами, какъ бы грязны они ни были, будь то клевета, ложный доносъ, лишь бы только избавиться отъ нежелательнаго имъ человѣка, хоть бы этотъ человѣкъ имѣлъ крупное имя въ наукѣ и былъ бы дорогъ въ университетѣ. Исторія русскихъ университетовъ знаетъ не мало случаевъ въ подобномъ родѣ. Однимъ изъ яркихъ—является судьба Бодянскаго. Вся исторія съ Флетчеромъ начата, вѣдь, вовсе не министромъ Уваровымъ, а начата именно учеными добровольцами, тѣми ревнителями науки, которые боятся всякаго смѣлаго, живаго, правдиваго слова, которые именемъ науки пользуются часто для своихъ мелкихъ личныхъ дѣлишекъ. Для насъ все равно, кто затѣялъ исторію съ Флетчеромъ, Погодинъ, Шевыревъ или кто-нибудь другой. Но фактъ тотъ, что первымъ человѣкомъ, испугавшимся Флетчера, былъ не цензоръ, не министръ Уваровъ, а ученый П. М. Строевъ[1]). Когда разыгралась исторія съ Флетчеромъ ученый А. М. Кубаревъ писалъ Сахарову: «Неистовый Бодянскій привелъ въ такое замѣшательство дѣла Общества своимъ глупымъ журналомъ, что Общество не знаетъ, гдѣ найти Геркулеса, чтобы очистить это Авгіево стойло». Далѣе Кубаревъ обвиняетъ Бодянскаго въ томъ, что тотъ не даетъ будто бы отчета, не возвращаетъ книгъ, взятыхъ для Общества у другихъ лицъ, и говоритъ, что книги эти онъ уже возвратилъ по принадлежности...

---

[1]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина т. X, стр. 157.

«Можно ли удержать негодованіе, продолжаетъ Кубаревъ, при мысли, что такой уродъ позволяетъ себѣ такія дерзости? Что онъ глупъ и полуневѣжда—это я знаю давно и хвалилъ въ немъ только одно батырщество; но чтобы онъ былъ такъ подлъ—этого я не ожидалъ никогда. Взгляните на древніе акты, имъ изданные—можно ли безъ скорби душевной видѣть ихъ такъ изуродованными отъ невѣжества издателя? Наконецъ, чѣмъ сдѣлались «Чтенія»? Сбродомъ всякой всячины и сокровищницею былей или небылицъ хохлатскихъ, такъ что самое доброе, что есть въ нихъ, совершенно теряется въ этомъ навозѣ. Какъ я обрадовался было, что Богъ внушилъ благую мысль министру очистить университетъ, столицу и общество отъ этой скверны. Теперь говорятъ, что графъ Строгановъ за него хлопочетъ. Очень жаль. Онъ не знаетъ, что этотъ человѣкъ не заслуживаетъ его ходатайства и въ выборѣ людей не дѣлаетъ ему чести! Присоединитъ къ этому, что этотъ человѣкъ не только не знаетъ древне-славянскаго языка, даже, бывши заграницею, не выучился порядочно по-польски. Присоедините хохлатскую грубость; упорство и деревенщину—и вы увидите, что негодованіе мое справедливо. А какъ вы думаете, сколько напечаталъ онъ экземпляровъ отдѣльно той пьесы, вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстной? 1800 по русски и по англійски! Вздорный памфлетъ удостоился такой чести, хотя по положенію общества опредѣлено было не печатать никакой пьесы отдѣльно болѣе 300 экземпляровъ. Вотъ что дѣлалъ Бодянскій! Похлопочите, подайте совѣтъ, употребите возможныя средства, чтобы избавить Общество отъ этого неистоваго звѣря» [1]).

Письмо это было писано въ то время, когда Строгановъ хлопоталъ о возвращеніи Бодянскаго на кафедру въ московскій университетъ. Оно очень хорошо характеризуетъ партію, враждебную Бодянскому, и тѣ средства, которыя употребляетъ она. Клевета, возводимая на Бодянскаго въ письмѣ Кубарева, давно уже опровергнута исторіей. Здѣсь скажемъ только, что лишнее число экземпля-

---

[1]) Древняя и Новая Россія, 1880 г., т. I, 544—545.

ровъ Флетчера было напечатано не на средства Общества, а на средства князя М. А. Оболенскаго[1]).

Другой профессоръ типа Кубарева И. И. Давыдовъ по поводу исторіи съ Флетчеромъ писалъ Погодину: «Нѣкоторыя страницы изъ Флетчера я пробѣжалъ: удивляюсь тупоумію и сумасбродству предсѣдателя, переводчика и издателя»... Затѣмъ: «Судьба историческаго общества, вѣроятно, вамъ извѣстна. Кого Богъ захочетъ наказать, у того отнимаетъ умъ, или, что все равно, напускаетъ на него гордость, и человѣкъ гибнетъ. Не представляетъ ли этому свидѣтельство Змѣй Горынычъ? Надменный до дерзости, въ какое ничтожество попалъ»![2])

Змѣй Горынычъ здѣсь никто иной, какъ О. М. Бодянскій.

Бодянскій имѣлъ много враговъ въ университетѣ и въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Говорили даже, что Шевыревъ однажды въ засѣданіи Общества публично требовалъ удаленія Бодянскаго отъ званія секретаря и редактора «Чтеній». На сколько это вѣрно, въ настоящее время трудно сказать; но въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Во всякомъ случаѣ, для цѣлаго ряда лицъ, имѣвшихъ вліяніе на министра Уварова, Бодянскій былъ лицемъ нежелательнымъ въ Москвѣ. Это, конечно, не могло остаться безъ вліянія на переводъ Бодянскаго профессоромъ изъ Москвы въ Казань.

Само собой разумѣется, далеко не всѣ раздѣляли точку зрѣнія враговъ Бодянскаго.

Болѣе чуткіе и чистые элементы Москвы, были страшно возмущены противъ тѣхъ людей, которыхъ молва называла виновниками всей исторіи. Когда Погодинъ устроилъ у себя вечеръ въ честь Гоголя и пригласилъ Ю. Ф. Самарина, тотъ не поѣхалъ: «Послѣднія происшествія въ университетскомъ кругу, писалъ онъ Погодину, о которыхъ говоритъ теперь вся Москва, возмутили меня и оставили во мнѣ впечатлѣніе, со которымъ я не считаю себя въ правѣ принять вашего приглашенія»[3]).

---

[1]) Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 160.

[2]) Тамъ же, стр. 166.

[3]) Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 163.

«Что у васъ дѣлается?—спрашивалъ Хомякова у Погодина изъ своего села Богучарова. Неужели правда, что Бодянскій переведенъ въ Казань? Если это правда, неужели это вамъ всѣмъ не стыдно? Если это только въ будущемъ, то мнѣ кажется и Шевыреву, и всѣмъ профессорамъ добропорядочнымъ слѣдуетъ отвратить это твердостью, сдѣлать изъ этого une question de cabinet? Вѣдь, Бодянскій—человѣкъ, котораго ни университетъ, ни историческое общество замѣнить не могутъ» [1]).

По поводу исторіи съ Флетчеромъ въ дневникѣ О. М. Бодянскаго подъ 23 декабря 1852 года есть интересная запись: «Бывши у государя—разсказывалъ графъ С. Г. Строгановъ,—«послѣ обѣда я отошелъ съ нимъ къ камину, гдѣ, закуривъ сигару, онъ спросилъ меня: «что ты тамъ печатаешь такое»?—«Государь»—отвѣчалъ я—я печаталъ такое, что всегда готовъ напечатать. Флетчерово сочиненіе относится къ царствованію Ивана Грознаго и сына его Федора Ивановича: все худое, замѣченное иностранцемъ о Руси того времени, не относится къ нынѣшней, ничѣмъ на нее не похожей. Уваровъ, по личной ко мнѣ враждѣ, рѣшилъ надѣлать изъ этого шуму и представить В. В., какъ нѣчто зловредное. А я между тѣмъ напечаталъ его въ журналѣ ученаго Общества, бывшаго подъ моимъ предсѣдательствомъ и имѣющаго весьма тѣсный кругъ читателей, преимущественно ученыхъ, изъ коихъ, когда объявлена была мною на послѣдній годъ подписка на этотъ журналъ, однихъ архіереевъ изъявило желаніе получать его 33, т. е. изъ всѣхъ, къ кому было сдѣлано отъ меня отношеніе, только два не подписались».—«Но и архіереямъ не все можно дозволять читать».—«Такъ, Государь, но если ученымъ мы не будемъ дозволять знать худую сторону нашу, тогда и въ доброй свѣтъ усумнится».—«Хорошо, хорошо»,—подхватилъ тогда Государь: «мы все это уладимъ скоро, и пострадавшій отъ Уварова возвратится непремѣнно на свое мѣсто, когда тотъ не будетъ болѣе министромъ, а это, говорю тебѣ, скоро насту-

---

[1]) Тамъ же, стр. 143—144.

нитъ». И, точно, ровно черезъ годъ (20 декабря 1849 г.) Уваровъ не былъ уже болѣе министромъ» [1]).

Пострадавшимъ отъ Уварова былъ О. М. Бодянскій. Онъ, какъ мы уже говорили выше, былъ переведенъ на кафедру славяновѣдѣнія въ Казань, а на его мѣсто изъ Казани назначенъ В. И. Григоровичъ. Переводъ этотъ, конечно, былъ пониженіемъ по службѣ для Бодянскаго. Поэтому онъ обратился къ министру Уварову съ письмомъ, въ которомъ объяснялъ, что «по состоянію его здоровья, для него единственнымъ безвреднымъ мѣстопребываніемъ можетъ быть Москва, и что въ данной имъ, при отправленіи заграницу подпискѣ, онъ обязался прослужить 12 лѣтъ именно при московскомъ университетѣ» [2]). Въ подпискѣ, дѣйствительно, стояли эти слова; но Уваровъ не признавалъ ссылку на нихъ основательною, указывая на право министерства переводить профессоровъ изъ одного университета въ другой; что же касается здоровья, то министръ представлялъ Бодянскому просить объ увольненіи отъ службы вовсе; причемъ за министерствомъ сохранялось право, въ случаѣ выздоровленія Бодянскаго, потребовать отъ него, чтобы онъ дослужилъ 12-лѣтній срокъ тамъ, гдѣ «министерство признаетъ полезнымъ употребить его». Послѣ этого Бодянскій, заручившись свидѣтельствомъ профессора Альфонскаго, «не имѣя и въ мысли неповиновенія приказанію высочайше поставленной власти, но по сущей необходимости», какъ выражался онъ въ своемъ прошеніи, просилъ объ увольненіи его вовсе отъ службы, безъ всякихъ ограниченій и съ пенсіею по сокращеннымъ срокамъ. Въ первой своей части прошеніе Бодянскаго было удовлетворено. Съ 2 января 1849 г. онъ былъ уволенъ отъ службы съ освобожденіемъ отъ обязанности дослуживать 6 лѣтъ по министерству народнаго просвѣщенія. Что же касается просьбы о назначеніи пенсіи, то въ этомъ Бодянскому

---

[1]) Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1891 г. стр. 110.

[2]) Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 166—168.

было отказано. Ему было выдано только единовременное пособіе въ размѣрѣ годового оклада, т. е. 1429 р. 60 коп.[1]).

Такой, сравнительно благопріятный, оборотъ дѣло Бодянскаго[2]) приняло, благодаря заступничеству за него графа С. Г. Строганова. Послѣднему стоило, вѣроятно, немало усилій отстоять интересы Бодянскаго. По крайней мѣрѣ, это видно изъ слѣдующаго письма его къ Бодянскому отъ 15 января 1849 г.: «Кажется, что есть надежда устроить дѣла такъ, что при увольненіи въ отставку, вы совершенно развяжетесь съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Вотъ все, что я могу сказать вамъ теперь. Оставаясь въ Москвѣ, вы не будете потеряны для науки, а потомъ великъ Богъ добрыхъ людей. Надѣюсь чрезъ, нѣсколько дней успѣть вамъ сообщить что-нибудь болѣе положительное. Крѣпитесь и будьте благонадежны».

На это Бодянскій 22 января 1849 года отвѣчалъ: «Письмо вашего сіятельства отъ 15 текущаго мѣсяца, полученное мною вчера вечеромъ, чрезвычайно утѣшило меня. Далъ бы только Богъ, чтобы усилія вашего сіятельства увѣнчались успѣхомъ, и мнѣ расчитаться съ моими вѣрителями! А тамъ, дѣйствительно, великъ Богъ добрыхъ людей, какъ вы говорите. Главное—Москва и возможность дѣйствовать не со связанными руками. Никогда не измѣнялъ и не измѣню я своей наукѣ и нравственности благороднаго человѣка; все же прочее можетъ быть или не быть къ бо́льшему или меньшему удобству моему. Не въ первый разъ встрѣчаться мнѣ лицомъ къ лицу съ нуждой; все вынесу, все стерплю, на все готовъ, кромѣ потери добраго имени и осужденія себя на застой въ наукѣ. Что же далѣе ждетъ меня въ будущемъ—кто

---

[1]) *Н. А. Поповъ.* Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ «Рус. Ст.», 1879 г., ноябрь, стр. 475—480.

[2]) Бодянскій боялся ссылки въ Вологду (Жизнь и труды Погодина, т. X. 164). И. И. Давыдовъ писалъ Погодину, что переводъ въ Казань для Бодянскаго «изъ различныхъ бѣдствій, ему угрожавшихъ наименьшее» «Благословляйте милосердіе Государя и снисходительность министра»—прибавлялъ онъ въ своемъ письмѣ. (Тамъ же стр 175).

можетъ то знать? Въ одно лишь вѣрилъ и вѣрю, что Богъ не убогъ и милость Его неоскудна. На дняхъ узналъ я отъ М. Н. Каткова, который слышалъ то отъ г. Бекетова, бывшаго ассистента въ нашей университетской клиникѣ и пріѣхавшаго недавно изъ С.-Петербурга, что Шевыревъ, по словамъ Давыдова, не только, вопреки моему желанію, писалъ обо мнѣ къ нему и министру, какъ это я сказывалъ вашему сіятельству предъ самымъ отъѣздомъ изъ Москвы, но даже осмѣлился утруждать о томъ и самую великую княгиню Ольгу Николаевну. Вотъ на какія продѣлки рѣшается измученная и нечистая совѣсть, думая, что и это, по ея сужденію, доброе дѣло, также останется тайной, какъ и прежняя кабала ея. Не знаю, можно ли найти болѣе глубокое нравственное паденіе, будучи вынужденнымъ хлопотать о человѣкѣ, котораго наканунѣ еще самъ же губилъ, хлопотать помимо вѣдома его и въ награду не получить не только отъ него спасибо, но даже сдѣлаться черезъ то предметомъ повсемѣстной жалости, чтобъ не сказать болѣе. Грустно подобное явленіе» [1]).

Мы нарочно цѣликомъ привели это письмо. Въ немъ Бодянскій отразился цѣликомъ, съ его честной, прямой, неподкупной душой, съ его готовностью жертвовать всѣмъ ради своихъ убѣжденій, съ его любовью къ наукѣ и ненавистью ко всему подлому, низкому...

Въ Казань, такимъ образомъ, Бодянскій не поѣхалъ; боязливый же В. И. Григоровичъ, немедленно послѣ своего перевода на мѣсто Бодянскаго, поспѣшилъ въ Москву и явился съ визитомъ къ Бодянскому. Тотъ его не принялъ [2]). Положеніе Григоровича было крайне ложнымъ и затруднительнымъ. Очень можетъ быть, что благодаря этому, попечитель казанскаго округа сталъ хлопотать о возвращеніи Григоровича снова въ Казань [3]). Пока шла переписка, положеніе оставалось неопредѣленнымъ до

---

[1]) „Рус. Стар.“, 1890 т. LXV, стр. 54.

[2]) *Проф. А. А. Кочубинскій.* О. М. Бодянскій въ его дневникѣ Истор. Вѣстн. 1880 г., кн. XII, стр. 507.

[3]) Рус. Ст. 1879 г., кн. XI, стр. 478.

самаго ухода гр. Уварова съ поста министра народнаго просвѣщенія (20 октября 1849 года). 4 декабря 1849 года Бодянскій былъ возвращенъ въ московскій университетъ, а В. И. Григоровичъ перемѣщенъ обратно въ казанскій [1]).

Флетчеръ и до сихъ поръ не напечатанъ въ Россіи, а экземпляры его гдѣ-нибудь хранятся въ складахъ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ или московскаго университета. Книга не была сожжена, и есть оффиціальныя свѣдѣнія, что нѣсколько экземпляровъ ея были взяты въ разное время изъ склада при университетской типографіи, по распоряженію различныхъ начальствующихъ лицъ [2]).

Въ 1867 году переводъ Флетчера былъ напечатанъ А. И. Герценомъ заграницей. По этому поводу О. М. Бодянскій вспомнилъ исторію съ переводомъ Флетчера. «Послѣдній (переводъ), писалъ онъ, есть перепечатка, сдѣланная безъ вѣдома Общества, которое, какъ всѣмъ извѣстно, принуждено было немедленно, по выпускѣ, изъять его изъ обращенія, навлекло на себя замѣчаніе, а предсѣдатель и секретарь Общества удалились изъ него; послѣдній даже, сверхъ того, и перемѣщенъ еще въ другой университетъ, куда, однако, не поѣхалъ, а предпочелъ выйти совсѣмъ изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, но къ концу года (1849) снова былъ приглашенъ управляющимъ министерствомъ кн. Пл. Ал. Ширинскимъ-Шихматовымъ на свою кафедру въ московскій университетъ. Мы все еще боимся, и по истеченіи цѣлыхъ столѣтій, преклонить ухо свое къ невыгоднымъ отзывамъ о насъ иностранцевъ,—все еще думаемъ, что они, говоря о Россіи за 300 лѣтъ, говорятъ о теперешней Россіи, о насъ и нашихъ порядкахъ. Поэтому русскій переводъ сочиненія, заключающаго въ себѣ цѣлое сокровище самыхъ важныхъ замѣтокъ о тогдашнемъ московскомъ государствѣ во всѣхъ отношеніяхъ, помѣщаемаго всѣми знатоками исторіи на ряду съ записками Герберштейна, недоступнымъ сдѣлался именно тѣмъ, кому это без-

---

[1]) Рус. Стар. 1879, кн. XI, стр. 478.

[2]) Рус. Ст. 1890, т. LXV, стр. 428.

цѣнное произведеніе больше всего нужно. Или такъ уже и суждено намъ никогда не взглянуть прямо въ глаза никакой правдѣ о насъ, высказанной нашими врагами безъ обиняковъ и покрововъ?.. При такомъ состояніи нашемъ, конечно, Флетчеру въ русской одеждѣ суждено скорѣе, пожалуй, сгнить, чѣмъ когда-либо увидѣть свѣтъ Божій. А между тѣмъ незабвенный исторіографъ нашъ сколько обязанъ этому злополучному англичанину, помѣстивъ его, въ разбитную, въ своемъ безцѣнномъ трудѣ, чуть не цѣликомъ всего, въ разныхъ мѣстахъ IX и X томовъ «Исторіи Россійскаго государства» [1]).

Вся исторія по поводу Флетчера не прошла для Бодянскаго безслѣдно. Она наложила извѣстный отпечатокъ на весь его душевный складъ. Бодянскій больше уединился, ушелъ въ себя [2])...

Отъ этого времени сохранилась часть дневника Бодянскаго, куда онъ заносилъ свои мысли по поводу тѣхъ или другихъ общественныхъ событій, а также факты, о которыхъ ему приходилось узнавать или которые онъ самъ переживалъ [3]). Дневникъ этотъ чрезвычайно интересенъ и остается только пожалѣть, что отъ него уцѣлѣли только отрывки [4])...

---

[1]) Чтенія въ О-вѣ ист. и древн. росс. 1870, кн. III. Предисловіе къ „Матеріаламъ для исторіи Россіи, извлеченнымъ изъ рукописи Британскаго музея Н. И. Стороженкомъ“.

[2]) Ист. Вѣд. 1887, кн. XII, стр. 513.

[3]) *Проф. А. А. Кочубинскій.* О. М. Бодянскій въ его дневникѣ Ист. Вѣст. 1887, кн. XII, стр. 514—515.

[4]) О дневникѣ О. М. Бодянскаго см. упомянутую выше статью проф. А. А. Кочубинскаго, а также замѣтки *А. А. Гатцука* въ „Рус. Стар. 1888 г. мартъ и *И. Ф. Павловскаго* въ Рус. Ст. 1888 г. ноябрь. Отрывки изъ дневника О. М. Бодянскаго напечатаны въ „Сборникѣ Общества россійской словесности на 1891 г. М. 1891 и *И. Ф. Павловскимъ* въ „Рус. Стар“. 1888 г., ноябрь и 1889 г., октябрь.

VIII.

Научныя занятія О. М. Бодянскаго послѣ прекращенія «Чтеній». Докторская диссертація О. М. Бодянскаго и отзывы о ней спеціалистовъ. Вторичное избраніе Бодянскаго секретаремъ Общества и редакторомъ «Чтеній». Забаллотированіе его въ университетѣ. «Трилогія на трилогію».

Возстановленный въ званіи профессора, О. М. Бодянскій не былъ, однако, возстановленъ въ званіи секретаря Общества. Объ этомъ никто не смѣлъ и заикнуться послѣ всего случившагося. Только уже въ царствованіе Александра II, въ 1858 году, Бодянскій былъ снова выбранъ секретаремъ историческаго Общества исторіи и древностей россійскихъ и снова сдѣлался редакторомъ «Чтеній». До тѣхъ поръ секретаремъ Общества былъ И. Д. Бѣляевъ. «Чтенія» были замѣнены «Временникомъ», редакторомъ котораго былъ Бѣляевъ. Изданіе это, по словамъ М. И. Семевскаго, «не отличалось уже тѣмъ разнообразіемъ, какимъ выдавались «Чтенія»; нѣкоторые отдѣлы вовсе были устранены изъ «Временника» [1]).

Съ 1848 г. дѣятельность Бодянскаго сосредоточивалась, такимъ образомъ, исключительно на профессурѣ. Это дало ему возможность разобраться въ собранныхъ имъ научныхъ матеріалахъ и подвинуть впередъ свои научныя работы. Въ бытность свою редакторомъ «Чтеній», Бодянскій совсѣмъ не имѣлъ времени заниматься ими.

Среди научныхъ работъ Бодянскаго изъ этого времени на первомъ мѣстѣ необходимо, конечно, поставить его докторскую диссертацію «*О времени происхожденія славянскихъ письменъ* (М. 1855 г.). Изданіе это вышло отдѣльною книгою и вотъ по какому поводу.

«Въ 1855 году, разсказываетъ А. А. Котляревскій, приходилось праздновать юбилей московскаго университета: Шевыревъ,

---

[1]) „Рус. Стар.“, 1879 г., май, стр. 210.

руководя всѣмъ дѣломъ, хотѣлъ совмѣстить три юбилея: два тысячелѣтіе: основанія русскаго государства и изобрѣтенія славянскихъ письменъ, и столѣтній—московскаго университета. Когда въ юбилейномъ изданіи, по вопросу о письменахъ, Бодянскій пришелъ къ выводу, что письмена изобрѣтены были не въ 855, а въ 862 году, то, по распоряженію Шевырева, печатаніе пріостановлено и отпечатанные листы уничтожены. Тогда Бодянскій издалъ свое изслѣдованіе «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» отдѣльною книгою. Онъ хотѣлъ представить его на степень доктора, но все откладывалъ... Шевыревъ пустилъ слухъ, что Бодянскій боится диспута, и это то обстоятельство ускорило диспутъ, на который, кстати сказать, Шевыревъ не явился» [1])...

Изслѣдованіе Бодянскаго очень высоко цѣнится спеціалистами. По словамъ А. А. Котляревскаго, «изслѣдованіе о времени происхожденія славянскихъ письменъ—настольная книга у всѣхъ, кто предается занятіямъ старославянскою письменностью. Заглавіе ея далеко не выражаетъ всего богатства содержанія; это огромный сборникъ всякаго рода историко-литературныхъ и палеографическихъ замѣтокъ и изслѣдованій по различнымъ вопросамъ, относящимся къ произведеніямъ древне-славянской литературы. Таковъ, напр., мастерской разборъ сказанія о св. Вячеславѣ» [2]). Такого же высокаго мнѣнія о диссертаціи О. М. Бодянскаго держится и И. И. Срезневскій. Въ книгѣ «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», говоритъ онъ, «въ первый разъ подобраны и разобраны всѣ источники, пособія и мнѣнія, касающіеся этой задачи, и гдѣ обширныя знанія и особенности изслѣдовательнаго направленія Бодянскаго высказались въ полномъ свѣтѣ. Все изслѣдованіе раздѣлено на четыре главы. Первая заключаетъ въ себѣ обзоръ свидѣтельствъ, раздѣленныхъ на два отдѣла: къ одному отнесены источники (греческіе, западные и отечественные), ко второму—пособія, т. е. свидѣтельства проложныя и лѣтописныя, какъ пересказы источниковъ. Во второй

---

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 442.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 442—443.

главѣ данъ разборъ свидѣтельствъ съ мыслію объяснить, какія и почему заслуживаютъ болѣе уваженіе. Третья глава, самая живая по увлеченію сочинителя, самая замѣчательная для того, кто желаетъ познакомиться съ главными его убѣжденіями, есть переборъ мнѣній относительно разбираемаго вопроса, начиная отъ старѣйшихъ, XVII вѣка, до послѣднихъ современныхъ. Въ четвертой главѣ еще разъ перебраны сравнительно и объяснительно главныя показанія, и дано общее рѣшеніе: славянскія письмена созданы Кирилломъ философомъ въ Цареградѣ въ 862 году. Къ этому обширному изслѣдованію приложены не менѣе обширныя примѣчанія, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ быть цѣнимы какъ отдѣльныя изслѣдованія: таковъ, напр. разборъ Житія Вячеслава, князя чешскаго» (стр. 76—88)[1].

Ко времени перерыва въ редакторствѣ «Чтеній» относятся и другія научныя работы О. М. Бодянскаго. Въ 1856 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была напечатана его работа о новыхъ открытіяхъ въ области глаголицы[2]. Тогда же приблизительно Бодянскій началъ свой трудъ по изданію Изборника Святослава 1073 г.[3]. Изданіе было предпринято на средства графа Строганова и подвигалось очень медленно. Бодянскій печаталъ его по листу въ годъ. Работа была кропотливая. Это, вѣроятно, въ связи затѣмъ съ разными житейскими невзгодами, тормозило изданіе. «Изборникъ 1073 года, говоритъ А. А. Котляревскій весь основанъ на греческихъ источникахъ, но нѣкоторые источники неизвѣстны въ подлинникѣ, и Бодянскій искалъ ихъ у древнихъ авторовъ. Труда это стоило ему не мало: будучи отъ природы очень разсчетливъ, Бодянскій, однако, предлагалъ значительную денежную премію тому, кто отыщетъ нѣкоторыя мѣ-

---

[1]) *Срезневскій.* На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ. стр. 45—46. Болѣе подробный и обстоятельный разборъ диссертаціи Бодянскаго сдѣланъ И. И. Срезневскимъ въ «25-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ».

[2]) *Срезневскій.* На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ. стр. 46.

[3]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 441.

ста въ сочиненіи Кирилла Іерусалимскаго, находящагося въ «Изборникѣ»: конечно, предварительно онъ самъ тщательно перечиталъ всего Кирилла Іерусалимскаго»[1]).

«Изборникъ» былъ отпечатанъ при жизни Бодянскаго, но вышелъ въ свѣтъ уже послѣ его смерти, въ 1882 г., съ предисловіемъ Е. В. Барсова и статьей Дювернуа[2]).

Въ 1858 году умеръ Чертковъ, который былъ предсѣдателемъ Общества исторіи и древностей россійскихъ послѣ графа С. Г. Строганова. Времена теперь уже измѣнились. Наканунѣ крестьянской реформы стало дышаться нѣсколько вольнѣе. При такихъ обстоятельствахъ, Общество, безъ всякаго съ своей стороны риска, могло избрать графа Строганова снова въ предсѣдатели, а Бодянскаго—въ секретари. О. М. Бодянскій, такимъ образомъ, вернулся къ редакторской дѣятельности и принялся за изданіе «Чтеній», которыя выходили теперь по четыре объемистыхъ тома въ годъ. До своей смерти за все время своего редакторства О. М. Бодянскій издалъ *сто* книгъ «Чтеній». Съ 1858 г.—*семьдесятъ восемь*.

Характеръ «Чтеній» этого второго періода нѣсколько измѣняется. Историческіе матеріалы, главнымъ образомъ, по малорусской исторіи замѣтно рѣдѣютъ[3]). На первый планъ выдвигаются памятники древней письменности и литературы и переписка, преимущественно, лицъ духовныхъ. Думаемъ, такая перемѣна характера «Чтеній» стоитъ въ значительной связи съ спеціальными занятіями О. М. Бодянскаго древней письменностью послѣ 1848 года. Эти спеціальныя занятія не могли, конечно, не отразиться на вкусахъ Бодянскаго, какъ редактора.

Спеціальный характеръ журнала не мѣшалъ, однако, О. М. Бодянскому иногда выступать въ немъ и со статьями нѣсколько публистическаго характера. Въ началѣ 1860-хъ годовъ онъ напе-

---

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 441.

[2]) Статья проф. Н. Ф. Сумцова въ «Критико-біографическомъ словарѣ С. А. Венгерова», т. V, стр. 75.

[3]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 442.

чаталъ, напримѣръ, рядъ замѣчаній на проэкты объ ученыхъ степеняхъ, объ университетскомъ уставѣ, объ академіи наукъ, о польскомъ дѣлѣ, о преобразованіи календаря... Эти статьи публицистическаго характера въ 1870-хъ годахъ повели къ новой бурѣ противъ Бодянскаго. Но объ этомъ въ свое время...

Какъ редакторъ «Чтеній» О. М. Бодянскій управлялъ и университетскою типографіею и занималъ при ней казенную квартиру. Въ 1862 году рѣшено было отдать «Московскія Вѣдомости» и университетскую типографію въ аренду Каткову. Бодянскій былъ рѣшительнымъ противникомъ этого. До тѣхъ поръ онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ какъ съ Катковымъ, такъ и съ Леонтьевымъ. Теперь же рѣзко выступилъ противъ нихъ. Отличаясь всегда большимъ упорствомъ, О. М. Бодянскій въ дѣлѣ сдачи университетской типографіи Каткову довелъ свое упорство до крайности. Наканунѣ вывезши всѣ свои вещи изъ казенной квартиры на частную, Бодянскій оставилъ для себя только немного мебели, приготовилъ къ сдачѣ дѣла по типографіи, просидѣлъ цѣлый вечеръ въ пустой квартирѣ, и сдалъ типографію, когда пробило 12 часовъ ночи 31 декабря 1862 года [1]). Благодаря этому, первый номеръ «Московскихъ Вѣдомостей», подъ редакціей Каткова, опоздалъ на два дня [2]).

Одинъ изъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» перваго періода г. Зименко описываетъ чрезвычайно оригинальную сцену переговоровъ своихъ съ О. М. Бодянскимъ по поводу сдачи типографіи [3]). Сцена эта настолько характерна, что отрывки изъ нея мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь. Г. Зименко видитъ главную причину упорства Бодянскаго въ нежеланіи очищать и лишаться казенной квартиры, но мы далеки отъ подобнаго рода подозрѣній. Это совсѣмъ не вяжется какъ-то съ той характеристикой Бодянскаго, какую оставили намъ знавшіе хорошо его люди...

---

[1]) «Историч. Вѣст.», 1887, кн. XII, стр. 507.

[2]) «Рус. Арх.», 1883, кн. I, стр. 136.

[3]) «Рус. Арх.», 1883, кн. I. стр. 132—136.

Г. Зименко былъ посланъ къ Бодянскому, послѣ того какъ ни Каткову, ни Леонтьеву не удалось уговорить его сдать типографію до срока, который для арендаторовъ наступалъ 1 января 1863 г. «Такъ какъ Бодянскій, разсказываетъ г. Зименко, еще не оставлялъ занимаемаго имъ помѣщенія въ домѣ университетской типографіи (хотя всѣ вещи его уже были перевезены на другую наемную квартиру), то мнѣ стоило только перейти дворъ, чтобы достигнуть его апартамента. Съ трепетомъ, поминая «Царя Давида и всю кротость его», я переступилъ порогъ его опустѣлой квартиры. Во всѣхъ комнатахъ двери были растворены настежъ. Въ кабинетѣ, гдѣ онъ принялъ меня, стояла кушетка съ двумя подушками (изъ нихъ одна вышитая гарусомъ), большое, въ родѣ Вольтеровскаго, кресло, въ которомъ возсѣдалъ самъ хозяинъ, небольшой письменный столъ съ находящимся на немъ зеркаломъ, бумагами и какою то толстою въ старомъ кожаномъ переплетѣ книгою. У стѣны стояли два стула—вотъ и все убранство его кабинета. Въ сосѣдней комнатѣ, въ широко растворенную дверь, я примѣтилъ большой, простой, деревянный столъ, заваленный связками конторскихъ книгъ, кипами бумагъ и проч. Это то и были тѣ дѣла и документы, которые подлежали передачѣ новой редакціи и о которыхъ шли и велись такіе оживленные переговоры.

— Милости прошу садиться, сказалъ Бодянскій, придвигая стулъ къ своему столу. Чѣмъ могу служить вамъ?—прибавилъ онъ, взглянувъ на меня съ остервененіемъ.

— Я къ вамъ, Іосифъ Максимовичъ, (онъ не любилъ, когда его называли Осипъ), по порученію Михаила Никифоровича Каткова.

— Это на счетъ чего же?—спросилъ онъ, нахмуривъ брови.

— Просить, чтобы вы были такъ добры, распорядились теперь же передачею всѣхъ дѣлъ новой редакціи... Дальнѣйшая задержка можетъ повліять на выходъ газеты во-время, а это, въ свою очередь, неблагопріятно отразится на подпискѣ. Михаилу Никифоровичу желательно выпустить первый нумеръ 1-го ян-

варя, а это почти невозможно, если вы не передадите намъ дѣлъ и...

— Ну, такъ что жъ такое, если газета не выйдетъ 1-го числа?

— Да, это ваше мнѣніе, Іосифъ Максимовичъ; но публика судитъ иначе... Ей никакого дѣла нѣтъ до причинъ, замедлившихъ выходъ газеты; она въ правѣ требовать и требуетъ, чтобы...

— Полноте, батенька мой, полноте, сказалъ онъ, снова перебивая рѣчь мою; я самъ очень хорошо знаю всѣ эти исторіи... Все это одни пустыя слова... Но все равно, я ни для кого и ни за что не отступлю отъ своихъ правилъ... Чего я не могу сдѣлать, того не сдѣлаю: долгъ, обязанности службы для меня выше всего.. По крайней мѣрѣ, въ моей жизни я ни для дружбы, ни родства или кумовства отъ своихъ правилъ не отступалъ, тѣмъ паче въ ущербъ казеннымъ интересамъ.

— Помилуйте, Іосифъ Максимовичъ! Какимъ же образомъ могутъ тутъ страдать казенные интересы? Они здѣсь ни причемъ. Если отъ вашего нежеланія передать намъ поскорѣе дѣла и пострадаютъ интересы, то вовсе не казны, а Михаила Никифоровича, да, пожалуй, и самихъ подписчиковъ. Согласитесь, что для редакціи не совсѣмъ пріятно на первыхъ же порахъ зарекомендовать себя неаккуратнымъ исполненіемъ принятыхъ ею на себя обязательствъ.

— Все это такъ, батенька; а я не могу, положительно не могу... Я привыкъ слово свое считать для себя закономъ. Я увѣренъ, что Михаилъ Никифоровичъ на моемъ мѣстѣ поступилъ бы также: въ угоду другимъ онъ тоже не уклонился бы отъ исполненія своихъ обязанностей.

— Совершенно вѣрно, что въ угоду другимъ Михаилъ Никифоровичъ не уклонится отъ своихъ обязанностей. Но взглядъ на обязанности бываетъ не у всѣхъ одинаковъ. Такъ напримѣръ, то, что вы считаете исполненіемъ своихъ обязанностей, онъ, да и не онъ одинъ, а всѣ благомыслящіе люди, считаютъ вздоромъ, а настойчивость, съ какою вы преслѣдуете вашъ прин-

ципъ—называютъ прижимкою. т. е. желаніемъ сдѣлать все непріятное почтеннымъ редакторамъ «Московскихъ Вѣдомостей».

— А вы, батенька мой, слишкомъ молоды, чтобы говорить мнѣ такія вещи и учить меня... Я давно ученъ, да и другихъ учу... Передайте г-ну Каткову, что я какъ сказалъ, такъ и сдѣлаю. Ранѣе назначеннаго мною времени я отсюда не уѣду и дѣлъ тоже не передамъ. Такъ и скажите.

Онъ всталъ: я послѣдовалъ его примѣру. Онъ весьма сухо поклонился мнѣ, и мы разстались.

Я тотчасъ же передалъ печальный результатъ моего свиданія съ Бодянскимъ.

— Дѣлать нечего, будемъ ждать,—проговорилъ Катковъ послѣ минутнаго молчанія. Займитесь же теперь, о чемъ я просилъ васъ. Когда перевезете сюда дѣла, которыя остались на прежней квартирѣ, займитесь пріемомъ подписки: если не справитесь одни, пригласите кого-нибудь изъ корректоровъ.

Вечеромъ того же дня мы принялись за работу. Масса подписчиковъ осаждала контору вплоть до 11 часовъ ночи. По закрытіи подписки мы работали всю ночь, вписывая въ книгу адресы, провѣряя деньги и пр., причемъ многія жалобы и вопросы подписчиковъ оставлялись неудовлетворенными и не разъясненными, за неимѣніемъ для провѣрки ихъ книгъ и документовъ, находившихся у Бодянскаго.

Наконецъ, наступилъ желанный нами срокъ. Ровно въ 12 часовъ ночи 31 декабря 1862 года старшій корректоръ объявилъ намъ, что г. Бодянскій выѣхалъ изъ квартиры, и что книги и документы находятся въ комнатѣ, запертой на ключъ, который тутъ же и былъ врученъ Павлу Михайловичу Леонтьеву» [1]).

Понятное дѣло, Катковъ и Леонтьевъ не могли отнестись равнодушно къ подобной выходкѣ и, по своему, отомстили Бодянскому.

Въ 1868 году истекалъ 25-лѣтній срокъ службы Бодянскаго въ университетѣ. Предстояла въ совѣтѣ баллотировка его

---

[1]) Рус. Арх., 1883, I, стр. 134—136.

на новое пятилѣтіе. Леонтьевъ въ это время пользовался въ московскомъ университетѣ большимъ вліяніемъ и располагали большинствомъ голосовъ въ университетскомъ совѣтѣ. Въ концѣ октября 1868 г. Бодянскій былъ забаллотированъ. На его мѣсто избрали Дювернуа, одного изъ послѣднихъ, по времени, его учениковъ, который примкнулъ къ партіи Леонтьева [1]).

Въ печать проникло еще мало подробностей обо всемъ этомъ. «Исторія впослѣдствіи разъяснитъ и произнесетъ надъ нимъ свой судъ, но и теперь можно уже сказать, что съ удаленіемъ Бодянскаго изъ московскаго университета наука упала въ немъ низко, очень низко»... Такъ писалъ въ 1878 году покойный А. А. Котляревскій [2]). «Грустно вспомнить объ этомъ тяжеломъ остракизмѣ!—говоритъ проф. А. А. Кочубинскій.—Но позволяемъ себѣ вѣрить,—что будущій историкъ русскаго просвѣщенія не скажетъ слова одобренія увѣнчанному, къ несчастію, побѣдою домогательству противниковъ Бодянскаго—устранить его изъ университета» [3]).

Забаллотированіе Бодянскаго въ университетѣ должно было сильно огорчить, обидѣть его. Что онъ въ это время переживалъ тяжелую душевную драму,—въ этомъ, врядъ ли можно сомнѣваться. Отголосокъ ея слышится въ письмѣ Бодянскаго къ М. И. Семевскому отъ 28-го ноября 1868 года. Прошелъ ужъ мѣсяцъ послѣ изгнанія Бодянскаго изъ университета, но чувство горечи такъ еще свѣже въ этомъ письмѣ. «Въ послѣднихъ числахъ октября, пишетъ онъ, я *принужденъ* добрыми людьми удалиться изъ университета; съ удаленіемъ же изъ университета я *вынужденъ* оставить и «Общество исторіи и древностей россійскихъ», какъ состоящее при ономъ, и направиться въ болѣе благопріятный для меня край—коротать свой вѣкъ. Другими словами: получая только 1500 съ небольшимъ рублей серебромъ пенсіи, мнѣ

---

[1]) Славянское Обозрѣніе, 1892, стр. 303, ст. проф А. А. Кочубинскаго.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 443.

[3]) Славянское Обозрѣніе, 1892 г. ноябрь-декабрь, стр. 303.

нельзя оставаться въ столицѣ съ семействомъ, а необходимо забраться въ такую глушь, гдѣ бы можно было, какъ говоритъ пословица, протягивать ножки по одежкѣ». Далѣе О. М. Бодянскій говоритъ объ изданіи «Чтеній», которому онъ, по его словамъ, «служилъ всѣми силами и способностями своими». «Кто же и какъ поведетъ ихъ—не вѣмъ пока, да и вѣдать не стараюсь,— продолжаетъ онъ. Сдѣлавъ свое, сослуживъ ему службу, желаю, чтобы и другіе хоть также искренно, также любовно къ нему отнеслись послѣ меня, какъ я относился во все мое многолѣтнее и нелегкое служеніе ему. Статься можетъ, помянутъ когда-нибудь и того чудака, что почти безъ всякихъ средствъ, сумѣлъ однакоже всѣми забытое «Общество», спавшее болѣе 40 лѣтъ, не только пробудить къ жизни, но и поставить его въ головѣ всѣхъ прочихъ ученыхъ Обществъ, не задолжавъ никому ни гроша, и не получая за всѣ свои труды и подвизанія также ни гроша.

Конечно, подобные дурни въ нашъ разсчетливый вѣкъ рѣдки, переводятся съ каждымъ днемъ: они, какъ поэты, non fiunt, sed nascuntur, и то лишь въ болѣе благопріятныя времена, въ урожайные годы на дурней» [1])...

Къ счастію, предсѣдателемъ Общества исторіи и древностей былъ графъ С. Г. Строгановъ, постоянный покровитель и защитникъ Бодянскаго. Строганову удалось удержать въ Обществѣ его неутомимаго секретаря...

«Устраненный отъ живого дѣла старикъ—говоритъ по этому поводу проф. А. А. Кочубинскій, можно бы ожидать, легко затеряется въ текущей жизни. Легко могъ онъ и умереть.. Но Бодянскій, и отставной, не погибъ для насъ, для русскаго просвѣщенія, для науки: его спасла наука отъ моральной или физической смерти еще на цѣлый десятокъ лѣтъ, спасла возможность удовлетворить своей старой привычкѣ—работать и работать на той же родной, славянской нивѣ. Университетская атмосфера ушла отъ стараго слависта: но живая атмосфера науки, интересовъ просвѣщенія не переставала живительно вліять на него и отставного. Онъ не

---

[1]) Рус. Ст. 1879 г., май, стр. 215—216.

профессоръ; но онъ остался въ роли редактора знаменитыхъ «Чтеній въ московскомъ Обществѣ исторіи», созданныхъ именно его трудомъ, его энергіей, его знаніемъ» [1]).

Редакторомъ «Чтеній» Бодянскій оставался до самой своей смерти (6 сентября 1877 г.); но и здѣсь дѣло не обошлось безъ тревогъ и все на почвѣ той же вражды съ Леонтьевымъ и Катвымъ.

Въ концѣ 1860-хъ и въ началѣ 1870-хъ годовъ начались со стороны нашей охранительной печати, во главѣ которой стояли редактируемые Катковымъ «Московскія Вѣдомости» и «Русскій Вѣстникъ», ожесточенныя нападки на университетскій уставъ 1863 г. и на предоставленную имъ, въ нѣкоторой степени, автономію русскимъ университетамъ. Въ обсужденіи университетскаго вопроса приняли участіе всѣ наиболѣе видные и вліятельные журналы того времени [2]). Застрѣльщикомъ въ борьбѣ противъ устава 1863 г. выступалъ, главнымъ образомъ, профессоръ московскаго университета Н. Любимовъ, напечатавшій рядъ обширныхъ статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Одна изъ этихъ статей носила названіе «Трилогіи» и была помѣщена въ 5 книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1873 годъ.

Мы уже знаемъ, что еще въ началѣ 1860-хъ годовъ Бодянскій выступалъ со статьями по университетскому вопросу и печаталъ ихъ въ «Чтеніяхъ». Не могъ онъ удержаться и теперь, когда по поводу университетовъ велась такая ожесточенная полемика.

Въ I книжкѣ «Чтеній» за 1873 годъ (генварь-мартъ) появилась обширная статья, подписанная «К. Муцій Сцевола» и озаглавленная «Трилогія на трилогію. Историческій очеркъ изъ современной жизни русскаго университета».

---

[1]) Славянское Обозрѣніе, 1892, ноябрь-декабрь, стр. 303.

[1]) Важнѣйшая литература того времени приведена О. М. Бодянскимъ въ предисловіи къ статьѣ К. Муція Сцеволы («Чтенія» 1873, I, стр. 284, «Трилогія на трилогію»).

Статья, снабжена предисловіемъ подписаннымъ инициалами Бодянскаго «О. Б.». Но, несомнѣнно, что и вся статья написана имъ. Достаточно только пробѣжать ее, чтобы сразу же замѣтить обычную манеру письма Бодянскаго: пересыпанье своей рѣчи пословицами и поговорками на всевозможныхъ языкахъ.

Въ предисловіи къ статьѣ Бодянскій говоритъ: «По той важности, какую имѣютъ въ жизни народовъ высшія учебныя и ученыя учрежденія, всякій, посвящающій себя изученію бытій, обязанъ внимательно слѣдить за судьбой ихъ, отмѣчая въ дневникѣ своемъ всѣ перемѣны, происходящія въ нихъ къ лучшему, или къ худшему. На семъ основаніи и мы заносимъ на страницы «Чтеній», какъ изданія историческаго, очеркъ изъ современной жизни Русскаго Университета, именно борьбы его, за сохраненіе дѣйствующаго нынѣ Устава Русскихъ Университетовъ, съ тѣми немногими, которые всемѣрно ратуютъ противъ оного, предлагая уже съузить кругъ самостоятельной, свободной дѣятельности ихъ, дарованной еще такъ недавно имъ въ ихъ Уставѣ. И это тѣмъ обязательнѣе для «Чтеній», что Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ состоитъ при одномъ изъ сихъ высшихъ учрежденій, получило свое существованіе при немъ, и притомъ въ одно время съ первымъ Уставомъ для Русскихъ Университетовъ, самымъ лучшимъ и самымъ либеральнымъ изъ всѣхъ, послѣдовавшихъ за нимъ: многое и многое вошло изъ него, вопреки злобѣ дня, и въ преслѣдуемый теперь Уставъ воротилами нашего времени. Для Историческаго Общества процвѣтаніе Университета (а его нѣтъ и быть не можетъ, безъ самобытной жизни) есть и его процвѣтаніе, и, на оборотъ, съ прозябаніемъ его, и оно не минуемо прозябаетъ. «Bonae indoles, ubi fructus non possunt, spem, non fructus, edunt».

Какъ ни коротко, однако же, время, протекшее отъ перваго напора на дѣйствующій нынѣ Университетскій Уставъ по ся поры, но уже литература этого вопроса немалочислена».

Самая статья шагъ за шагомъ слѣдуетъ за мыслями противниковъ устава 1863 г. и чрезвычайно зло и остроумно ихъ разбиваетъ. Статья утомительно длинна и носитъ чисто полеми-

ческій характеръ, благодаря чему передать ея содержаніе вкратцѣ не представляется возможнымъ.

Сущность возраженій К. Муція Сцеволы и манера его письма видны изъ слѣдующихъ словъ, которыми статья оканчивается: «Когда два первые Устава просуществовали, одинъ тридцать лѣтъ, другой почти столько же, ломать третій Уставъ, всего только черезъ десять лѣтъ, тутъ что-нибудь да не спроста. Музыка, очевидно, заведена издалека и изъ недоступныхъ убѣжищъ. Главное побужденіе для нея къ тому, какъ можно видѣть изъ статьи Г. Любимова,—возможность профессуры и участія въ производствѣ экзаменовъ для преподавателей, поступившихъ, или назначенныхъ, за негодностію, въ сломку. Мы думаемъ, что достаточно выказали всѣ диссонансы и фальшивыя ноты, которыми сопровождается повсюду мотивъ этой музыки, и мы надѣемся, что послѣ всего, что обнаружено печатью, исполнившею честно свое назначеніе, музыка не произведетъ дѣйствія, на которое разсчитывалось. Одна и та же Редакція, одно и тоже изданіе, одинъ и тотъ же союзъ людей, стоящихъ внѣ Университета, сегодня говоритъ одно, завтра другое, сегодня это бранитъ, завтра хвалитъ, сегодня этого проситъ, завтра это самое отвергаетъ, у себя имѣетъ большее, даже до чрезмѣрности, у другихъ наровитъ отнять меньшее и необходимѣйшее. Это признаемся, недоступно для здраваго смысла. Понять развѣ, и то по своему, съ своей точки зрѣнія, могутъ одни лишь фанатики. Фанатизмъ, какъ извѣстно, слѣпъ; онъ не знаетъ законовъ здраваго разумѣнія, ему подобенъ и мелкій разсчетъ, обращенный къ своимъ исключительнымъ цѣлямъ; мелкій разсчетъ тоже не хочетъ знать законоположеній чистаго разума. Когда фанатизмъ, при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, достигаетъ осуществленія самого себя, тогда становится на его мѣсто разсчетъ, старающійся поддержать осуществленную идею въ ея фанатической исключительности. Такъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», фанатически проводившимъ свою идею народнаго образованія, говорятъ, что онѣ хватили уже черезъ мѣру, указываютъ на непріязненную имъ общественную среду и на жертвы, которыя вы-

хватываетъ преждевременная смерть изъ молодого поколѣнія, а онѣ твердятъ: «Это клевета! Мы знать ничего не знаемъ!» и ссылаются на легкомысліе молодого поколѣнія, указывая на радикальный способъ лѣченія—розги. Кстати, послѣ всѣхъ выписокъ, которыя мы привели изъ изданій одной и той же Редакціи, обличающихъ въ ней тоже легкомысліе и во всякомъ случаѣ положительное отсутствіе того, чего надѣются достигнуть чрезъ классическое образованіе и розги, кстати посовѣтовать ей: «Врачу, исцѣлися самъ!» А какимъ способомъ, это предоставляемъ на выборъ самимъ врачамъ, но пожалуй, укажемъ на два способа, ими же сами предлагаемые; слѣдовательно, на свои собственные рецепты они положиться могутъ. Первый—получше вытвердить зады въ древнихъ языкахъ, которыя сообщатъ имъ устойчивость или, такъ сказать, порядочность мысли и уваженіе къ публикѣ. Древніе языки рекомендуемъ имъ для того, чтобы они не мѣняли легкомысленно, какъ не «дисциплированные» юноши, по нѣскольку разъ своихъ взглядовъ на одинъ и тотъ же предметъ, что мы показали выше; древніе писатели, и преимущественно ораторы, такъ тщательно и строго логично вырабатывавшіе свои рѣчи, изъ уваженія къ мыслительной способности своихъ слушателей, предохранятъ ихъ и отъ почтиванія читателей плохими переводами изъ Латинскихъ историковъ, и еще болѣе плохими на этотъ счетъ и легкомысленными объясненіями въ родѣ того, что плохой переводъ изъ Тита Ливія помѣщенъ, «какъ вставка», мимоходомъ. Нѣтъ, знающій хорошо Латинскій языкъ, переводчикъ ли то будетъ, или Редакторъ журнала, не только мимоходомъ, но и въ шутку, всегда и при всѣхъ условіяхъ, передастъ слова подлинника въ ихъ настоящемъ значеніи. Другое дѣло не обработать хорошо языка своего перевода, ради спѣшности, или неважности, но объ этомъ мы и не говоримъ; ошибки же, обличающія прямое незнаніе словъ и смысла выраженій, нигдѣ и никогда не извинительны, особенно для проповѣдниковъ классицизма. Такое объясненіе въ защиту дурного Латинскаго перевода не хуже самаго перевода. Къ чему тутъ понадобилось оно? Ради оправданія? Но дурное ни чѣмъ не можетъ быть оправ-

дано, не сдѣлается отъ того хорошимъ, и даже посредственнымъ. Ради извиненія? Но: «Excusatio non petita, accusatio manifesta». Сдѣланнаго не передѣлать уже: «Factum infectum fieri non potest». Плохо тому, на кого его же и слова и дѣла: «Turpe est doctori, dum culpa redarguit ipsum». Второй рецептъ не такъ сложенъ: это тотъ самый Англійскій способъ лѣченія, который мы сейчасъ назвали настоящимъ его именемъ со словъ Редакціи «Московскихъ Вѣдомостей». Въ похвалу ему нельзя не сказать: «Cum feriunt unum, non fulmina ferrent». По законамъ здраваго смысла а вмѣстѣ и безпристрастія, когда дѣлается предостереженіе, то надлежитъ обслѣдовать это предостереженіе, и тѣмъ тщательнѣе, чѣмъ болѣе вопіющи указываемые имъ случаи, а потомъ исправить мѣру, которая перемѣриваетъ, и вѣсы, которыя перевѣшиваютъ. Если же, при всей очевидности указаній, не хотятъ приступить къ исправленію, то это показываетъ, что мелкій разсчетъ вступилъ въ свои права и что до требованій человѣческаго здравомыслія ему нѣтъ дѣла, а всю свою логику онъ примѣняетъ къ своей частной цѣли, чтобы удавшуюся случайно фанатическую идею отстоять въ ея фанатической исключительности, среди подымающагося отовсюду зловѣщаго подземнаго гула. Иначе, указанныя нами крайнія противорѣчія въ публичной дѣятельности Московскихъ союзниковъ, ополчившихся на Русскій Университетъ, и ихъ очевидно пагубныя, даже непонятныя, требованія разныхъ отмѣнъ и ограниченій, никакими законами здраваго смысла объяснены быть не могутъ безъ тѣхъ разоблаченій, которыя, быть можетъ, наименѣе желательны поборникамъ классицизма и радѣтелямъ Русскаго Университета. Извѣстное, неизвѣстное, дѣло: «есть тайно, еже не явѣ», или, какъ Латынь выражается: «Quidquid nix celat, solis calor omne revelat». Напрасно думать: замыслы наши крѣпки сами собою, и кто бы что ни говорилъ и ни дѣлалъ, постоимъ мы за себя; но: «Saepe optime cogitata pessime cadunt», говорятъ вамъ ваши же классики. Сила тутъ ни при чемъ, если не покоится она на правдѣ; она себя губитъ: «Vis consilii expers, mole ruit sua». Не обольщайтесь, не говорите: «Nos numerus sumus, et fruges consumere nati»; не хвалитесь: «Quid

curo stellas, si mihi Phoebe, faves?» ни «Norunt, cui serviunt leones», чтобы не затянуть послѣ: «Nos quoque floruimus, sed flos ille fuit caducus», по тому что: «Violenta nemo imperia continit diu»; при томъ: «Brevis est magni fortuna favoris». То одно прочно въ мірѣ семъ, что зиждется на прочномъ, т. е., на правдѣ, на истинѣ, на благѣ: а Г. Любимовъ со своими развѣ смѣетъ сказать теперь, обращаясь къ Русскому Университету: «Путь истины изволихъ, и судьбы твоя не забыхъ»? Однимъ словомъ, невольно вспоминаются намъ тутъ въ заключеніе слова, сказанные уже въ древности однимъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени: «Dum privatae utilitati consulitur, commodum universum perditur». Конечно, это можетъ быть, и горько слышать отъ другихъ тѣмъ, кто съ тою гордостію провозгласилъ: «Изданіе наше предназначено служить интересамъ свободы и жизни»; но что же дѣлать, когда другіе, не видя этого служенія, провидятъ въ нихъ совсѣмъ противное тому и, въ оправданіе своихъ домысловъ, указываютъ на дѣла ни мало не гласящія о свободѣ и жизни, да, въ досадѣ на такое помыканіе столь священными для человѣка понятіями, высказываютъ злоупотребляющимъ ими въ лицо упреки безъ всякаго подслащенія. Они свидѣтельствуются въ справедливости того ихъ же дѣлами, и «свидѣтельство сіе (говорятъ они) истинно есть: ея же ради вины и обличаютъ ихъ нещадно, да здрави будутъ, не внимающе баснемъ, ни заповѣдемъ человѣкъ, отвращающихся отъ истины». Гнѣваться за то не лѣть есть, по тому что: «Admoneri bonus gaudet, pessimus quisque correptionem asperrime patitur». Да, святая, во вѣки непреложная, истина: доброе добромъ и поминается. Кто ее не знаетъ, кто ее не видитъ, и не видѣлъ въ своей жизни? «Vidimus, et sordet, quidquid spectavimus olim»...

Появленіе статьи К. Муція Сцеволы нагнало цѣлую бурю на Общество и исторія древностей. По словамъ А. А. Котляревскаго, статья едва не вызвала разрушеніе стараго московскаго историческаго общества [1]). Въ протоколахъ Общества есть едва примѣтные слѣды всего происшедшаго. Бывшій тогда предсѣда-

---

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго т. II стр. 443.

телемъ Общества гр. С. Г. Строгановъ вышелъ въ отставку; Бодянскій остался секретаремъ, но за то былъ лишенъ права что-нибудь печатать безъ согласія предсѣдателя Общества. Предсѣдателемъ былъ избранъ генералъ П. В. Исаковъ а, за отказомъ его, М. П. Погодинъ [1]).

Подробности всего, что случилось по поводу напечатанія «Трилогіи на трилогію» намъ неизвѣстны. Можно только догадываться, что дѣло было такъ, какъ и во времена Флетчера, т. е. что гоненіе на Общество вышло изъ среды ученой братіи, враждебной Бодянскому. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ тогда гр. Д. А. Толстой, который всегда находился подъ большимъ вліяніемъ Каткова и К°. Послѣднимъ не трудно было направить его дѣйствія въ извѣстную сторону. Формальнымъ предлогомъ для того, чтобы зажать ротъ Бодянскому, было выбрано, то обстоятельство, что въ программу «Чтеній» не входили статьи публицистическаго характера. Въ 60-хъ годахъ, мы знаемъ, статьи по университетскому вопросу печатались въ «Чтеніяхъ» и считались дозволенными. По крайней мѣрѣ, никто не обратилъ вниманіе на то, что онѣ не входятъ въ программу изданія. Теперь же, въ 1870 года, когда статья Бодянскаго оказалась невыгодной для Каткова и Любимова, она повлекла за собой цѣлую бурю...

IX.

Послѣдніе годы жизни О. М. Бодянскаго. Смерть его. Некрологи. Оцѣнка личности О. М. Бодянскаго людьми, его лично знавшими. Судьба библіотеки и рукописей О. М. Бодянскаго.

Въ послѣдніе годы своей жизни О. М. Бодянскій началъ прихварывать, но все-таки неизмѣнно работалъ надъ своими излюбленными «Чтеніями». На совѣтъ своего друга земляка профес-

---

[1]) Чтенія 1875 г. кн. I, протоколы стр. 167 и кн. III, протоколы стр. 119.

сора Варвинскаго, не запускать болѣзни, а пригласить постояннаго врача, онъ отвѣчалъ, говоритъ проф. А. А. Кочубинскій, своимъ классическимъ «не хо́чу»—съ неизмѣннымъ своимъ удареніемъ[1]). Болѣзнь между тѣмъ дѣлала свое дѣло. За нѣсколько дней до смерти, положеніе Бодянскаго было уже безнадежнымъ.

«Поддержи меня хоть немного, мнѣ нужно сдѣлать еще кой-какія распоряженія», просилъ онъ своего друга—профессора узнавъ отъ него о безнадежности своего положенія[2]).

Поддержать было уже не возможно, и 6 сентября 1877 года Бодянскій умеръ, не составивъ завѣщанія, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій.

О. М. Бодянскаго похоронили въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ могилой М. П. Погодина[3]).

«Московскія Вѣдомости» прошли молчаніемъ кончину О. М. Бодянскаго. Зато въ другихъ газетахъ и журналахъ съ глубокой скорбью проводили въ могилу этого оригинальнаго человѣка. «О. М. Бодянскій читаемъ мы, напр., въ некрологѣ, напечатанномъ въ № 213 газеты «Голосъ» за 1877 годъ, былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ могли смутить естественныя послѣдствія исполненнаго долга. Впродолженіе своей жизни онъ неоднократно доказывалъ, что готовъ многимъ рискнуть ради принципа, ради того, что онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ. Эта гражданская честность, эта неподкупность нравственнаго чувства составляетъ одну изъ привлекательнѣйшихъ чертъ въ нравственномъ обликѣ покойнаго. Въ наше время такъ рѣдко встрѣчаются натуры цѣльные, характеры стойкіе, что одна эта черта способна внушить уваженіе къ памяти почившаго труженика науки».

Подъ впечатлѣніемъ еще свѣжей могилы «Вѣстникъ Европы» писалъ:

---

[1]) «Славянское Обозрѣніе». 1892 ноябрь—декабрь. стр. 305.

[2]) *И. Ф. Павловскій.* Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ «Рус. Стар.». 1888 ноябрь, стр. 394—395.

[3]) «Рус. Архивъ». 1883, кн. I, стр. 83.

«Въ первыхъ числахъ сентября умеръ въ Москвѣ Осипъ Максимовичъ Бодянскій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ славистовъ—не только у насъ, но и во всей славянской литературѣ. Его имя извѣстно было въ ученомъ славянскомъ мірѣ, на ряду съ корифеями славистики...»

... «Какъ характеръ, Бодянскій былъ человѣкъ очень независимый,—качество, слишкомъ рѣдкое въ нашемъ учено-литературномъ мірѣ. Эпизодъ съ переводомъ въ Казань свидѣтельствуетъ объ этой независимости, въ которой сказывалась и черта малорусскаго упрямства. Говорятъ, столь же независимо онъ держалъ себя въ недавнее время, когда въ московскомъ университетѣ господствовалъ авторитетъ Леонтьева! Бодянскій не подчинялся ему и, кажется, вслѣдствіе этого обстоятельства былъ забаллотированъ по выслугѣ срока,—забаллотированъ одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ ученыхъ, какіе только бывали въ московскомъ университетѣ. Мало того; въ университетскомъ изданіи, какимъ въ сущности были «Чтенія», Бодянскій не усумнился напечатать знаменитую «Трилогію».

«Бодянскій владѣлъ чрезвычайно обширными свѣдѣніями, которыя были авторитетны даже для очень суровыхъ ученыхъ. Въ его богатой славянской библіотекѣ было, повидимому, много рѣдкихъ вещей, особенно рукописей»...

... «Бодянскій и Григоровичъ, уже принадлежащіе исторіи, являются намъ какъ ученые спеціалисты, которыхъ дѣятельность вращается въ научной отвлеченности, недоступной для массы общества. Но, въ сущности, они не были такими схоластическими учеными, какъ можно думать: и тотъ, и другой далеко не ограничивали своихъ интересовъ отжитой стариной,—напротивъ, и тотъ и другой слѣдили за современными движеніями славянства и могли бы сказать обществу много поучительнаго, если бы могли, и если бы потомъ не потеряли желанія... И тотъ, и другой—лучшіе знатоки славянства въ нашей литературѣ—не были славянофилами. Они слишкомъ хорошо знали дѣйствительное положеніе славянскихъ народовъ и ихъ стремленій, чтобы принимать исключительную и притязательную славянофильскую теорію.

Точно также, понимая, какія побужденія служатъ источникомъ возникновенія мѣстныхъ народныхъ литературъ, они никогда не относились къ нимъ съ тѣмъ высокомѣріемъ, какъ нѣкоторые новѣйшіе отпрыски славянофильства, ставшіе лазутчиками и алгвазилами этихъ мѣстныхъ литературъ и, конечно, названные ученые были гораздо ближе славянофиловъ къ истинному пониманію славянскаго вопроса» [1]).

Серьезную оцѣнку заслугъ О. М. Бодянскаго для науки сдѣлалъ также М. И. Семевскій въ некрологѣ Бодянскаго въ Русской Старинѣ». «Знаменитый ученый, по его словамъ,—Бодянскій оказалъ громадныя услуги Россіи, въ области славяновѣдѣнія и отечественной исторіи» [2]).

Подъ впечатлѣніемъ недавней смерти О. М. Бодянскаго были написаны поминки по немъ А. А. Котляревскаго и И. И. Срезневскаго. Мы часто упоминали о нихъ и знаемъ, какъ высоко цѣнили О. М. Бодянскаго оба названные слависта.

«Не много было у насъ такихъ самоотверженныхъ дѣятелей, какимъ былъ Бодянскій, говоритъ И. И. Срезневскій, нельзя не признать его заслугъ, какъ заслугъ важныхъ, достойныхъ благодарности общей» [3]).

Во всѣхъ некрологахъ О. М. Бодянскаго и поминкахъ его отмѣчались его неутомимость, его любовь къ наукѣ, его непоколебимая твердость характера.

«Неутомимость Бодянскаго въ изданіи «Чтеній»,—говоритъ И. И. Срезневскій, невольно поражала всякаго столько же, какъ и стойкость его характера, и самостоятельность воззрѣній на всѣхъ и вся, соединяемая нерѣдко съ самомнѣніемъ» [4]). А. А. Котляревскій такъ характеризуетъ О. М. Бодянскаго: «Характера Бодянскій былъ разсчетливо-обдуманнаго и сдержаннаго; послѣдняя черта

---

[1]) «Вѣст. Европы», 1877, кн. X, стр. 899—904.

[2]) «Рус. Ст.», 1897, май, стр. 218.

[3]) Поминка о Прейсѣ, Григоровичѣ и Бодянскомъ, стр. 47.

[4]) *Срезневскій*. На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ. стр. 15.

нерѣдко скрывалась у него подъ видомъ простодушія: но это былъ твердый и стойкій характеръ, это былъ человѣкъ убѣжденій, не уступавшій ни пяди земли безъ боя и не входившій ни въ какія сдѣлки съ совѣстью. Такими чертами отмѣчена и его дѣятельность послѣдняго времени, когда помѣщена имъ въ «Чтеніяхъ» статья «Трилогія на трилогію», едва не вызвавшая разрушеніе стараго московскаго историческаго общества».

«О. М. Бодянскій былъ образецъ ученаго трудолюбія, и какъ профессоръ, и какъ секретарь ученаго общества—редакторъ его журнала: онъ вполнѣ подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ» (2-е посланіе Павла къ Тим., гл. IV, ст. 7)» [1]).

Наконецъ, послѣдній изъ учениковъ О. М. Бодянскаго одесскій профессоръ А. А. Кочубинскій рисуетъ намъ фигуру и нравственный обликъ Бодянскаго въ такихъ словахъ: «Небольшого роста, сутуловатый, съ огромной головой на толстой и короткой шеѣ, съ испорченными болѣзнью врозь глядящими глазами, съ прямыми «гетманскими» усами, и все это на короткихъ ногахъ безъ пальцевъ,—Бодянскій былъ некрасивъ [2]). Но эта некрасивая оболочка вмѣщала въ себѣ высокій духъ, который носителя своего возвышалъ надъ уровнемъ, не дозволялъ ему входить съ соглашеніе. Упрямо—точный до смѣшного, твердый въ въ своихъ рѣшеніяхъ и въ тоже время привѣтливый, съ отмѣнно

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2, стр. 443.

[2]) Некрасивая наружность Бодянскаго дала поводъ профессору-юристу Дмитріеву сочинить такого рода „недобрый экспромтъ“,

Воззри на звѣря-бегемота,
На дальній типографскій дворъ.
Глаголица его охота,
И по древлянски онъ остеръ.

Г. Кочубинскій находитъ нѣкоторое сходство у Бодянскаго съ названнымъ звѣремъ (Истор. Вѣст. 1887, кн. XII, стр. 506).

добрымъ мягкимъ сердцемъ [1]), Осипъ Максимовичъ сторонился всего, что заключало въ себѣ хотя малѣйшій намекъ на низость, холопство или грозный практицизмъ и даже въ самыя трудныя, критическія минуты своей жизни были всегда однимъ до самозабвенія» [2]).

Мы знаемъ, что еще въ семинаріи Бодянскій былъ библіофиломъ и собиралъ книги. Въ бытность свою въ заграничной командировкѣ онъ составилъ довольно большое и цѣнное собраніе по славяновѣдѣнію, простиравшееся до 1909 книгъ. Это собраніе онъ продалъ, по возвращеніи въ Россію, московскому университету за 3,142 р. 85½ коп. сер., т. е. за ту сумму, которую стоили какъ самыя книги, такъ и ихъ перевозка. Благодаря этой покупкѣ, московскій университетъ и его молодая кафедра славяновѣдѣнія сразу же обогатились очень цѣнной библіотекой [3]).

Съ годами страсть къ собиранію книгъ еще болѣе выросла. Послѣ смерти Бодянскаго осталась большая, очень богатая въ

---

[1]) Графиня Ростопчина въ своемъ стихотвореніи «Домъ сумасшедшихъ въ Москвѣ въ 1858 г.» посвящаетъ О. М. Бодянскому слѣдующіе строки:

Вотъ незлобная овечка,
Сущій въ хартіяхъ монахъ,
Не терявшій ни словечка
О житейскихъ пустякахъ:
Онъ съ Кириллицей вѣнчался,
Онъ Глаголицѣ сродни,
И всегда забыть старался
Жизни мышьи бѣготни.

(Рус. Ст. 1888 г., т. 55, стр. 690).

[2]) *А. А. Кочубинскій.* О. М. Бодянскій въ его дневникѣ. Истор Вѣст. 1887, кн. XII, стр. 507.

[3]) Чтенія въ Общ. ист. и древн. россійскихъ. 1879 г., кн. I. Письма Бодянскаго къ Погодину, стр. 31. Рус. Ст. 1879 г., XI, стр. 473—475.

научномъ смыслѣ, библіотека и довольно большое собраніе рукописей. «Кто изъ посѣщавшихъ покойнаго во флигелѣ во дворѣ дома Мещириновой у Никитскихъ воротъ — спрашиваетъ проф. А. А. Кочубинскій—не помнитъ его библіотеки? Въ громадной залѣ стройными рядами—черные шкапы: направо дверь въ кабинетъ («славянская картинная галлерея»), отъ прихожей къ этой двери шелъ узкій проходъ, образованный шкапами, съ живымъ плющемъ по верху. Нигдѣ никакой пыли. Хозяинъ въ этомъ отношеніи былъ антиподомъ В. И. Григоровича, у котораго не было книги безъ страницъ, щедро облитыхъ каплями сальной свѣчи. Да и рѣдко давалъ онъ кому книги изъ своей библіотеки»... И это «трудовое наслѣдіе Бодянскаго, замѣчательное по богатству и сохранности собраніе книгъ и рукописей по славянской кафедрѣ, его библіотеку, постигла грустная участь, та же горькая участь, которая постигла и хозяина напослѣдокъ въ московскомъ университетѣ» [1])...

О. М. Бодянскій умеръ безъ завѣщанія. Распорядительницей всего сдѣлалась жена его, женщина безъ образованія. Московскій университетъ предполагалъ купить у нея библіотеку, и профессоръ Н. А. Поповъ произвелъ оцѣнку, причемъ библіотека была оцѣнена въ 7 тысячъ р. Вдова же просила 12 тысячъ. Кромѣ московскаго университета библіотеку хотѣло купить и министерство народнаго просвѣщенія для томскаго университета. Пока тянулись переговоры, полуграмотная вдова, не находя возможнымъ платить за квартиру для помѣщенія библіотеки и не встрѣчая нравственной поддержки со стороны ученыхъ, продала всю библіотеку букинистамъ за 3000 р. Отъ продажи въ розницу тѣ выручили болѣе 20 тысячъ. «Разгромъ библіотеки О. М. Бодянскаго,—говоритъ г. Гатцукъ, совершился, благодаря, съ одной стороны, вражды къ покойному ученому М. Н. Каткова, въ особенности за напечатаніе въ «Чтеніяхъ исторіи и древностей» извѣстной «Трилогіи на трилогію», съ другой же, благодаря недостаточной заботливости

[1]) Рус. Фил. Вѣст., 1880, т. IV, стр. 150—151.

и настойчивости представителей словесныхъ наукъ въ московскомъ университетѣ» [1]).

При продажѣ библіотеки букинистамъ въ ней почти не было рукописей [2]). Впослѣдствіи извѣстный ростовскій собиратель древнихъ рукописей А. А. Титовъ купилъ значительную часть бумагъ О. М. Бодянскаго, но А. А. Гатцукъ утверждалъ, что это не всѣ бумаги [3]). Часть бумагъ Бодянскаго, по словамъ А. А. Гатцука, передана имъ въ университетъ св. Владиміра (кіевскій) [4]). Цѣлы ли эти бумаги, намъ неизвѣстно. Въ своемъ «Опытѣ русской исторіографіи» проф. В. С. Иконниковъ объ этихъ рукописяхъ не говоритъ ни слова.

---

[1]) Рус. Стар. 1888, мартъ, стр. 761—762.

[2]) Тамъ же, стр. 762 и Русск. Стар., 1888 г., ноябрь, стр. 394—395.

[3]) Рус. Фил. Вѣстникъ, 1880, т. VI, стр. 150—151.

[4]) Рус. Стар., 1888, мартъ, стр. 762.

X.

Отношеніе Бодянскаго къ изученію Малороссіи послѣ возвращенія его изъ-заграницы. Полемическая статья Бодянскаго противъ Максимовича. О. М. Бодянскій и литераторы-малороссы. Изданіе малорусскихъ матеріаловъ въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ».—Заслуги О. М. Бодянскаго для изученія Малороссіи.

Занимаясь изложеніемъ біографіи О. М. Бодянскаго послѣ возвращенія изъ-заграницы, мы совсѣмъ не обращали вниманія на отношеніе его къ Малороссіи, къ землякамъ-малороссамъ и на то, что дѣлалъ и сдѣлалъ О. М. Бодянскій для научнаго изученія своей родины.

Постараемся хоть нѣсколько заполнить этотъ пробѣлъ.

До поѣздки заграницу О. М. Бодянскій дѣятельно, какъ мы знаемъ, занимался изученіемъ малорусскаго языка и литературы. Занятія эти не были случайными, а глубоко коренились въ тѣхъ симпатіяхъ къ Малороссіи, какъ къ родинѣ, которыя были крѣпки и сильны у него съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Поѣздка заграницу и занятія тамъ языками западныхъ славянъ отвлекли Бодянскаго отъ

того научнаго пути, которымъ онъ шелъ. Привезя громадный научный матеріалъ, собранный въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Бодянскій, естественно, былъ имъ подавленъ. Вернуться къ прежнимъ занятіямъ онъ не могъ, потому что это значило бы оставить неиспользованнымъ собранный у западныхъ славянъ матеріалъ. Да и нужно было бы начинать сначала. Малорусскимъ языкомъ Бодянскій заграницей не занимался, въ изученіи его онъ отсталъ; матеріалъ, который онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, не могъ быть значительнымъ, а между тѣмъ занятія Бодянскаго у Шафарика, затѣмъ наблюденія его надъ языками западныхъ славянъ создали у него иныя требованія и отношенія къ изучаемому матеріалу, чѣмъ тѣ, какія у него были раньше, до поѣздки заграницу. Однимъ изъ основныхъ требованій было, чтобы матеріалъ былъ изученъ возможно полно, всесторонне, критически и чтобы выводы покоились на возможно большемъ количествѣ изученныхъ данныхъ. Университетскія лекціи поглощали у Бодянскаго слишкомъ много времени, чтобы онъ могъ думать о какихъ-нибудь новыхъ занятіяхъ. Лекціи эти не могли быть посвящены малорусскому языку; кафедра славянскихъ литературъ, которую занималъ Бодянскій, по своей задачѣ, имѣла въ виду, главнымъ образомъ, если не исключительно, западныхъ славянъ. Затѣмъ Бодянскій былъ избранъ секретаремъ Общества, сдѣлался редакторомъ «Чтеній» и цѣликомъ вошелъ въ это изданіе. Если онъ, благодаря своему редакторству, не успѣлъ обработать весь матеріалъ, собранный имъ такъ кропотливо и трудолюбиво во время поѣздки заграницу, то что же тутъ говорить о занятіяхъ Бодянскаго малорусскимъ языкомъ, для котораго нужно было еще собирать матеріалъ?

Всѣ эти соображенія мы высказываемъ для того, чтобы объяснить, почему Бодянскій по возвращеніи изъ-заграницы не вернулся къ своимъ первоначальнымъ занятіямъ и почему малорусскій языкъ и литература лишились такого глубокаго, по отзывамъ спеціалистовъ, изслѣдователя.

Если мы не ошибаемся, одинъ только разъ послѣ возвращенія своего изъ-заграницы О. М. Бодянскій печатно коснулся малорусскаго языка.

Это было вотъ по какому поводу.

Въ началѣ 1840-хъ годовъ Шафарикъ издалъ свою этнографическую славянскую карту. Когда Бодянскій былъ заграницей, Шафарикъ какъ разъ работалъ надъ составленіемъ этой карты и пользовался совѣтами Бодянскаго относительно малороссовъ. Мы знаемъ уже, что Бодянскій стоялъ за фонетическое правописаніе въ малорусскомъ языкѣ, т. е. требовалъ писать слова такъ, какъ они произносятся. Въ этомъ отношеніи онъ расходился какъ съ Максимовичемъ, такъ и со Срезневскимъ. Естественно, разъ Шафарикъ пользовался совѣтами Бодянскаго, на его карту и попали малорусскія имена съ фонетическимъ правописаніемъ: *Переяславъ*, *Василькивъ*, *Пивтава*, и пр. Когда карту Шафарика мелькомъ увидѣлъ въ Кіевѣ М. А. Максимовичъ, онъ написалъ Погодину совершенно частное письмо, въ которомъ находилъ излишнимъ въ ней «искусственный малороссіянизмъ». «Правда, писалъ онъ, измѣнять букву *о* въ *и* любитъ малороссійское произношеніе; но измѣнять ее нарочно въ названіяхъ разныхъ городовъ и рѣкъ, когда нѣтъ того у самаго народа, значитъ, поддѣлываться подъ народный колоритъ, усиливать его, а не представлять его въ томъ видѣ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ». Максимовичъ винилъ предъ Шафарикомъ того, «кто присовѣтывалъ ему такой провинціальный *пересолъ*», т. е. Бодянскаго, и просилъ Погодина передать знаменитому чешскому ученому, что онъ очень хорошо сдѣлаетъ, если въ новомъ изданіи карты «всуе употребленный южно-русскій звукъ *и* возведетъ опять къ общесловенскому коренному звуку *о*» [1]). Получивъ это письмо Погодинъ нашелъ его интереснымъ въ научномъ отношеніи и напечаталъ во 2-мъ номерѣ «Москвитянина» за 1843 годъ подъ заглавіемъ «Отрывокъ изъ письма о малороссійскихъ собственныхъ именахъ».

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича т. III, стр. 329.

На письмо это въ 5-ой книжкѣ того же журнала отвѣтилъ О. М. Бодянскій особой статьей: «Г. возводителю къ общесловенскому коренному звуку» [1]). Статья подписана латинской буквой *N* и написана довольно таки рѣзко. Видимо, замѣчанія М. А. Максимовича задѣли Бодянскаго за живое. Такъ какъ «Москвитянинъ»—журналъ въ настоящее время довольно рѣдкій, то мы, оставляя въ сторонѣ чисто личную полемику, приведемъ здѣсь существенныя части этой статьи. Мнѣнія О. М. Бодянскаго могутъ быть интересны для спеціалистовъ.

Вотъ что онъ писалъ въ возраженіе М. А. Максимовичу и отстаивая правописаніе, принятое Шафарикомъ:

1) «Названія городовъ и рѣкъ на *овъ* суть, какъ извѣстно, по происхожденію своему, *прилагательныя притяжательныя*. Прилагательныя притяжательныя на *овъ* измѣняютъ всегда въ этомъ окончаніи букву *о* въ *и*, что допускается подразумѣвательно и самимъ М. А. (Максимовичемъ) и что всякому природному малоруссу извѣстно какъ 2×2. Можетъ ли же слово одного итого же разряда въ смыслѣ прилагательнаго притяжательнаго *не городоваго* и *нерьчнаго* измѣнять *о* въ *и* всегда, а въ смыслѣ прилагательнаго притяжательнаго *городоваго* и *рьчнаго* не измѣнять? По своему происхожденію и значенію *не можетъ*, потому что оно, составляя названіе мѣста, урочища, и т. п. ни мало не перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было, прилагательнымъ притяжательнымъ, и, слѣдовательно, должно сохранять свою природу и свойства тутъ, какъ и въ прочихъ случаяхъ, превращать *о* въ *и*. Малоруссы говорятъ: «То дв*и*ръ Семен*и*въ, Иван*и*въ, Яков*и*въ, городъ Гетьман*и*въ, Харьк*и*въ, Крюк*и*въ», и пр., но не Семеновъ, Ивановъ, Яковов, Гетьмановъ, Харьковъ, Крюковъ, потому что они всегда соединяютъ съ этимъ происхожденіе, начало, зависимость, и т. п., тѣхъ предметовъ отъ лицъ, и т. д., коихъ оные носятъ на себѣ названія. Удареніе тутъ не рѣдко перемѣняетъ свое мѣсто; Харьк*и*́въ и Х*а*́рьковъ; но буква *о* не подлежитъ этому исключенію. Производныя отъ этихъ прилагательныхъ притяжательныхъ для озна-

[1]) «Москвитянинъ», 1843 г., кн. 5, стр. 249—259.

ченія како-либо мѣста, и т. п., всегда измѣняютъ *о* въ *и:* Семен*и*вка, Иван*и*вка, Перекоп*и*вка, но не Семеновка, Ивановка, Перекоповка. Равно прилагательныя отечественныя дочерей тоже подлежатъ этому правилу: Ганна Семен*и*вна, Иван*и*вна, Яковл*и*вна, которыя употребляютъ даже безъ собственнаго имени, и тогда означаютъ дочь такого-то, перенося при этомъ удареніе на измѣнившееся *о* въ *и*: Семен*и*вна, и т. д. Тоже самое наблюдается и въ существительныхъ *коренныхъ*, равно какъ и нѣкоторыхъ составныхъ, также въ прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименіяхъ односложныхъ, а иногда и многосложныхъ: н*и*жъ, к*и*нь, небн*и*жъ, г*и*ркый, м*и*й, тв*и*й, и пр. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ измѣненію въ подобныхъ словахъ буквы *о* въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ *у*, *и*, *ы* напр., въ польскомъ, чешскомъ, сербо-лужицкихъ, хорутано-словенскомъ, и т. д., гдѣ только оное допускается. Это—правило: исключенія—чрезвычайно рѣдки: есть слова, выговаривающіяся съ *и* и *о*: к*и*нець и к*о*нець, дубр*и*вонька и дубр*о*вонька. Но такія слова почти всѣ суть *уменьшительныя*. Особенность ихъ заключается еще и въ томъ, что они это *и* могутъ удерживать и въ прочихъ падежахъ, чего коренныя не допускаютъ, кромѣ *конь*, имѣющаго въ твор. множ. всегда к*и*ньмы, и подобныхъ ему, напр. *слёза*, измѣняющее въ род. и пред. множ. *е* въ *и:* сл*и*зъ, сл*и*зьмы. Какъ въ прилагательныхъ притяжательныхъ простыхъ и мѣстныхъ *о* измѣняется въ *и*, такъ точно и въ этомъ случаѣ оно подвержено тому же самому закону. Оттого малоруссы говорятъ: Н*и*втава, Решетыл*и*вка, Бѣлоцерк*и*вка, Васыл*и*вка, Максым*и*вка, Иванк*и*вци, Ирк*и*вци, Иськ*и*вци, и т. д.»

2) «Такое свойство малорусскаго выговора буквы *о* въ приведенныхъ случаяхъ не есть отнюдь *провинціяльный пересолъ:* напротивъ, скорѣе противное ему—*провинціяльство*, недосолъ, уклоненіе. Вездѣ, гдѣ только малоруссы живутъ *громадою*, какъ преобладающій, главный, народъ по своему числу и старинѣ, отъ Дона и Донца до Сана и Попрада, отъ Судости и Припети до Чернаго моря и Черемоша, измѣненіе *о* и *е* (рѣдко *у* или *ѫ*) въ *и*—*правило:* отступленіе же отъ него—*исключеніе*. Такъ

говорятъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, Днѣстра, Случи, Стыра, Стрыя, Латорицы, Буга и Кубани.—Это господствующее произношеніе. Уклоненія слышны только на *предѣлахъ* земли Южныхъ Руссовъ, гдѣ языкъ ихъ, столкиваясь съ другимъ, родственнымъ или чуждымъ, языкомъ, естественно, какъ это водится всюду, производитъ *разность въ рѣчи, разнорѣчіе*, что Нѣмецъ выражаетъ испорченнымъ Латинскимъ словомъ *Varietät*. Напримѣръ со стороны Великорусской *Сѣверцы* (черниг. губ.) удерживаютъ *о:* конь: далѣе отъ нихъ къ Бѣлоруссамъ *о* переходитъ въ *уи, уо, ʼу* и *ю:* к*уи*нь, к*уо*нь и к*ю*нь: со стороны Польши, у *Люблинцевъ у:* к*у*нь, а у *Карпато-Руссовъ*, со стороны Словаковъ, Мадьяровъ, Волоховъ и Поляковъ, въ одномъ мѣстѣ *у*, въ другомъ *уй*, въ третьемъ *ю* (Франц. *u*), а въ четвертомъ *ы:* р*у*къ, р*уй*къ, р*ю*къ, р*ы*къ (рокъ—годъ); но въ прилагат. именахъ даже и Южно-Руссы въ Угріи слѣдуютъ обще-Малорусскому произношенію: *покирный*, нерѣдко измѣняя и тамъ *о* въ *и*, гдѣ прочіе не дѣлаютъ того: ск*и*ришый: отсюда не исключаются и самыя существительныя: ябл*и*ко, бр*и*ва, особенно послѣ *р* и *л*, гдѣ въ Церковно-Книжномъ вмѣсто *о* стоитъ *ъ* или *ь:* исключенія немногочисленны: къ нимъ относятся, большею частію, удерживающія старо-Славянское *ъ* или *ь:* дрѣва, или же произносимыя (Чехами и Сербами) звукомъ среднимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ краткимъ (между *е* и *и*), что особливо имѣетъ мѣсто въ словахъ, измѣнившихъ древнее *ъ* и *ь* въ *е*. При всемъ томъ и тутъ, чѣмъ дальше отъ столкновенія съ инородцами, тѣмъ чаще слышите *и:* Б*и*гъ, н*и*жъ, к*и*нь».

3) «Мы сказали уже, что измѣненіе *о* въ *и* во всемъ соотвѣтствуетъ тутъ измѣненію первой въ *у* въ нарѣчіяхъ Польскомъ, Чешскомъ, и т. д. Поляки и Чехи въ этомъ случаѣ вездѣ пишутъ *ó* (равнозначительному нашему *у*) и *ů* (тоже *у*), держась большинства выговаривающихъ его такъ, а не иначе. Что же бы они сказали, еслибъ кто нибудь сталъ теперь налегать на нихъ писать просто *о* или другую какую гласную, употребляемую въ томъ или другомъ углу Чехіи и Польши, вмѣсто *ó*, *ů*, ссылаясь при этомъ на то что тутъ *о* вездѣ коренное, первоначаль-

ное? Разумѣется, ему отвѣчали бы: «Дѣлайте это тамъ, гдѣ вы находите то нужнымъ для показанія съ умысломъ *разнорѣчій* извѣстнаго нарѣчія или въ обще-Славянскомъ Сравнительномъ Словарѣ и Граматикѣ; но не навязывайте намъ этихъ мѣстностей, частностей, уклоненій, въ нынѣшнемъ нашемъ живомъ языкѣ, не навязывайте намъ *умершей*, невозвратной, *старины*, имѣвшей въ свое время силу и употребленіе, и любезной намъ только по однимъ, соединеннымъ съ нею, воспоминаніямъ, но потерявшей уже смертью своей право на господство, не навязывайте, ради Бога, *исключеній*, составлявшихъ когда-то правило, а теперь одно незамѣтное изъятіе, *недобивокъ*, годный лишь въ сравненіяхъ и повѣркахъ. Мы хотимъ слѣдовать *большинству* употребленія, *голосу народа*, единственнаго законодавца своей рѣчи, а не народца, какого нибудь захолустья, или книжныхъ умниковъ, исправителей и усовершителей языка, хотимъ писать языкомъ, какъ онъ звучитъ въ устахъ современниковъ нашихъ, теперь, а не какъ онъ звучалъ за тысячу и больше лѣтъ, или какъ бы вамъ хотѣлось, по своимъ взглядамъ и разглядамъ, заставить его звучать. Всему свое мѣсто и время, и все хорошо и красно только у себя и въ свой часъ. Не дѣлайте изъ каждаго, кто только умѣетъ держать перо въ рукахъ, языкоизслѣдователя, но научите всякаго какъ бы скорѣе, вѣрнѣе и удобнѣе выражать свои мысли, и т. п., помощію письменныхъ знаковъ». То же самое сказали бы и Хорутано Словенцы, Угро-Словенцы, Верхне и Нижне-Лужичане, измѣняющіе также *о* въ *у* по большинству произношенія, а въ *разнорѣчіяхъ* различно: *оа*, *оп*, *ö*, *ó*, *по*, и. *не*, *й*, *у*, *і*. Всѣ они, однако же, означаютъ эту разницу разнаго рода знаками, стараясь, какъ можно ближе, подойти къ народному выговору, но, замѣтьте, ни одинъ изъ нихъ не пишетъ *о* просто, безъ всякаго значка. Примѣчательно, что перемѣна *о* въ *у* преимущественно господствуетъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ Сѣверо-Западной вѣтви, составляя въ нихъ собою *правило:* исключенія же только по подрѣчіямъ и разнорѣчіямъ. Напротивъ, въ нарѣчіяхъ Юго-Восточной вѣтви—совершенно на оборотъ: а потому гдѣ только *о* измѣняется въ *и*, всегда видите близкое сосѣдство

Ruthenisches Seminar an der Universität Czernowitz

къ нарѣчію перваго разряда или какія нибудь *историческія* и *мѣстныя* отношенія, напр. въ Хорутано-Словенскомъ, и т. д. То же слѣдуетъ сказать и объ исключеніяхъ въ Сѣверо-Западныхъ нарѣчіяхъ касательно удержанія кореннаго *о*. Но Малорусское нарѣчіе по всѣмъ своимъ подрѣчіямъ составляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательное *исключеніе* между подобными себѣ Юго-Восточной вѣтви, согласуясь въ измѣненіи *о* въ *и* съ братьями Сѣверо-Западнаго разряда. Не мѣсто и не время объяснять здѣсь причины такого разногласія: для васъ, въ теперешнемъ случаѣ, довольно уже, что оно *дѣйствительно* существуетъ въ немъ, преобладаетъ. Впрочемъ, замѣчаемъ, что для объясненія себѣ и другимъ этого являнія, вовсе *ненужно* прибѣгать ни къ какимъ прибалтійскимъ Руссамъ и, заставлять ихъ переселяться на берега Днѣпра, или же обращать южную Русь въ *срединную* Славянскую землю, что ей совершенно не къ лицу, не принадлежитъ, и обличаетъ только самое *поверхностное* знаніе въ славяновѣдѣніи и страсть къ построенію зданій изъ сыраго матеріяла, съ притязаніемъ на прочность и изящество. Въ языкоизслѣдованіи надобно особенное обращать вниманіе, что въ немъ *правило*, а что *исключеніе*, что обще цѣлому, а что лишь частямъ. Только сохраняя этотъ простый, естественный и непремѣнный законъ, можно избѣгнуть *блистательныхъ ошибокъ*, невольно срывающихъ улыбку съ устъ знающаго и заставляющихъ жалѣть о тратѣ времени и труда, такъ *всуе* расточеннаго».

...«Для вѣрнаго и безошибочнаго сужденія объ отличительныхъ свойствахъ какого-бъ ни было языка, мало быть туземцемъ надобно взрость среди своего народа, достигнуть, по крайности, возмужалыхъ лѣтъ, проникнуться своимъ роднымъ насквозь да насквозь,, изучить его у деревенскаго простонародья, самой упругой и твердой части народа, долѣе и болѣе всѣхъ привязанной къ старинѣ и языку предковъ, и притомъ изучить не въ одномъ только мѣстѣ рожденія, но по цѣлому объему своей отчины. А то какое тутъ знаніе языка своей родины, если васъ увезли, положимъ, въ нѣжномъ дѣтствѣ и воспитали среди другаго народа, хотя и родственнаго, но во многомъ вопереки несходнаго съ

вашимъ, если вы принялись за родной языкъ по книгамъ и скуднымъ сборникамъ народныхъ пѣсенъ, подкрѣпляя себя въ этомъ однимъ лишь темнымъ претемнымъ воспоминаніемъ младенческихъ лѣтъ! Много ли подвинетесь вы въ своемъ языкѣ даже и тогда, когда судьба приведетъ васъ, наконецъ, жить *у себя*, но исключительно въ городахъ, въ которыхъ все говоритъ или языкомъ господствующаго народа, или же какою-то чудною смѣсью *Варяго-Русскаго?* А таковъ, въ самомъ дѣлѣ, языкъ нашихъ *Малороссіянъ-горожанъ* безъ исключенія, особенно объявляющихъ притязаніе на что-то высшее, желающихъ казаться «*письменнымы*». Малороссіянъ, какъ говорится, съ Церковной и Гражданской азбукой. Окружающіе ихъ напитаны и пропитаны тѣмъ же самимъ духомъ, а потому невольно усвояютъ себѣ языкъ ихъ въ большей, меньшей, мѣрѣ, подражаютъ высшимъ себя. Кто не знаетъ этого *варварскаго* языка, столько обыкновеннаго у всѣхъ народовъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, порождаемаго желѣзной необходимостью, тщеславіемъ и страстью казаться лучше другихъ? Этотъ языкъ простираетъ власть свою и на тѣхъ, кои свили гнѣздушко, свое на перепутьѣ городовъ, столбовыхъ и почтовыхъ дорогъ, какъ проводниковъ городскаго вліянія, посредниковъ между селяниномъ и мѣщаниномъ. Разумѣется, посредники эти всегда больше похожи на свои первообразы, подойти къ коимъ какъ можно ближе составляетъ для нихъ верхъ честолюбія, нежели на бѣдныхъ поселянъ, находящихся къ нимъ въ обратномъ отношеніи. Эти-то Малороссіяне-книжники, *письменныкы*, дѣйствительно, по причинамъ, сейчасъ нами приведеннымъ, произносятъ букву *о* какъ коренной звукъ не только въ названіяхъ городовъ и т. п., но даже и во всѣхъ прочихъ существительныхъ, прилагательныхъ, и т. д., въ коихъ она въ устахъ селянина всегда и вездѣ выговаривается какъ *и*, думая тѣмъ удержать словопроизводство, особливо же приблизиться къ Церковному и книжному Великорусскому. О, то страшные грамотѣи, *букаре* и преобразователи языка! Сколько они ни родили этѣхъ уродливыхъ дѣтищъ своего свихнутаго воображенія и языковѣдѣнія, большею частію странствующихъ по рукамъ, въ спискахъ, читая кои, невольно спраши-

ваете: «Да по каковски же это»? «Да оцьце, якъ бачыте, пане добродію, се вже ни по Ляцькій, ни по Дяцькій, ни по Московській ни по Молдавській, а, крый, Боже, по Паській»! Въ нихъ всюду «Переясловъ, Васильковъ, Повтава, Иванковцы, Ркпьевъ, Алтыца, Овдя, вонъ булъ позванъ Оськомъ Нагорнымъ на масльыцѣ на горячіи вареники, але жонка его Евга привязалась къ ему якъ колтунъ, та й не пустила сердечного за порогъ». Стави еще эти умники надъ буквами, подчеркнутыми нами, какой нибудь *паеркъ*, тогда, какъ сонъ въ руку, такой образъ писанія и произношенія былъ бы *каллиграфія, орфографія, каллологія*, а противное имъ, безъ сомнѣнія, *какографія, какологія*, былъ бы «*употребительнѣйшій* способъ писанія въ Малороссіи, опирающійся на *Библейское* правописаніе», и пр., пр... Вотъ у кого, стало быть, могъ встѣтить и подслушать такое произношеніе названій городовъ, рѣкъ, и т. п., нашъ почтеннѣйшій М. А. Максимовичъ въ свое девятилѣтнее пребываніе на родинѣ! Но позволительно ли этотъ родникъ выдавать за единственно истинный, настоящій, чистый и безпримѣсный, источникъ, считать *щырымъ* Малорусскимъ языкомъ, и возводить на просвѣтовавшаго Шафарику держаться противнаго такое страшное обвиненіе, уличать въ поддѣлкѣ, искаженіи, называть провинціальнымъ пересоломъ»?

«Что касается того, что М. А. Максимовичъ не встрѣчалъ въ «Херсонскихъ и Крымскихъ степяхъ ни одного чумака, который называлъ бы *Перекопъ*—Перек*и*номъ, то на это замѣчаемъ: а) мудрено было встрѣтить чумака, такъ говорящаго, потому что *о*, измѣняющееся въ имен. пад. въ *и*, въ прочихъ падежахъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ, словъ, допускающихъ это такъ и инакъ, всегда удерживаетъ свой первобытный звукъ. Хорошо же вы прислушивались къ языку вашихъ земляковъ! Даже *письменныкы* ваши этакъ не говорятъ, между тѣмъ какъ вы дважды повторяете это чудище, въ словѣ «Перек*и*номъ» и «Переясл*и*ва», б) Точно, на Шафариковой картѣ стоитъ Перек*и*пъ, но у него же стоитъ и Конотопъ, а не Конот*и*пъ, и под., кои всѣ окончены на *о*пъ, а не на *и*пъ. Отсюда видно, что Перек*и*пъ или

опечатка, или ошибка, принадлежащая собственно составителю карты, а не его совѣтнику. Шафарикъ, зная правило, изложенное нами выше, могъ однажды ошибиться и написать *и* вм. *о*: но во всѣхъ другихъ словахъ удержалъ настоящее произношеніе. Иное совсѣмъ было бы заключеніе, если бъ онъ тутъ поступилъ наоборотъ»...

На статью Бодянскаго М. А. Максимовичъ отвѣтилъ, въ свою очередь, объясненіемъ, «относящимся къ Шафариковой славянской картѣ» [1]), въ которомъ привелъ большой матеріалъ для опроверженія мнѣній Бодянскаго. На этомъ полемика, къ сожалѣнію, и прекратилась. О. М. Бодянскій не возражалъ М. А. Максимовичу. Призналъ ли онъ себя побѣжденнымъ, или ему было некогда, трудно сказать. Пусть филологи-спеціалисты разсудятъ, кто изъ нихъ правъ, Бодянскій или Максимовичъ?

Полемика, при нѣкоторой ея рѣзкости, однако, не испортила отношеній между старыми пріятелями. Переписка между ними продолжалась до самой смерти Максимовича. Письма послѣдняго напечатаны А. А. Титовымъ [2]): письма же Бодянскаго, кажется, не сохранились въ бумагахъ М. А. Максимовича, и, должно быть, погибли, между тѣмъ они должны были содержать въ себѣ богатый матеріалъ для характеристики отношенія Бодянскаго къ Малороссіи, малороссамъ и новому теченію въ изученіи малорусскаго народа, представителемъ котораго впослѣдствіи стала петербургская «Основа». Вопросы эти, если судить, по письмамъ Максимовича, вѣроятно, затрагивались и Бодянскимъ. Въ общемъ же пріятельская переписка между ними проникнута чисто научными интересами: извѣстія объ историческихъ матеріалахъ, относящихся къ Малороссіи, справки по поводу тѣхъ или другихъ историческихъ вопросовъ, мнѣнія о книгахъ и т. д. Центромъ, возлѣ котораго вертится переписка, является научное изученіе Малороссіи. Изъ писемъ М. А. Максимовича мы узнаемъ, напри-

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. III, стр. 329—344

[2]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1887 г., кн. I.

мѣръ, что О. М. Бодянскій редактировалъ, т. е. вычеркивалъ и измѣнялъ «Филологическія письма» Максимовича къ Погодину, печатавшіяся въ «Русской Бесѣдѣ» [1]); хотѣмъ и самъ вмѣшаться въ этотъ филологическій споръ [2]); готовилъ къ изданію малорусскія народныя пѣсни [3]) и т. п.

Взаимныя симпатіи къ родинѣ сближали О. М. Бодянскаго и съ другими его земляками-малороссами.

Съ Гоголемъ Бодянскій познакомился, будучи еще студентомъ. Встрѣтились они въ домѣ Максимовича, гдѣ Бодянскій жилъ нѣкоторое время. Дружескихъ отношеній между ними, кажется, не было, но они всегда чувствовали взаимную симпатію другъ другу, какъ люди одной національности [4]). Вскорѣ послѣ знакомства Гоголь въ письмахъ своихъ къ Максимовичу уже посылалъ поклонъ своему «землячку»; впослѣдствіи они обыкновенно встрѣчались въ домѣ Аксаковыхъ на такъ называемыхъ «вареникахъ». Это были обѣды по воскресеньямъ, причемъ непремѣннымъ блюдомъ на этихъ обѣдахъ были вареники, а непремѣнными гостями Гоголь, Бодянскій и М. А. Максимовичъ, если онъ бывалъ въ Москвѣ [5]). Послѣ обѣда пѣли иногда малорусскія пѣсни, большимъ любителемъ которыхъ былъ Гоголь [6]). «Въ Русскомъ Архивѣ» записанъ любопытный разсказъ, какъ однажды Гоголь и Бодянскій были на вечерѣ у Аксаковыхъ и распѣвали тамъ малороссійскія пѣсни. Бодянскому вздумалось перевести на латинскій языкъ пѣсню: «И шумыть и гуде».

Et tonat, et bromat
Coelum pluvium dat.

[1]) Письма М. А. Максимовича къ О. М. Бодянскому въ «Чтеніяхъ», 1887, кн. I, стр. 146 и 148.

[2]) Тамъ же, стр. 148—149.

[3]) Тамъ же, стр. 134.

[4]) *Шенрокъ*. Матеріалы для біографіи Гоголя, т. IV, стр. 801—803.

[5]) Рус. Ст., 1888, кн. 11, стр. 409.

[6]) Тамъ же. „Руск. Ст.“, 1889 г., кн. X, стр. 134.. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя, т. IV, стр. 801—803.

Quis me, quis me juventulam
Usque domum réducat?
Respondebit ei miles.
Dulcem melem bibens и т. д.

Такъ начинается этотъ переводъ. Латинскіе стихи выкрыкивалъ Бодянскій съ приплясываніемъ, что, прибавляетъ разсказчикъ, при его фигурѣ выходимо очень смѣшно [1]).

Въ сохранившихся обрывкахъ изъ дневника О. М. Бодянскаго не одинъ разъ идетъ рѣчь о Гоголѣ и встрѣчахъ съ нимъ. Н. В. Бергъ говоритъ объ этихъ встрѣчахъ слѣдующее: «Гоголь измѣнялъ обыкновенно своимъ порядкамъ, если въ числѣ приглашенныхъ вмѣстѣ съ нимъ оказывался одинъ малороссіянинъ, членъ того же славянофильскаго кружка. Какимъ то таинственнымъ магнитомъ тянуло ихъ тотчасъ другъ къ другу: они усаживались въ уголъ и нерѣдко говорили между собой цѣлый вечеръ горячо и оживленно, тогда какъ Гоголь (при мнѣ, по крайней мѣрѣ) ни разу не говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ великороссовъ». Этимъ однимъ малороссіяниномъ былъ и О. М. Бодянскій [2]).

Бодянскій вовсе не былъ замкнутымъ ученымъ. Напротивъ, къ нему обыкновенно заходили пріѣзжавшіе въ Москву малороссы; онъ являлся тѣмъ научнымъ авторитетомъ по изученію Малороссіи, къ которому обращались за совѣтами лица, имѣвшія какія-нибудь научныя или литературные интересы. Съ болѣе видными изъ украинскихъ писателей Бодянскій находился въ перепискѣ. Онъ любилъ писать обширныя письма, иногда разроставшіяся въ цѣлыя научныя статьи. Въ этомъ было его несчастіе. Частныя письма Бодянскаго, въ большинствѣ случаевъ, погибли, а вмѣстѣ съ ними погибло и много цѣннаго для науки. Что это такъ, не трудно судить по тѣмъ остаткамъ писемъ, которые сохранились и уже напечатаны.

---

[1]) Рус. Арх., 1885, кн. I, разныя разности, стр. 140—141.

[2]) *Шепрокъ*. Матеріалы для біографіи Гоголя, т. IV, стр. 800—801.

Говоря о заслугахъ Бодянскаго для изученія Малороссіи, нельзя забывать его постоянныхъ сношеній съ видными дѣятелями малорусской науки и литературы. Являясь для нихъ, при отсутствіи журнала, посвященнаго научному изученію Малороссіи, нѣкоторымъ объединяющимъ центромъ, Бодянскій оказывалъ несомнѣнное вліяніе на изслѣдователей малоруской старины и народности, сосредоточивалъ вниманіе на тѣхъ или другихъ вопросахъ научнаго изслѣдованія родины, дѣлалъ свои критическія замѣчанія, иногда рѣзкія тамъ, гдѣ находилъ это нужнымъ. Вся его обширная переписка съ этими дѣятелями говоритъ объ этомъ.

Въ концѣ 1840-хъ годовъ О. М. Бодянскій познакомился съ молодымъ тогда чиновникомъ министерства народнаго просвѣщенія Г. П. Данилевскимъ. Нужно сказать, что О. М. Бодянскій всегда чрезвычайно любовно относился къ своимъ землякамъ. Такъ онъ отнесся и къ Данилевскому, познакомилъ его съ Гоголемъ [1]).

Между Бодянскимъ и Данилевскимъ началась, конечно, переписка, такъ какъ Данилевскій жилъ въ Петербургѣ. Содержаніе переписки—интересы украинской литературы [2]). Въ срединѣ 1850-хъ годовъ Данилевскій напечаталъ свою статью о Квиткѣ-Основьяненкѣ [3]). Желая рельефнѣе выставить заслуги Квитки въ исторіи украинской литературы, онъ сдѣлалъ предварительно небольшой очеркъ украинской литературы, въ которомъ умалилъ значеніе «Энеиды» Котляревскаго, признавъ въ ней «порядочную частицу сиотворности и воды», зато отмѣтилъ заслуги другихъ, менѣе важныхъ или совсѣмъ незначительныхъ писателей. Мы знаемъ, что когда-то въ молодые годы о Квиткѣ писалъ и О. М. Бодянскій. Его мнѣнія на ходъ развитія украинской литературы во многомъ расходились съ мнѣніемъ Данилевскаго. И вотъ Бодянскій пишетъ Данилевскому нѣсколько рѣзкое, но чрезвычайно интересное письмо [4]) «Что это Вы тамъ нагородили по

---

[1]) Рус. Ст., 1889, кн. X, стр. 134.

[2]) Кіевск. Ст., 1893, январь, стр. 53 – 58.

[3]) *Г. П. Данилевскій.* Украинская Старина, Харьк., 1866, стр. 173—284.

[4]) Кіев. Ст., 1903, янв., стр. 56—57.

поводу Основьяненка, и нашихъ писакахъ?—спрашиваетъ онъ.

Судя по сказанному Вами тамъ, вижу, что Вы писали все съ чужого голоса или письма, да и то перерепутали. Напримѣръ: «и наконецъ (укажу) на г. Кирилла Тополя (Тополю? Какъ же не знать именительнаго?!), который... едва ли не болѣе другихъ украинскихъ поэтовъ говоритъ сердцу? Да развѣ онъ писалъ по-украински? Посмотрите же, что за чепуха его «Чепуха». Она и въ подметки не годится его «Чарамъ», которыя писаны по-каковски? Далѣе, зачѣмъ мѣшать съ писавшими по малороссійски тѣхъ, кои брали только содержаніе для своихъ сочиненій изъ Малороссійскаго быта? Развѣ можно такъ дать правильное понятіе о малороссійскихъ писателяхъ? Развѣ Голота, Кузьмичъ, Петренко, Сомовъ и подобная братія писали по малороссійски? Что за иностранцы: Лозинскій, Левицкій, Вагилевичъ и подобные имъ? Давно ли Котляревскій своей Энеидой сдѣлался снотворнымъ? Доныхъ поръ не только Малороссіяне, но и кто только въ состояніи понимать ихъ языкъ мало-мальски, находили, что никто и никогда не потѣшалъ такъ православныхъ перелицёванкой своей, какъ онъ, нашъ Котляревскій. Есть выворотка Энеиды почти на всѣхъ языкахъ образованныхъ народовъ, но ни на одномъ изъ нихъ съ такимъ успѣхомъ, какъ у насъ. Это судъ не мой, но всѣхъ тѣхъ, кто читалъ перелицёванки другихъ. А такой успѣхъ развѣ возможенъ при снотворности? Наоборотъ: языкъ его, хотя Вы его называете чистымъ малороссійскимъ языкомъ, «puritatis legitimae» именно во многомъ: «illegitime purus sermo». Онъ позволялъ себѣ частенько, для стиха, такіе слова и обороты, которые совершено чужды малороссіянину. Наконецъ, что за замашка у Васъ брать у другого, умалчиваяя о томъ, и такъ приводить его имя совсѣмъ не какъ своего источника, а такъ кстати, мимоходомъ, по поводу, совершенно случайному. Не указываю Вамъ, гдѣ это именно въ Вашей статьѣ: сами возрастъ имате, и потому сами смекнете, къ чему это направлено. Въ заключеніе, съ какой стати Вы называете малороссійское нарѣчіе

[1]) Кіев. Ст., 1897, т. 58—59.

или языкъ, его письменность, сказки, пѣсни и т. п., *степными?* Подъ «степнымъ» разумѣется у насъ только «*Слободско*-Украинское», отнюдь же не все Малороссійское. Неправильно по части называть преимущественно цѣлое: это пристрастіе, правда, понятное, тѣмъ не менѣе пристрастіе, неумѣстное въ печати. Точно также не точно увѣреніе, яко бы Основьяненько писалъ на какой то смѣси харьковскаго нарѣчія. Опять квасная привязанность или пристрастіе. Кромѣ высказаннаго сейчасъ мною Вамъ не въ бровь, а прямо въ глазъ о Вашемъ дѣтищѣ, довольно есть въ немъ и такого, чего не лѣпо есть на письмѣ глаголати. Когда выйдетъ отдѣльно посудимъ больше: но, какъ бы ни былъ строгъ мой судъ, все же статья Ваша (сужу только по первой половинѣ) *очень замѣчательна* и доставила мнѣ много удовольствія многимъ, въ ней содержащимся. Я потому столько привязчивъ къ ней, что не хотѣлось бы съ послѣдними видѣть первыхъ, на одной доскѣ».

Въ то же самое время, когда писано это письмо О. М. Бодянскій, велъ переписку съ П. А. Кулишемъ. Отношенія между ними начались также въ 1840-хъ годахъ: научныя и литературные интересы ихъ были ближе, однороднѣе, чѣмъ у Бодянскаго съ Даниленскимъ, а потому и переписка живѣе, разнообразнѣе. Мы не имѣемъ писемъ Бодянскаго къ Кулишу и не знаемъ, сохранились ли они? Судить о характерѣ переписки мы можемъ только по письмамъ Кулиша, недавно напечатаннымъ [2]). Красной нитью проходитъ черезъ нихъ любовь къ малорусской старинѣ, памятникамъ ея старой и новой литературы, памятникамъ народнаго творчества, къ народному языку. Нѣкоторыя изъ писемъ Кулиша писаны на украинскомъ языкѣ: можно думать, что и отвѣты на нихъ Бодянскаго писаны также по-украински.

Въ перепискѣ съ Кулишемъ не одинъ разъ шла рѣчь и объ Т. Г. Шевченкѣ [1]). Когда познакомился и встрѣтился съ нимъ Бодянскій мы не знаемъ. Изрѣдка они обмѣнивались письмами [2]).

---

[1]) Кіев. Ст., 1897, т. 58 и 59, стр. 399 и въ разныхъ мѣстахъ.

[2]) Охранный каталогъ рукописей А. А. Титова. М., 1888, вып. 3-й. Подъ № 2169 «Письма Т. Г. Шевченка къ О. М. Бодянскому».

Когда Шевченко былъ въ ссылкѣ, Бодянскій посылалъ ему книги. «Авось онъ, записалъ Бодянскій въ своемъ дневникѣ, проведетъ за ними пріятно время въ своемъ уединеніи и вспомнитъ старину, самъ старѣясь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе не столько отъ лѣтъ, сколько отъ обстановки своей» [1]).

Мы уже знаемъ, что къ Бодянскому за совѣтами обращался и молодой, только что начинавшій свою дѣятельность изслѣдователь малорусской старины А. М. Лазаревскій [2]). Бодянскій чрезвычайно тепло встрѣтилъ это обращеніе и сердечно отнесся къ только что начинавшему работнику. Такъ Бодянскій встрѣчалъ всякаго, обращавшагося къ нему за совѣтомъ, и нельзя отрицать, что въ этомъ была уже значительная общественная заслуга Бодянскаго...

Приведенные сейчасъ отрывочные факты показываютъ, что и по возвращеніи изъ-заграницы Бодянскій продолжалъ жить тѣми же литературными и научными интересами къ своей родинѣ, которые такъ отличали его и въ молодые годы. То обстоятельство, что на страницахъ «Чтеній» опубликовано такъ много украинскихъ историческихъ памятниковъ—явленіе вовсе не случайное. Нельзя его объяснить благопріятными условіями, когда въ редакціи оказались подъ рукою много этихъ памятниковъ. Напротивъ, они спеціально выискивались, и Кулишъ въ своихъ письмахъ къ Бодянскому описываетъ иногда цѣлыя программы, которыя намѣчены имъ для отыскиванія тѣхъ или другихъ украинскихъ историческихъ матеріаловъ [3]). Самъ Бодянскій говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Будучи по происхожденію южноруссъ, и и зная, что судьбы этой исконной Руси, особливо за время отдѣльнаго ея существованія отъ Руси Сѣверной, мало извѣстны сынамъ той и другой, благодаря малому распространенію между ними бытописныхъ свѣдѣній, опирающихся непосредственно на

---

[1]) Сборн. О-ва любит. росс. словесн. на 1891 г., стр. 115—116.

[2]) Кіев. Ст., 1889 г., кн. II, стр. 446—450.

[3]) Письма Кулиша къ Бодянскому въ „Кіевск. Стар.“, 1897 г, т. 58 и 59.

источники, я рѣшился въ повременномъ изданіи, завѣдываемомъ мною, какъ редакторомъ и секретаремъ общества, время отъ времени помѣщать послѣднія» [1]).

Печатая въ «Чтеніяхъ» «Исторію Руссовъ», Бодянскій писалъ въ предисловіи къ ней слѣдующее:

«Время отъ времени я намѣренъ тоже самое сдѣлать и съ прочими письменными источниками Малой Росіи, лѣтописями, записками, описаніями и т. п., напр., съ Шафонскимъ, Симоновскимъ, и друг. А потому я просилъ бы всѣхъ, кто только имѣетъ и желаетъ видѣть въ непродолжительномъ времени тѣ и подобные имъ памятники напечатанными, присылать мнѣ оные, какъ секретарю Общества, для снятія съ нихъ списковъ и немедленнаго помѣщенія въ «Чтеніяхъ». Искреняя благодарность и признательность современниковъ, занимающихся исторіею, равно какъ и самаго потомства, будетъ лучшей наградой тѣмъ, кои воньмутъ этому призыву. Пора уже, давно пора, не скрывать подобнаго рода богатствъ подъ спудомъ и тѣмъ, сколько можно, облегчить изученіе и познаніе исторіи Южныхъ Русовъ для всѣхъ и каждаго, особенно же самыхъ Рускихъ. Благо, что есть вѣрный и *скорый случай* исполнить ету священную обязанность истиннаго сына своего народа и отечества».

Тоже самое говорилъ Бодянскій и въ предисловіи къ «Діаріушу» Ханенка [2]), когда онъ начиналъ второй періодъ своей издательской дѣятельности:

«Прошедшія судьбы Малой Россіи преимущественно должны останавливать вниманіе и заботливость на себѣ Малороссіянъ, сыновъ ея. Не позаботятся они о томъ, кто же станетъ заботиться? Всякое уваженіе и значеніе наше исходятъ прежде всего отъ нашего самопознанія и самоуваженія. **Не дивитеся семоу: ако слышиж, и слѫда**, можетъ сказать намъ въ такомъ случаѣ каждый словами Вѣчной Правды».

---

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. росс., 1871 г., кн. I. Смѣсь, стр. 218.

[2]) Предисловіе, стр. XXI.

Изданіе малорусскихъ памятниковъ Бодянскій началъ съ лѣтописей. Въ послѣдствіи Карповъ упрекнулъ его въ этомъ [1]. Бодянскій оправдывался тѣмъ, что поступить иначе онъ не могъ. Есть, несомнѣнно, болѣе драгоцѣнные и важные матеріалы, чѣмъ малорусскія лѣтописи, «но они лежатъ не только подъ спудомъ, но даже за тридевятью замками, а иногда и въ тридесятомъ царствѣ и иномъ государствѣ». Добыть ихъ, обработать къ печати не по силамъ одному человѣку. Бодянскій печаталъ, что могъ, что было у него подъ руками. Къ тому же онъ вовсе не склоненъ умалять значеніе малорусскихъ лѣтописей, какъ дѣлаетъ это Карповъ. «Весьма часто, говоритъ Бодянскій, извѣстіе нехитраго лѣтописца или какой-либо записки, письма и т. п. частнаго человѣка въ сто разъ достовѣрнѣе самого правительственнаго памятника, который въ одно и то же время, какъ говорится, нерѣдко и бѣлитъ и чернитъ, отъ своего чрева гнетъ такъ прямо, какъ дуга, или какъ московская оглобля, словно водой бредетъ; слушая, или читая его, уши вянутъ, въ очахъ зеленитъ, заносится до самозабвенія, людей стыдится и Бога боится» [2].

Мы не будемъ здѣсь разбирать упрековъ Карпова, которые односторонни и несправедливы, тѣмъ болѣе, что онъ самъ въ концѣ концовъ приходитъ къ выводу: «во всякомъ случаѣ хорошо, что малороссійскія лѣтописи изданы (нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ несомнѣнное достоинство)». Изслѣдователи малорусской исторіи въ достаточной степени изучили, оцѣнили и использовали малорусскія лѣтописи, изданныя Бодянскимъ, чтобы можно было умалять заслугу Бодянскаго въ ихъ изданіи. Ими широко пользовались Максимовичъ, Соловьевъ, Костомаровъ и другіе изслѣдователи политической исторіи Малороссіи. Лѣтопись Самовидца была даже переиздана въ 1878 году Кіевской Ком-

[1]) Критич. обзоръ разработки главныхъ источниковъ по исторіи Малороссіи за время 1654—1672 г., М. 1870.

[2]) Чтеніе въ Обществѣ исторіи и древностей 1871 г., кн I. Смѣсь, стр. 216—228.

миссіей для разбора древнихъ актовъ: на столько изданіе этой лѣтописи Бодянскимъ сдѣлалось рѣдкимъ, и на столько она была необходима для изучающихъ малорусскую исторію.

Первымъ изъ памятниковъ малорусской старины, напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ» была «Исторія Руссовъ». Она появилась въ первыхъ четырехъ книгахъ «Чтеній» за 1846-й годъ.

Время составленія «Исторіи Руссовъ» неизвѣстно. Преданіе связывало если не составленіе ея, то исправленіе съ именемъ извѣстнаго бѣлорусскаго архіепископа временъ Екатерины II Георгія Конисскаго.

Бодянскій, который вполнѣ довѣрялъ преданію, разсказываетъ въ предисловіи, какимъ образомъ «Исторія Руссовъ» сдѣлалась извѣстной. Депутату отъ лубенскаго шляхетства въ екатерининской законодательской коммиссіи Г. А. Полетикѣ, который выступалъ въ коммиссіи дѣятельнымъ защитникомъ малорусской общественной самобытности, потребовалась исторія родной страны, для того, чтобы историческими фактами подкрѣплять свои мнѣнія. Съ просьбой о такой исторіи, Полетикъ обратился къ своему учителю, природному малороссу, воспитаннику кіевской духовной академіи Георгію Конисскому. Послѣдній сообщилъ Полетикѣ «Лѣтопись или Исторію», «увѣряя архипастырски, что она ведена съ давнихъ лѣтъ въ кафедральномъ могилевскомъ монастырѣ искусными людьми, сносившимися о нужныхъ свѣдѣніяхъ съ учеными мужами кіевской духовной академіи и разныхъ знатнѣйшихъ малороссійскихъ монастырей, а паче тѣхъ, въ коихъ проживалъ монахомъ Юрій Хмельницкій, прежде бывшій гетманомъ малороссійскимъ, оставившій въ нихъ многія записки и бумаги отца своего, гетмана Зиновія Хмельницкаго, и самые журналы достопамятностей и дѣяній національныхъ, и что при томъ она вновь имъ пересмотрѣна и дополнена». Полетика сравнилъ «Исторію Руссовъ» съ другими подобными исторіями, нашелъ ее «превосходнѣйшею» и всегда придерживался ея при справкахъ и запискахъ, которыя подавалъ въ Коммиссіи. «Итакъ, прибавляетъ Бодянскій, Исторія сія, прошедшая столько отличныхъ умовъ, кажется должна быть досто-

вѣрною». Можетъ возбуждать сомнѣніе только обиліе войнъ, но обстоятельства жизни малорусскаго народа были таковы, что «сего народа все упражненіе и ремесло состояло въ войнѣ и убійствахъ [1]).

Если Бодянскій въ своемъ предисловіи и не называлъ прямо Георгія Конисскаго составителемъ «Исторіи Руссовъ», то авторство послѣдняго въ исторической литературѣ сдѣлалось общепризнаннымъ. И только въ очень недавнее время ученые подвергли его сомнѣнію, при чемъ одни (В. С. Иконниковъ и А. М. Лазаревскій) авторомъ «Исторіи Руссовъ» стали называть самого Г. А. Полетику [2]), другіе (В. Н. Горленко)—сына Г. А.—Василія Григ. Полетику [3])

Предположеніе, что авторомъ «Исторіи Руссовъ» могъ быть Г. А. Полетика имѣетъ за собою много основаній. Полетика былъ человѣкъ ученый, онъ занимался, изучалъ исторію своей родины, собиралъ и собралъ довольно большое количество матеріаловъ. Интересъ его къ исторіи вовсе не былъ вызванъ случайно практическими цѣлями, какъ говоритъ преданіе. Вѣроятнѣе, практическая цѣль защиты «правъ малорусскихъ», которую Полетика преслѣдовалъ въ Екатерининской коммисіи, явилась результатомъ хорошаго его знакомства съ прошлыми судьбами своей ро-

---

[1]) Чтенія 1846 г. (годъ первый) кн. I-я. Предисловіе Бодянскаго къ «Исторіи Руссовъ». Новѣйшіе ученые довольно критически относятся къ исторіи Руссовъ и находятъ ее въ многихъ частяхъ недостовѣрной односторонней и предвзятой. Ср. Соловьевъ «Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу» въ Отеч. Зап. 1848 № 11 и 12-й 1849 № 2 *Карповъ*. Критичес. обзоръ разработки главныхъ источниковъ по истор. Малороссіи. Другія мнѣнія см. у В. Н. Горленка Кіев. Ст. 1891 т. 40 стр, 65—67.

[2]) *Проф. В. С. Иконниковъ*. Опытъ русской исторіографіи т. I, кн. 2-я стр. 1230 прм. 4. *А. М. Лазаревскій*. Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ. Кіев. Ст. 1897 г. т. 33, стр. 110—116.

[3]) *В. Н. Горленко*. Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX ст. Кіев. Ст. 1893 г. т. 40 стр. 60—67.

дины. Скорѣй всего нужно думать, что все міровоззрѣніе Полетики покоится на изученіи исторіи Малороссіи, чѣмъ предполагать, что Полетика искалъ историческаго сочиненія для того, чтобы только лучше обосновать свои уже готовыя мнѣнія. Если мы видимъ, поэтому, что записки, замѣтки и рѣчи Г. А. Полетики, которыя онъ говорилъ или представлялъ въ засѣданіи разныхъ коммиссій въ Москвѣ въ 1767 году по мысляхъ и идеяхъ сходны съ «Исторіей Руссовъ», это еще болѣе должно создавать увѣренность въ томъ, что авторомъ «Исторіи Руссовъ», былъ именно Г. А. Полетика, этотъ горячій малорусскій патріотъ XVIII столѣтія, отстаивавшій «малорусскія вольности» не на демократической только основѣ, а на основѣ преобладанія вполнѣ сложившейся уже въ срединѣ XVIII в. малорусской старины.

Такая мысль сквозитъ и въ «Исторіи Руссовъ», и очень можетъ быть, исторія эта явилась именно въ ту пору, когда, при Екатеринѣ II, малорусскому общественному строю приходилъ конецъ, когда шла административная подготовительная работа къ введенію въ Малороссіи общерусскихъ губернскихъ порядковъ. «Исторія Руссовъ» съ ея глубокими симпатіями къ малорусской общественной самостоятельности, къ малорусскимъ «правамъ и вольностямъ», съ ея несочувственнымъ и враждебнымъ отношеніемъ ко всему, что подрывало эти вольности и грозило имъ уничтоженіемъ какъ разъ соотвѣтствовала тому взрыву малорусскаго патріотическаго настроенія, которое мы видимъ послѣ окончательнаго уничтоженія въ Малороссіи гетманства и во время екатерининской законодательной коммиссіи. Тогда же могла создаться и популярность «Исторія Руссовъ» среди малорусской интеллигенціи. Никакая другая книга до тѣхъ поръ не распространялась въ Малороссіи въ такомъ количествѣ списковъ, какъ именно эта: за переписку ея платили бѣшеныя деньги, были даже промышленники, которые за дорогую цѣну сбывали переписанные экземпляры [1]). Словомъ, книга считалась запретной, опасной; а всякій запретный плодъ—сладокъ.

---

[1]) Чтенія въ Общ. ист. и древ. 1871 кн. I. Смѣсь стр. 222 *В. П. Горленко* Кіев. Ст. 1893 т. 40 стр. 61.

До Бодянскаго было нѣсколько попытокъ издать «Исторію Руссовъ». Добивались этого Устряловъ, Пушкинъ, Гоголь—все напрасно: цензура прекращала всякую попытку. Наконецъ, рѣшилъ попробовать счастья и Бодянскій. «Особенности этой «Исторіи», говоритъ онъ, заставляли всѣхъ, кто имѣлъ случай читать ее въ ходившихъ по рукамъ спискахъ, желать ея оглашенія, выставлялись въ такомъ заманчивомъ свѣтѣ, особливо смѣлость сужденій сочинителя о событіяхъ и двигателяхъ событіями, равно какъ и самый языкъ его, вовсе не похожій на языкъ прочихъ подобныхъ Исторій, что естественно было отважиться, нельзя ли этотъ запретный плодъ сдѣлать доступнымъ всѣмъ и каждому, а не однимъ только тѣмъ, кому такъ или иначе выпало на долю вкусить его» [1]). Для успѣха дѣла, Бодянскій рѣшилъ воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что Общество исторіи и древностей имѣло право собственной цензуры: онъ расчитывалъ, что издать «Исторію Руссовъ» лучше всего именно на первыхъ порахъ издательской дѣятельности Общества, когда дѣло еще не наладилось. И онъ не ошибся. Все сошло удачно. «Исторія Руссовъ» появилась въ печати, хотя «съ каждой книжкой «Чтеній» больше и больше стращали печатавшаго всякими страхами» [2]).

Двери для малорусскихъ матеріаловъ въ «Чтеніяхъ» были, такимъ образомъ, открыты. Вслѣдъ за «Исторіей Руссовъ» въ «Чтеніяхъ» стали печататься другія малороссійскія лѣтописи, лѣтописныя сказанія, записки, дневники, частныя и правительственныя бумаги, и они печатались въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ

---

[1]) Чтенія 1871 г. кн. I, смѣсь стр. 222.

[2]) Чтенія 1871 г. кн. I Смѣсь стр. 222. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Бодянскому отъ 6 февр. 1857 г. М. А. Максимовичъ говоритъ «какъ досадно, что у меня зачитали подаренный вами экземпляръ «Исторія Руссовъ». А знаете ли, что въ Кіевѣ продается она по 10 и 12 руб. сер. и по Малороссіи идетъ слухъ, яко бы она есть книга запрещенная! Сообщаю вамъ это для свѣдѣнія, какъ извѣстіе, полученное отъ пріѣхавшаго съ контрактовъ». Чтенія 1887 г. кн. I. Письма Максимовича къ Бодянскому стр. 146.

(1846—1858) непрерывно, пока въ 1848 году не случилась уже извѣстная читателю Флетчеровская исторія, и изданіе не было пріостановлено. За эти года (1846—1848 гг.) въ «Чтеніяхъ» кромѣ «Исторіи Руссовъ» были напечатаны слѣдующіе малорусскіе матеріалы: «Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго», «Исторія, или повѣствованіе о донскихъ козакахъ» Ригельмана и его же «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ея народѣ и о козакахъ вообще». Часть экземпляровъ этого послѣдняго была иллюстрирована. Къ нимъ были приложены портретъ Богдана Хмельницкаго, 27 литографій, изображающихъ малороссіянъ различныхъ общественныхъ положеній, картина «Избраніе кошевого атамана въ запорожской сѣчи» и двѣ карты— одна юга Россіи, преимущественно Украины и Польши, другая— древнихъ земель, занимавшихъ эту территорію.

За Ригельманомъ издано было «Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ» Петра Симоновскаго—и переведенная съ польскаго языка «Краткая исторія о бунтахъ Хмельницкаго». Затѣмъ слѣдовали «Исторія о козакахъ запорожскихъ, какъ оные изъ древнихъ лѣтъ зачалися, и откуда свое происхожденіе имѣютъ, и въ какомъ состояніи нынѣ находятся»; историческія сочиненія о Малороссіи и малороссіянахъ извѣстнаго академика XVIII ст. Г. Ф. Миллера: переписка и другія бумаги Карла XII, Станислава Лещинскаго, Орлика и др., письма Головкина къ Скоропадскому, «о достопамятностяхъ Чернигова» и «отвѣты на нѣкоторые вопросы о Малой Россіи» М. Маркова; письмо Лазаря Барановича къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ; записка Георгія Конисскаго объ уніи; двѣ грамоты царя Алексѣя Михайловича къ воеводамъ о малорусскихъ козакахъ; о мѣстѣ погребенія гетмана Скоропадскаго; письмо кошевого Гордѣенка къ воеводѣ Шеншину; письмо имп. Александра I къ бывшему малор. гетману Кириллу Разумовскому; повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ со времени покоренія ея Литвой до смерти Богдана Хмельницкаго; письма разныхъ лицъ къ Мазепѣ объ его сестрѣ Войнаровской; письмо Мазепы къ царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ; указъ Петра Мазепѣ 1705 г.; «Краткое истори-

ческое описаніе о Малой Россіи до 1765 г.»; «Начало уніи» Д. Зубрицкаго; «Этнографическій взглядъ на кіевскую губернію» Менькова; «Густынская лѣтопись»; «Описаніе о Малой Россіи и Украинѣ» Станислава Зарульскаго; письма Петра I къ гетману Скоропадскому; «Малороссійская переписка, хранящаяся въ московской Оружейной палатѣ»; «О первыхъ гетманахъ малороссійскихъ» и «акты, поясняющіе исторію Малороссіи» Н. Маркевича; письма царевенъ, дочерей Петра, и имп. Екатерины Алексѣевны къ гетману Скоропадскому и, наконецъ, «Замѣчанія, до Малой Россіи принадлежащія», которыя О. М. Бодянскій считалъ запиской, поданной неизвѣстнымъ авторомъ высшему начальству объ улучшеніи малорусскаго строя. «И, надобно сказать, прибавляетъ Бодянскій, почти всѣ улучшенія, предложенныя имъ, исполнены послѣднимъ (т. е. высшимъ начальствомъ) одно за другимъ постепенно, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями». Въ свое время Д. Н. Бантышъ-Каменскій склоненъ былъ думать, что авторомъ «Замѣчаній» былъ Марковъ [1]), но Бодянскій не принялъ этого мнѣнія и въ послѣднее время оно убѣдительно опровергнуто проф. М. Н. Бережковымъ [2]).

Мы перечислили, кажется, все, изданное въ «Чтеніяхъ» О. М. Бодянскимъ за три года по малорусской исторіи, и думаемъ, ни у кого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, какъ много далъ О. М. Бодянскій наукѣ своими изданіями. До него изданіе матеріаловъ по малорусской исторіи носило чисто случайный характеръ. Нельзя сказать, чтобъ его окончательно не было: еще въ XVIII ст. и въ началѣ XIX ст. нѣкоторые матеріалы по малорусской исторіи были изданы академикомъ Г. Ф. Миллеромъ [3]).

---

[1]) Труд. и Зап. Моск. Общ. Ист. 1826., ч. III, кн. 2, стр. 73—76.

[2]) М. Бережковъ. М. Е. Марковъ и его рукописный сборникъ о черниговской старинѣ стр. 8—9. Таже статья помѣщена въ «Сборникѣ истор.-фил. Об-ва при институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ.

[3]) О началѣ и происхожденіи козаковъ. «Сочиненія и перев. къ пользѣ и увеселенію служащія» 1760 г., апрѣль. Извѣстія о запорожскихъ козакахъ, тамъ же, май, стр. 387—444.

Василіемъ Рубаномъ [1]), Туманскимъ [2]), Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ [3]), Мих. Берлинскимъ [4]), Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ [5]),

[1]) «Историч. извѣстія польскихъ писателей о провинціяхъ и городахъ россійскихъ, бывшихъ нѣкогда во владѣніи польскомъ и потомъ опять россіянами взятыхъ, принадлежащія къ россійской имперіи» Парнасс. Щепетил. 1770 г., декабрь. стр. 290—319.—„Краткія политическія историческія извѣстія о Малой Россіи, съ пріобщеніемъ украинскихъ трактовъ и извѣстій о почтахъ, такожъ списка духовныхъ и свѣтскихъ, тамо находящихся нынѣ чиновъ, числѣ народа и прочая". Спб. 1773:—„О привилегіяхъ королевскихъ, въ бытность Кіева подъ Польшею и о грамотахъ государскихъ, по возвращеніи его подъ Россію, данныхъ кіевскимъ училищамъ" „Старина и Новизна" 1773 г., ч. II, стр. 107—130.—„Роспись митрополитовъ кіевскихъ, съ краткимъ лѣтописаніемъ» Моск. любоп. мѣсяц. на 1776 г.», стр. 54—120.—«Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 годъ, съ изъявленіемъ настоящаго образа тамошняго правленія, и съ пріобщеніемъ списка прежде бывшихъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и іерарховъ; такожъ землеописанія съ показаніемъ городовъ, рѣкъ, монастырей, церквей, числа людей, извѣстій о почтахъ и другихъ нужныхъ свѣдѣній. Спб. 1777. Землеописаніе Малыя Россіи, изъявляющее города, мѣстечки, рѣки, число монастырей и церквей, и сколько гдѣ выборныхъ козаковъ, подпомощниковъ и посполитыхъ по ревизіи 1764 года находилось; такожъ дополненіе о полтавскомъ полку, извѣстіе о почтахъ и трактахъ и алфавитная всѣмъ званіямъ роспись; какъ и дополнительная вѣдомость о церквахъ всѣхъ тамошнихъ епархій. Спб. 1777.

[2]) Въ «Россійскомъ магазинѣ» Ѳ. Туманскаго (1792—1795) напечатаны, между прочимъ: «Выписка изъ записки 1794 г. о происходившемъ въ бывшей Сѣчи Запорожской, при выборѣ въ кошевые атаманы, войсковые судьи, писари и асаулы; такожъ въ разныя мѣста—въ полковники, что обыкновенно бывало въ новый годъ».—Бѣлоцерковскій манифестъ Богдана Хмельницкаго;—Лѣтописецъ Малыя Россіи и др.

[3]) Историческое обозрѣніе о возникшей въ Польшѣ уніи. М. 1805.

[4]) Покореніе Кіева Гедимономъ; Раздѣленіе Малороссіи на полки; О городѣ Кіевѣ; О малороссійскихъ чинахъ (изъ Шафонскаго). «Улей» 1811 г. и др.

[5]) Исторія Малой Россіи 1822 г. Къ этому изданію приложено много актовъ.

митрополитомъ Евгеніемъ Болховитинымъ [1]); въ журналахъ попадались отдѣльные матеріалы, относившіеся къ исторіи Малороссіи [2]); но, повторяемъ, изданія эти носили спорадическій, случайный характеръ; это уже видно изъ того, что главнѣйшія малорусскія лѣтописи оставались все же ненапечатанными. О. М. Бодянскому принадлежитъ несомнѣнная громадная заслуга предъ малорусской исторической наукой въ томъ, что онъ такъ широко открылъ страницы «Чтеній» систематическому изданію малорусскихъ матеріаловъ и далъ возможность изслѣдователямъ пользоваться важнѣйшими историческими источниками, которые до тѣхъ поръ лежали подъ спудомъ.

Было бы ошибкой, впрочемъ, думать, что О. М. Бодянскій первый принялся за систематическое изданіе малорусскихъ историческихъ матеріаловъ. Еще раньше появленія «Чтеній» такое изданіе было предпринято въ Кіевѣ «Временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ», которая въ 1845 году стала выпускать въ свѣтъ свои «Памятники». Но это обстоятельство ни сколько не умаляетъ заслугъ О. М. Бодянскаго предъ наукой и родиной. Изданіе малорусскихъ матеріаловъ явилось у него независимо отъ кіевской коммиссіи; оно было естественнымъ выводомъ изъ міросозерцанія его, какъ малоросса, по происхожденію, и какъ человѣка, проникнутаго интересами научнаго изученія своей родины. Къ этому нужно прибавить, что дѣятельность О. М. Бодянскаго въ общемъ была нѣсколько интенсивнѣе, чѣмъ дѣятельность кіевской коммиссіи [3]), несмотря на то, что Бодянскій дѣй-

---

[1]) Описаніе Кіево-Софійскаго собора К., 1825; Описаніе Кіево-Печерской лавры. Кіевъ 1826.

[2]) Экстрактъ изъ грамотъ и привилегій малорусскихъ, изд. въ Сѣверн. Арх. въ 1828 г.; Наставленіе выборному отъ малор. коллегіи въ коммиссію о сочиненіи новаго уложенія Натальину От. Зап. 1830 г., ч. 42; Описаніе Украины Боплана, изд. въ 1830 г. Устряловымъ; «Запорожская старина» Срезневскаго, Исторія Малороссіи Н. Маркевича (1842 г.) и т. д.

[3]) *Ср. О. П. Левицкій.* Пятидесятилѣтіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ 1893. Перечень изданій, стр. 124—126.

ствовалъ при условіяхъ гораздо худшихъ, чѣмъ коммиссія. Обиліе малорусскихъ матеріаловъ въ «Чтеніяхъ» вызывало нареканія на Бодянскаго отъ членовъ Общества, вообще не жаловавшихъ Малороссію. «Чѣмъ сдѣлались «Чтенія»?—писалъ, напр. проф Кубаревъ къ Сахарову. Сбродомъ всякой всячины и сокровищницею былей и небылицъ хохлатскихъ! Такъ что самое доброе, что есть въ нихъ, совершенно теряется въ этомъ навозѣ» [1]). Для того, чтобы начать печатаніе пѣсенъ Галицкой Руси, собранныхъ львовскимъ профессоромъ Я. Ф. Головацкимъ, Бодянскій, во избѣжаніе «какихъ либо толковъ и пересудовъ» долженъ былъ предпослать имъ собраніе великорусскихъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго [2])

Конечно, во всемъ этомъ О. М. Бодянскому помогала его удивительная энергія, его любовь къ дѣлу, наукѣ. Многое онъ дѣлалъ самъ, своими силами. Почти всѣ, изданные имъ малорусскіе матеріалы снабжены его предисловіями, въ которыхъ онъ сообщаетъ о характерѣ памятника, о томъ, какимъ путемъ памятникъ попалъ въ его руки, даетъ свѣдѣнія или предположенія объ авторѣ и т. д. Иногда эти свѣдѣнія очень обширны. Предисловіе къ «Діаріушу» Николая Ханенка, о которомъ будетъ рѣчь ниже, разрослось, напр., въ цѣлую обстоятельную историческую статью о родѣ Ханенковъ. Но этого мало: къ нѣкоторымъ памятникамъ О. М. Бодянскій дѣлалъ примѣчанія, устанавливалъ разночтенія, объяснялъ малорусскія или непонятныя слова, какъ онъ сдѣлалъ это при «Исторіи Руссовъ» и «Лѣтописи Самовидца». О. М. Бодянскимъ или при его ближайшемъ участіи и редакціи сдѣланы подробные указатели къ наиболѣе крупнымъ изъ изданныхъ памятниковъ: Исторіи Руссовъ, Лѣтописи Самовидца, сочиненіямъ Ригельмана. Мы не говоримъ уже о томъ трудѣ, который былъ связанъ съ добываніемъ матеріаловъ для печати. Главнымъ помощникомъ и поставщикомъ его въ этомъ отношеніи, если можно такъ выразиться, былъ П. А. Кулишъ [3]), затѣмъ слѣдо-

---

[1]) Древняя и Новая Россія 1880, т. I, стр. 514.

[2]) Рус. Ст. 1888, кн. II, стр. 402.

[3]) Письма Кулиша къ Бодянскому въ «Кіев. Ст.», 1897 г., т. 57 и 58.

вали М. И. и А. И. Ханенко, М. О. Судьенко, Г. А. Милорадовичъ и др. изъ малороссовъ. Но О. М. Бодянскій умѣлъ побудить къ доставленію ему матеріала и не однихъ малороссовъ. Нѣсколько интересныхъ актовъ по малорусской исторіи напечатали въ первые годы «Чтеній» И. Д. Бѣляевъ и И. Е. Забѣлинъ. Послѣдній, какъ мы уже упоминали, помѣстилъ въ 1848 году обширную и важную, преимущественно, въ дипломатическомъ отношеніи «Малороссійскую переписку, хранящуюся въ архивѣ московской оружейной палатѣ».

Въ 1848 году издательская дѣятельность О. М. Бодянскаго была, какъ извѣстно, насильственно прервана. Съ удаленіемъ его изданіе малорусскихъ матеріяловъ прекращается. Въ смѣнившемъ «Чтенія» «Временникѣ московскаго Общества исторіи и древностей» ихъ почти нѣтъ. Они возобновляются только въ 1858 году съ возобновленіемъ «Чтеній» и съ возвращеніемъ О. М. Бодянскаго къ редакторской дѣятельности.

Къ этому времени у Бодянскаго было уже нѣсколько вполнѣ готовыхъ къ изданію матеріаловъ. Изданіе ихъ, значитъ, продолжалось бы непрерывно, если бы не случилась катастрофа 1848 г.

На первомъ мѣстѣ здѣсь мы должны поставить «Источники малороссійской исторіи», собранные Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. По заявленію самого Бодянскаго, первая часть «Источниковъ» была совсѣмъ готова осенью 1848 года и предназначалась къ изданію во 2-й книжкѣ «Чтеній» за этотъ годъ [1]).

Источники собраны были въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностр. дѣлъ бывшимъ начальникомъ этого Архива Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ. На основаніи этихъ матеріаловъ сынъ его Д. Н. Бантышъ-Каменскій писалъ свою «Исторію Малой Россіи» и нѣкоторые изъ нихъ помѣстилъ въ «приложеніяхъ» къ первому изданію ея въ 1822 году. Помѣщена была впрочемъ сравнительно незначительная часть ихъ, 63 изъ 177: къ тому же первое изданіе «Исторіи Малой Россіи» скоро сдѣлалось библіографическою рѣдкостью; во второмъ изданіи (1836 г.)

---

[1]) Предисловіе О. М. Бодянскаго къ 1 выпуску «Источниковъ».

Бантышъ-Каменскій напечаталъ документы только въ извлеченіи, а въ третьемъ (1842 г.) и совсѣмъ ихъ опустилъ [1]). А между тѣмъ документы эти чрезвычайно важны для изученія политическаго хода событій въ Малороссіи во время и послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго. Когда Бодянскій, печатая «Исторію Руссовъ», обратился къ любителямъ малорусской старины съ приглашеніемъ присылать ему для напечатанія историческіе матеріалы, въ числѣ первыхъ, откликнувшихся, былъ и Д. Н. Бантышъ-Каменскій. Бодянскій немедленно же приступилъ къ печатанію и, пока «Источники» набирались, былъ напечатанъ, какъ намъ уже извѣстно, рядъ малорусскихъ лѣтописей. Катастрофа 1848 г. застала, такимъ образомъ, «Источники» въ наборѣ. Бодянскій предполагалъ, что ихъ будетъ 3—4 части [2]); но ихъ вышло всего двѣ, при чемъ первая была напечатана въ «Чтеніяхъ» 1858 года, а вторая въ 1859 году. Первая обнимаетъ собой время отъ Зборовскаго договора (1649 г.) до избранія въ гетманы Мазепы; вторая—отъ 1691 года до 1722 года, т. е. до смерти Скоропадскаго. «Источники малороссійской исторіи» заключаютъ въ себѣ матеріалы первостепенной важности для изученія вопроса о политическомъ существованіи Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго. Здѣсь мы находимъ гетманскія статьи и переписку по поводу ихъ, документы, относящіеся къ измѣнѣ Мазепы и къ событіямъ, слѣдовавшимъ во внутренней жизни Малороссіи послѣ этой измѣны, когда Петръ I сталъ болѣе дѣятельно и энергично вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Малороссіи, когда, наконецъ, была введена Малороссійская Коллегія...

Въ томъ же 1858 году, въ «Чтеніяхъ» былъ изданъ и «Діаріушъ» Николая Ханенка. Въ качествѣ старшаго канцеляриста, Ханенко сопровождалъ гетмана Скоропадскаго во время его послѣдней поѣздки въ Москву въ 1722 году и здѣсь день за днемъ записывалъ все, что происходило. Время послѣдней поѣздки Скоропадскаго было чрезвычайно важнымъ моментомъ въ поли-

---

[1]) Чтенія 1871 кн. I смѣсь стр. 224—225

[2]) Предисловіе Бодянскаго къ I вып. Источниковъ.

тической жизни Малороссіи. Послѣ этой поѣздки была, какъ извѣстно, учреждена Малороссійская Коллегія. Само собой разумѣется, какой большой интересъ долженъ представлять для историка «Діаріушъ» Ханенка.

Мы уже упоминали выше, что Бодянскій снабдилъ изданіе «Діаріуша» обстоятельной статьей, посвященной исторіи рода Ханенковъ. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ въ этой статьѣ значеніе «Діаріуша»:

«Отъѣзжая въ послѣднюю съ гетманомъ, отправлявшимся для поздравленія Петра I-го съ знаменитымъ Ништадскимъ миромъ и принятіемъ императорскаго имени, Ханенко сознавалъ важность времени и рѣшился вести Діаріушъ или Журналъ съ самаго выѣзда изъ Малороссіи (3-го генваря). Важность сообщаемаго въ немъ, надѣюсь, каждый занимающійся судьбами своего народа, оцѣнитъ вполнѣ. Въ немъ слышимъ мы разсказъ непосредственнаго очевидца многому, въ то время совершавшемуся въ Бѣлокаменной, и притомъ очевидца, вовсе не думавшаго о гласности, но записывавшаго для себя, «памяти ради» и удовлетворенія собственной любознательности. Потребность эта проявилась въ немъ еще до поѣздки въ Великую Россію, какъ показываетъ то другой Журналъ его, начатый имъ за два года съ небольшимъ до того, и оставленный только не за долго до смерти. Невольно переносишься въ то время, читая эти простыя замѣтки о ежедневныхъ посѣщеніяхъ козацкимъ гетманомъ тогдашнихъ сильныхъ земли, и взаимно ими его, который, при всей слабости своей всякаго рода, имѣлъ еще большое значеніе для нихъ, равно какъ и для самаго государя. Чѣмъ далѣе вчитываешься въ этотъ простодушный разсказъ, тѣмъ болѣе не хочется оторваться отъ него. По кончинѣ гетмана, очевидно, отъ горести, по случаю учрежденія Коллегіи подъ предсѣдательствомъ бригадира съ 10-ю гарнизонными товарищами, якобы для денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ и верховнаго рѣшенія дѣлъ по аппелляціямъ, Ханенко посланъ былъ въ іюлѣ съ однимъ товарищемъ отъ имени генеральной старшины и полковниковъ къ государю, находившемуся тогда подъ Дербентомъ, съ письмами, которыя вручилъ лично, и оставался при арміи до самаго возвращенія ея въ Астра-

хань, изъ коей отправленъ обратно въ Глуховъ. Своевольные поступки Коллегіи заставили наказнаго гетмана (Полуботка) съ старшиной жаловаться на нихъ Сенату, который, въ отсутствіе императора, удовлетворилъ справедливому прошенію; но предсѣдатель Коллегіи, Вельяминовъ, объяснилъ все дѣло совершенно иначе возвратившемуся государю изъ Персидскаго похода, а потому рѣшеніе Сената было уничтожено, распоряженія Коллегіи снова подтверждены, жалобщики потребованы въ Петербургъ, ровно черезъ годъ по отбытіи изъ Москвы Скоропадскаго, т. е., вся старшина генеральная съ наказнымъ гетьманомъ, въ томъ числѣ и Ханенко. Извѣстно, какая судьба постигла ихъ тамъ. Подвергаясь нѣсколько разъ пыткѣ въ Тайной Канцеляріи и просидѣвъ въ ужасномъ заключеніи болѣе года, гдѣ многіе и скончались, узники получили свободу, имущество, званіе и чины прежніе только съ восшествіемъ на престолъ Екатерины I-й».

Въ отрывкѣ, который мы только что привели, Бодянскій упоминаетъ о «другомъ Журналѣ Ханенка». Это былъ «Партикулярный журналъ или для памяти повседневная записка» [1]). Бодянскій думалъ объ его изданіи [2]), но оно тогда почему-то не состоялось, и только много лѣтъ спустя, въ 1884 г., «Журналъ» этотъ былъ изданъ А. М. Лазаревскимъ въ приложеніяхъ къ «Кіевской Старинѣ», подъ заглавіемъ «Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка (1727—1753). Рукопись за это время успѣла уже значительно пострадать [3]). Въ рукахъ Бодянскаго былъ болѣе полный дневникъ Ханенка, начинался онъ съ 1719 годомъ и оканчивался 1754 годомъ [4]); въ изданіи А. М. Лазаревскаго дневникъ начинается только 1727 годомъ, оканчивается декабремъ 1753 года и кромѣ того въ срединѣ еще не достаетъ нѣсколькихъ листовъ [5]). Этотъ фактъ, ду-

---

[1]) Предисловіе къ «Діаріушу» Ник. Ханенка стр. VI.

[2]) Тамъ-же стр. VII.

[3]) Предисловіе А. М. Лазаревскаго къ дневнику Ханенка стр. XIV.

[4]) Предисловіе Бодянскаго къ „Діаріушу“ стр. VI.

[5]) Предисловіе Лазаревскаго къ дневнику Ханенка стр. XIV.

мается намъ, еще болѣе подчеркиваетъ заслугу О. М. Бодянскаго, спѣшившаго издавать какъ можно больше матеріаловъ. Кто знаетъ, сохранились бы до нашего времени многіе изъ малорусскихъ лѣтописей, если бы ихъ не поспѣшилъ напечатать Бодянскій?

Въ «Чтеніяхъ» 1858 г. были помѣщены также: «Роспись городу Кіеву; акты о козакахъ, собранные М. А. Маркевичемъ; наставленіе выборному отъ малороссійской коллегіи въ Коммиссіи о сочиненіи Новаго Уложенія Натальину и возраженіе на него Г. А. Полетики; изслѣдованіе М. А. Максимовича «О древней епархіи переяславской и, наконецъ, имъ же сообщенная драма, представленная въ Кіевскихъ школахъ въ 1728 году, подъ заглавіемъ «Милость Божія Украину чрезъ Богдана Зиновія Хмельницкаго свободившая и возвеличившая». Въ 1859 году былъ напечатанъ второй томъ «Источниковъ малороссійской исторіи», собранныхъ Бантышъ-Каменскимъ и затѣмъ печатаніе малорусскихъ историческихъ документовъ производилось ежегодно, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ прежде. Пробѣлъ въ этомъ отношеніи мы находимъ только въ концѣ 1860-хъ годовъ: именно въ 1866—1869 г. мы не встрѣчаемъ историческихъ документовъ. Очень можетъ быть, что не безъ вліянія на это прошла и та передряга, которую пришлось пережить О. М. Бодянскому послѣ забаллотированія его въ университетѣ.

Малороссійскіе историческіе матеріалы, напечатанные О. М. Бодянскимъ послѣ 1859 г., относятся преимущественно къ XVIII и XIX столѣтіямъ. Исключеніемъ изъ этого являются «Реестры всего войска запорожскаго послѣ зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ», составленные въ 1649 году, и изданные Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ» 1874 года. Изъ матеріаловъ, относящихся къ XVIII и XIX ст. отмѣтимъ только нѣкоторые: «Книгу пожиткамъ Полуботка», акты, касающіеся его имѣній; инструкцію стародубскому полковнику Кокошкину; дѣло гадяцкаго полковника Милорадовича съ ген. судьею Чернышемъ; бумаги изъ архива Румянцева: о скупкѣ земель въ Малороссіи; объ открытіи въ Малороссіи намѣстничествъ и др.; бумаги Румянцева, относящіяся до управленія Малороссіи; бумаги изъ архива князя

Репнина; записку новгородсѣверскихъ старообрядцевъ, представленную Потемкину, рѣчь Андр. Полетики; записку черниговскимъ депутатамъ, отправлявшимся для принесенія благодарности Александру I за возстановленіе дворянской грамоты и т. д.

Въ 1871 году Бодянскимъ напечатано изслѣдованіе Г. А. Милорадовича о Любечѣ, при которомъ приложено довольно большое собраніе документовъ, преимущественно, юридическихъ актовъ на владѣніе землей. Изъ этнографическихъ матеріаловъ—«Пѣсни галицкой Руси» Я. Ф. Головацкаго, печатавшіяся въ 1860-хъ и въ 1870-годахъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на страницахъ «Чтеній» и затѣмъ въ 1878 году вышедшія отдѣльно; статью г. А. Боровиковскаго «Женская доля по малорусскимъ пѣснямъ» («Чтенія», 1867) и «Сборникъ малороссійскихъ заклинаній», собранныхъ П. С. Ефименкомъ («Чтенія», 1874).

Уже одно количество изданныхъ О. М. Бодянскимъ матеріаловъ по исторіи и этнографіи малорусскаго народа краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ велика заслуга издателя для изученія Малороссіи. Къ этому нужно прибавить, что матеріалы, изданные Бодянскимъ, если и не всѣ первостепенной важности, то все же они давали и дали очень много для разработки малорусской исторіи. Сдѣлавшись доступными болѣе широкому кругу изслѣдователей, они доставили возможность имъ болѣе научно, критически отнестись къ событіямъ прошлой жизни малорусскаго народа, провѣрить ихъ, освѣтить болѣе правильно. Безъ матеріаловъ, изданныхъ Бодянскимъ не могъ и не можетъ въ настоящее время обойтись ни одинъ изъ изслѣдователей старой жизни Малороссіи.

Въ какомъ видѣ представлялись самому О. М. Бодянскому ходъ и развитіе малорусской исторіи на основаніи извѣстныхъ ему матеріаловъ—мы не знаемъ. Онъ стоялъ только всегда за чисто научное безпристрастное изслѣдованіе малорусской жизни, безъ той тенденціи, которая, къ сожалѣнію, и теперь еще такъ много вредитъ правильному пониманію какъ малорусской исторіи, такъ и запросовъ современной намъ жизни малорусскаго на-

рода. Въ этомъ отношеніи О. М. Бодянскій одинъ разъ высказался довольно опредѣленно [1]).

Г. Ф. Карповъ, сдѣлавшись профессоромъ харьковскаго университета, въ своей вступительной лекціи высказалъ такого рода положеніе: «методомъ преподаванія исторіи должна быть юриспруденція, потому что всѣ люди борятся за свои интересы, и исторія есть ничто иное, какъ борьба, а, стало быть, судебный процессъ о томъ, которой сторонѣ жить, и которой умереть». «Этотъ взглядъ свой, говоритъ О. М. Бодянскій, г. Карповъ проводитъ и въ сочиненіи своемъ, касающемся Малороссіи, и проводитъ, надобно признаться, совершенно согласно съ исповѣдью своей, открыто беззастѣнчиво, съ видимымъ удовольствіемъ и наслажденіемъ. И онъ завязалъ судебный процессъ о томъ, которой изъ Руси жить, и которой умереть; громитъ и разитъ въ пухъ и прахъ то самое въ подсудной ему сторонѣ, что въ неподсудной находитъ въ порядкѣ вещей, оправдывая всякое насиліе, явную несправедливость, нарушеніе торжественныхъ договоровъ, правъ и льготъ, тѣмъ извѣстнымъ изреченіемъ, по коему все ни по чемъ, коль скоро не подходитъ подъ общіе порядки, нужды нѣтъ, что эти порядки хуже всякихъ безпорядковъ, и что именно они-то и вызываютъ мнимые безпорядки, какъ протестъ противу произвола, покоющагося на пресловутомъ: «Stat voluntas pro ratione!» «Дѣлай, молъ, по моему здраву!» Но поступая такъ, нашъ историкъ-юристъ забываетъ первое основное требованіе всякаго обвиненія, по которому: «Accusans debet esse melior accusato.» Преувеличеніе вредно во всемъ, въ Исторіи же оно всегда указываетъ сколько на искаженіе ея съ одной стороны, столько и на незрѣлость мысли и слабость душевную съ другой. Читая сужденія Г-на Карпова въ его «Критическомъ обзорѣ», такъ и хочется сказать ему: «Не сохни, не боли, не твои пироги!» а лучше: «Оглянись-ко назадъ, не горитъ ли твой посадъ!» Что бы мы ни

---

[1]) Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. 1871 г., кн. I. Смѣсь, стр. 226—228.

дѣлали, не мыслили, первое условіе дѣлателя, какъ существа мыслящаго, если желаетъ онъ какого либо успѣха, это—чувство мѣры: «In medio virtus,» говаривали еще Римляне. Напротивъ, неумѣренность, крайность, никогда къ добру не ведутъ. Кличъ: «Жизнь, или смерть!» хорошъ въ крайности житейской, между Сциллой и Харибдой, отнюдь же не на кладбищѣ, мѣстѣ покоя, а не борьбы, гдѣ взвѣшивается содѣянное на вѣсахъ правды и безпристрастія къ борцамъ. Всѣ счеты наши остаются за порогомъ гроба, за которымъ настаетъ судъ по дѣломъ каждаго; а не кому жить, кому умереть, такъ какъ ни кто уже не живетъ, всѣ мертвые, все конечно: «Было, и быльемъ поросло!» Вносить же и въ загробный міръ борьбу на жизнь и смерть можетъ только черствое сердце погрязшаго съ головой въ мірской суетѣ и тинѣ, ищущаго, во что бы ни стало, поставить на своемъ, а не узнать, какъ и что было, чтобы воздать по правдѣ всѣмъ и за все. Потому-то нельзя не пожелать, чтобы такой взглядъ на Исторію не появлялся болѣе ни у насъ, ни у кого бы то ни было. Иначе—прости на вѣки справедливость! Вмѣсто преданія забвенію враждованія спорившихъ нѣкогда на бѣломъ свѣтѣ, воззовутся снова раздоры, котора, и борьба за мое и твое снова всплыветъ на поверхность. Можетъ ли по тому осуществиться и извѣстное желаніе Южно-русскаго народа, который возсоединяясь съ единокровными своими братьями, единодушно восклицалъ, въ своей молитвѣ къ Всевышнему: «Боже, утверди, Боже, укрѣпи, чтобъ есми во вѣки вси едино были!» Вообще, какъ опытъ показалъ, юристы—ненадежные судьи въ области Исторіи: извѣстно, какъ они въ Средніе Вѣка поступили съ одной Имперіей. Скажутъ: «Сочинитель «Критическаго обзора», какъ человѣкъ, заблуждается». Такъ? Но заблужденіе разнаго рода бываетъ: невольное, не преднамѣренное естественно, и по тому менѣе виновно; то же которое идетъ изъ строго обдуманной теоріи, предвзятаго взгляда и заранѣе построенныхъ рамокъ, осуждать на смерть все, не подходящее подъ объявленный взглядъ, чего нельзя втиснуть въ свои рамки, кто съ здравымъ умомъ одобритъ, назоветъ благоразум-

нымъ? «Въ словеса бо познана будетъ премудрость», замѣчаетъ мудрый. И если, по словамъ другого мужа правды и житейскаго опыта: «не всѣмъ же видимъ свѣтъ свѣтлый есть въ древностехъ», тѣмъ паче слѣдуетъ судящимъ языкы и царства «словесемъ своимъ сотворити вѣсъ и мѣру», такъ какъ: «словеса мудрыхъ въ мѣрилѣхъ станутъ»...

Ruthenisches Seminar
an der
Universität
Czernowitz